

61:05 - 7/431

Московский педагогический государственный университет

На правах рукописи

Далецкая Вероника Юрьевна

**Политика российского государства и церкви в отношении сектантов в
XVIII-XIX веках.**

Специальность 07.00.02. – отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
док. ист. наук., профессор Введенский Р.М.

Москва-2005

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение	с. 4
Глава 1 Явление сектантства	с.33
1.1 Корни сектантства, причины его массового распространения	с.33
1.2 Основные русские секты	с.47
§1 Классификация сект	с.47
§2 Русские мистические секты (хлысты, скопцы)	с.49
§3 Первые рационалистические секты (молокане, духоборы)	с.58
Глава 2 Законодательная политика в отношении сектантов	с.62
2.1 Отношение царской власти к РПЦ.	с.62
§1 Первая половина XVIII века	с.65
§2 Вторая половина XVIII века	с.69
§3 Первая половина XIX века	с.71
§4 Вторая половина XIX века	с.74
2.2 Законодательство в отношении сектантства	с.79
§1. Недооценка проблемы сектантства – XVIII век	с. 81
§2. Политика лояльности – I треть XIX века	с. 87
§3.Период активной борьбы с сектантством – II треть XIX века	с.94
§4 Политика компромиссов – последняя треть XIX века	с. 107
Выводы	с. 119

Глава 3.Формы борьбы с сектантством	c.123
3.1 Методы борьбы с сектантами используемые церковью	c.123
§ 1 приходское духовенство	c. 123
§ 2 миссионерская деятельность	c.138
3.2 Методы борьбы с сектантами используемые государством	c.156
§ 1 особенности суда над сектантами	c. 156
§ 2 виды наказания сектантов	c.167
3.3 Численность сектантов, проблемы статистики	c. 174
Выводы	c.184
Заключение	c. 186
Приложения	c. 190
Приложение 1	c.190
Приложение 2	c.191
Приложение 3	c.192
Приложение 4	c.193
Приложение 5	c.197
Библиографический список	c. 198
Сноски	c. 214

ВВЕДЕНИЕ

Тема диссертации – политика церкви и государства в отношении сектантов в XVIII-XIX веках. Объект исследования – русское сектантство.

Секты – это отдельное, обладающее присущими только ему особенностями, явление российской истории, «ее культурная изнанка и религиозное подполье»¹. Этим термином (от латинского *secta* – учение, направление, школа) принято обозначать «религиозную группу, общину, отковавшуюся от господствующей церкви»². То есть, сектантство возникает как оппозиция официальной религии, а чаще всего, и государству, ее поддерживающему.

Чтобы проследить политику светской и духовной властей в отношении отступников, необходимо обратиться к периоду российской истории, когда религиозное инакомыслие было явлением массовым и, соответственно, вызывало максимальное противодействие.

Таким образом, работа охватывает *период с 30-х годов XVIII века (к этому времени относятся первые официальные данные о появлении сектантов) и до революции 1905 года, когда фактически была разрешена свобода вероисповеданий.* Это время активного распространения и развития сектантства.

Актуальность исследования определяется современным состоянием религиозной жизни российского общества. В условиях глобальной ломки всех сфер жизни, ясно видно – постсоветский человек обращается к религии. Но переживает подъем не только православная церковь, множится и увеличивается сектантство, обращая на себя внимание СМИ и общественности, вызывая беспокойство.

Между тем, политика государственной власти в этом вопросе остается неопределенной. Не выработаны механизмы классификации сект и принципы

взаимодействия с ними. В некотором замешательстве оказалась и РПЦ, традиционно являющаяся государственной, исконно русской религией.

«Россия наводнена сектами. И результаты противосектантской деятельности последнего десятилетия показали нам, насколько разрозненно, хаотически велась она. Столкнувшись с неожиданным ростом сектантства в конце 80-х – начале 90-х годов православные авторы отнеслись к нему как к явлению принципиально новому, ранее в России неизвестному и вследствие неопытности обратили свои взоры на Запад...ища помощи у протестантских апологетов.»³, – пишет сотрудник «Миссионерского обозрения» Кузнецова Т.Н.

Таким образом, в настоящее время особенно важным представляется исследование опыта, который, путем проб и ошибок, был наработан РПЦ и государством до революции; тех методов, которыми они пользовались в борьбе с русским религиозным подпольем на протяжении двух веков. Анализ причин отхода православных прихожан от церкви, успешности методов применявшимся РПЦ и светской властью, а также наработанной законодательной базы может оказать большую помощь в формировании современной государственной политики и организации эффективной миссионерской работы в наши дни.

В связи с этим, диссертационное исследование имеет следующую цель – исследовать, систематизировать и дать оценку мерам, применяемым в борьбе с сектантством православной церковью и государственной властью.

Для ее достижения в работе поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть во времени и проанализировать причины распространения сектантства в XVIII-XIX веках.
2. Проанализировать законодательство государственной власти и постановления церкви по борьбе с сектантами.
3. Рассмотреть формы борьбы с сектантством, ее этапы, обусловленность изменения этих форм конкретными обстоятельствами.

4. На основе анализа статистических данных количества сектантов в разные периоды дать оценку успешности работы государственных и церковных институтов в борьбе с сектантством.

Теоретико-методологической базой исследования стали методы объективности, системности, историзма. Они включили в себя анализ политики государства и церкви в отношении сектантов как системы, обладающей определенной внутренней структурой и характеризующейся взаимосвязью и взаимодействием всех ее элементов. Согласно принципу историзма явление рассматривается последовательно, в процессе его внутреннего, самообусловленного, и внешнего, обусловленного воздействиями посторонних факторов, развития. Духовная и политическая жизнь исследуются комплексно, в их эволюции. Значительное место занял сравнительно-исторический метод, в числе прочего, позволивший оценить состояние приходского духовенства в интересующий нас период.

Круг *источников* по теме весьма широк и разнообразен. Их можно разделить на следующие группы:

I. Законы и постановления

1. законодательство, имеющее отношение к вопросам веры и сектам
2. постановления местных властей
3. решения судебных органов
4. постановления духовных властей

II.Статистические данные

1. данные переписей населения
2. статистические данные, собранные МВД
3. неофициальные статистические данные

III. Противосектантские источники

1. материалы работы миссионерских съездов
2. ежегодные отчеты миссионеров

3. переписка различных церковных деятелей по вопросам борьбы с сектантством
5. материалы полемических бесед с сектантами
6. материалы монастырей относительно содержащихся в заточении сектантов

IV. Иные неофициальные источники

1. свидетельства общения с сектантами различных исследователей, писателей и пр. людей, сочувствующих инакомыслию
2. показания свидетелей по судебным делам, касающимся сектантов

V. Сектантские источники

1. религиозные произведения созданные сектантами
2. сборники их гимнов и молитв
3. прошения и письма сектантов направленные властям
4. показания сектантов во время следствия

Многие источники были опубликованы в дореволюционный период. Так, в XIX веке регулярно издавались правительственные постановления и законы о сектантах.⁴ Их анализ позволяет проследить процесс изменения законодательства с течением времени.

Особняком в этом списке можно поставить исследование Варадинова Н.⁵. В 50-х годах XIX века выходит восьмой том его истории МВД, где автор сводит воедино большинство указов и постановлений МВД, касающихся старообрядчества и сект, начиная с середины XVIII века до 1854 года. Автор практически не дает собственных оценок, лишь обозревает документы. Работа Варадинова уже в XIX веке была ценным источником сведений для исследователей раскола и сектантства, несмотря на то, что некоторые постановления автор упускает из виду.

Итак, законы и постановления высших церковных и светских законодательных органов изданы достаточно полно. Однако реальные судьбы сектантов вершились на местах. Поэтому, важным источником, необходимым

для исследования политики властей по данному вопросу, являются постановления и решения губернских и уездных властей, а также отдельных консисторий, касающиеся общего отношения к инакомыслящим, и решения, выносимые в отдельных случаях.

Данные сведения можно найти лишь фрагментарно, в местной периодической печати как религиозного (например, «Епархиальные новости»), так и светского характера. Также, они встречаются в различных произведениях исследователей русского инакомыслия XIX века. Богатый материал подобного рода содержится в работах Кони А.Ф.⁶, Бобрищева-Пушкина А.М⁷. Однако, еще более ценными они представляются с точки зрения наличия данных о судебных делах и решениях. Сведения, собранные этими известными юристами-практиками, дают представление о положении дел в судебной области начиная с 70-х годов XIX и заканчивая началом XX века.

Позиции авторов сходны и позволяют получить представление об общем настроении представителей судебной ветви власти. Приводя ценный источниковедческий материал, они вскрывают противоречия между различными ветвями власти – законодательной, исполнительной и судебной, а также выявляют кризис в отношениях между церковью, как одним из государственных институтов, и светскими интересами властей.

Решения судов, относящиеся к более раннему времени, можно, отчасти, найти в вышеперечисленных сборниках постановлений, в том числе – и у Варадинова Н.. Это связано с тем, что в течение всего XVIII века сведений о сектантах поступало немного и все они связаны с конкретными судебными процессами против них (например, процесс 1733 года, на котором впервые обращено пристальное внимание властей на секту хлыстов).

Упоминание о судебных делах против сектантов можно встретить также во многих исследованиях, опубликованных в XIX веке.⁸

Основная законотворческая деятельность велась светскими властями, церковь оставляла за собой лишь назидательную функцию. Однако, будучи

громадным административным институтом, она вынуждена была координировать свою деятельность в отношении отступников от веры с помощью различных постановлений и внутренних правил. Их влияние распространялось только на священнослужителей, но влекло за собой массу последствий для общего государственного дела борьбы с инакомыслием. Постановления церковных властей также частично изданы в «Правилах об устройстве миссий...»⁹ и «Сборнике законоположений и распоряжений по духовной цензуре ведомства православного исповедания с 1720 по 1879 год».¹⁰

Кроме того, сведения о внутрицерковных постановлениях регулярно печатались в различных периодических изданиях религиозного содержания, таких как «Миссионерское обозрение», «Миссионер», «Религиозный вестник» «Церковный вестник».

Особняком стоят данные, позволяющие оценить размах антицерковного движения в России. В XIX веке несколько раз происходили переписи населения. Одним из пунктов был вопрос о вероисповедании. Однако исследователи полагались на честность респондентов. К тому же, всех сектантов, без разбора особенностей их веры, записывали в графу «Раскол».

Отдельно сбором статистических данных относительно сектантов занималось МВД. В течение исследуемого периода МВД издавало и другие статистические сборники.¹¹ Каждый год министерство отсыпало подробные сведения царю. В 1901 году оно издает сборник сведений о раскольниках и сектантах.¹² Они были представлены в виде подробных таблиц их численности, с учетом особенностей веры. Таким образом, был устранен пробел переписей населения.

Результаты статистических исследований по нескольким губерниям приводятся, в частности, в книге Попроцкого М.¹³ Автор комментирует имеющиеся в его распоряжении данные и заключает, что статистика в интересующей нас сфере была несостоятельной. Он делает собственные предположения относительно реального положения дел. Данные официальных

источников приходится признать далекими от реального положения в области статистики сектантства и использовать только для анализа изменений в подходе государственных органов к сбору информации.

Более достоверные сведения приводятся в отчетах чиновников, которые, по заданию МВД, исследовали проблему на местах. Эти данные, отчасти, можно найти в исследовании Варадинова Н., а также – в уникальном труде Кельсиева В.И¹⁴

Кроме официальных представителей власти, подсчитывали число сектантов и многие историки, в частности, занимался этим вопросом известный исследователь русского инакомыслия Пругавин А.С.¹⁵ Интересные сведения, относительно реального количества сектантов можно найти в местных изданиях.¹⁶ Данные независимых исследователей существенно разнятся с официальной статистикой, однако, также не могут быть признаны достоверными, так как ни один историк своими силами не мог провести полномасштабного подсчета численности сектантов. Однако, при соотношении сведений официальной и альтернативной статистики, можно делать выводы о примерном положении дел.

Многие источники, содержащие сведения о сектантстве, грешат одним недостатком – они заведомо отрицательно относятся к религиозным правоискателям. Однобокость восприятия сказывается на качестве информации, и, тем не менее, из них можно почерпнуть важные сведения.

С 60-х годов XIX века усиливается миссионерская работа, постепенно на местах начинают создаваться братства и общества, ведущие противораскольничью и противосектантскую деятельность, издаются миссионерские периодические издания, один за другим проходят съезды миссионеров.

Миссионерская деятельность РПЦ достаточно подробно освещалась в печати. Были изданы уставы братств и обществ, материалы работы, речи и

решения миссионерских съездов¹⁷, сборники сведений о миссионерской деятельности¹⁸.

Богатым источником сведений о сектантах являются журналы, освещавшие миссионерскую деятельность православной церкви. Так, например, в «Миссионерском сборнике», посвященном деятельности миссии в Рязанской губернии, регулярно печатались беседы с сектантами, сведения о деятельности пастырей, материалы миссионерских съездов. В изданиях такого рода содержится много примеров миссионерской полемики с рационалистическими сектами. Подобные сведения публикуются и в отдельных сборниках.¹⁹. Они дают представление о методах работы миссионеров, отчасти, об их отношении к «заблудшим», а также о взглядах и степени убежденности самих сектантов.

«Миссионерское обозрение» печатало интереснейшие материалы работы конкретных миссионеров. Подобные отчеты выходили и отдельными изданиями²⁰. Впечатления миссионеров – уникальный и разнообразный материал, они показывают, как жили реальные сектанты, каким образом решалась проблема на местах, в реальности, а не в постановлениях Синода и Сената.

В 1915 году выходит последнее издание документов, связанных с сектантством, в котором собран воедино очень важный пласт материалов по хлыстовским и скопческим общинам в разных регионах страны. Автор данного трехтомника, Айвазов И.Г²¹, был миссионером и имел возможность напрямую общаться с вольнодумцами.

Следует отметить, что многие дореволюционные монографии столь богаты фактическим и статистическим материалом, что могут быть отнесены к числу источников.²²

Например, много материала было собрано православным священником, исследователем раскола и романистом Мельниковым П.И.. Его исследования издавались в журнале «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских»²³

Другой пример – Высотский Н.Г.²⁴. В своей книге «Материалы из истории духоборческой секты.» он собрал данные о первых годах существования секты духоборов. Автор приводит уникальные источники – переписку Синода с Тамбовским епископом Феодосием по вопросу о возникновении в его епархии новой секты.

Богатый материал собрали миссионеры. Выпускались отдельные сборники миссионерских бесед с духоборами и молоканами. Их целью было дать пример удачного диспута, но, таким образом, до нас дошли верования сектантов.

Особый интерес представляет переписка различных церковных деятелей. Она дает сведения о реальном положении дел в приходах, о мерах, применяемых на местах в случае столкновения с явлением сектантства, и о взаимоотношениях местных консисторий, епархиального начальства и Св.Синода. Основная сохранившаяся часть документов такого рода остается не изданной, но есть и исключения, например, переписка прокурора Св.Синода Победоносцева с епископом Херсонской губернии Никанором и епископом Полтавским Илларионом²⁵.

Но не все были настроены против сектантов. К концу XIX века все чаще в среде интеллигенции слышатся разговоры о свободе вероисповедания и совести, появляется много сочувствующих «религиозному подполью» и стремящихся раскрыть всю несправедливость отношения к немуластей. Многие исследователи непосредственно беседовали с сектантами и оставили драгоценные материалы этого общения.²⁶

Основатели русских сект XVIII-XIX веков практически не оставили записанных вероучений, религиозные традиции передавались из поколения в поколение устно, изменяясь и трансформируясь со временем. Такое положение дел связано с тем, что лидеры инакомыслия в основном были людьми простыми и неграмотными, так же, как и основная масса их последователей. В XIX и начале XX века в исследованиях, посвященных сектантству, можно найти отрывки произведений сектантов, пересказы бесед и диспутов с

последними, примеры их песнопений, которые нигде больше не сохранились. Но, из соображений цензуры, отдельных сборников сектантских произведений не выходило.²⁷ Лучшим собранием поэзии русских сектантов является специальный том «Записок Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии», изданный в 1912 году Т.С. Рождественским и М.И. Успенским²⁸.

Бонч-Бруевич В.Д. призвал сектантов присыпать ему материалы и выпустил их в нескольких сборниках документов²⁹. В одном из выпусков он впервые издал «Животную книгу» духоборов – основы их учения³⁰.

В начале XX века отдельным изданием выходят также письма одного из лидеров духоборов П.В. Веригина, дающие представление о религиозных взглядах последователей этой секты на рубеже веков³¹.

Кроме материалов, собранных различными исследователями, изданы также отдельные письма и прошения сектантов к властям. Эти документы носят совершенно иной характер. Опасаясь репрессий, сектанты сдержанны и осторожны в выражении своих верований. Тем не менее, это очень важный вид источников, позволяющий проследить отношение сектантов к официальным властям.

Так, в 1791 году духоборы Екатеринославской губернии подали записку генералу Каховскому, в которой изложили основы своей веры и, в том числе, раскрыли свои взгляды на отношение к светским властям и причины отхода от Православия. Записка написана простым языком, так как ее автором был крестьянин, но, при этом, содержит массу полезной информации, мнение самого народа.

Интересным документом из истории другой секты, а именно скопцов, является записка Алексея Еленского (Елянского), в которой он «набросал проект теократической системы, управляемой скопцам»³². Это наивное послание к императору Александру I – одно из самых откровенных сведений о

верованиях скопцов. Наиболее полное собрание документов, относящихся к данной секте, можно найти в секретном издании МВД³³.

С совершенно другой стороны открывается перед нами проблема сектантства при изучении писем Урбановича-Пилецкого М.С., последователя кружка Татариновой Е.Ф. из Сузdalского заточения³⁴. Являя собой редкий пример образованного сектанта, автор в своих письмах, адресованных обер-прокурору Синода графу Протасову, живописует состояние заточенных в монастырях людей и предлагает различные проекты по улучшению их жизни.

Следствия и судебные разбирательства по делам о религиозном инакомыслии долгое время были закрытыми и секретными, поэтому их материалы не издавались. В XIX веке изданными можно встретить только материалы немногочисленных судебных процессов, прошедших в XVIII веке, и то в сильно сокращенном виде. Основной же массив показаний сектантов по подобным делам хранится в архивах и ждет своих исследователей.³⁵

Таким образом, многие из источников были изданы еще в XIX – начале XX века. Однако большая их часть носит фрагментарный характер и снабжена пристрастными комментариями. Достаточно часто официальные источникиискажали факты. Сведения самих сектантов представлены не очень широко и, во многом, остаются неопубликованными.

Документы по проблеме взаимоотношения русского сектантства и власти можно найти в нескольких архивах, в частности, в Российском Государственном Архиве Древних Актов. В фондах, содержащих документы Преображенского приказа и Тайной канцелярии, есть дела относящиеся к истории возникновения русского сектантства в XVIII веке. В седьмом фонде содержатся материалы следствий I половины XVIII века. Именно в этих документах впервые под именем квакеров фигурирует секта «людей Божьих»³⁶.

Фонд 1431 РГАДА содержит дела местных судебных учреждений о старообрядцах и сектантах. Он насчитывает 4206 ед. хр. и охватывает период с 1796 по 1916 год. Документы данного фонда представляют собой дела судов:

А). Палаты суда и расправы, палаты уголовного суда, палаты уголовного и гражданского суда, губернских судов

Б). Городовые магистраты, ратуши и уездные суды

В). Пореформенные суды (окружные, областные)

Они, безусловно, представляют интерес при изучении положения русского сектантства в конце XIX – начале XX веков (подавляющая часть документов относится к данному периоду).

В Центральном Историческом Архиве Москвы также находятся важные сведения по вопросам государственной политики в отношении сектантов. Так, в фондах 93, 94, 2023, 1358 и других содержатся постановления уездных судов (за 1755-1866 годы). Из материалов дел можно узнать многое о бытовой жизни отступников, об их взаимоотношениях с односельчанами и с православными родственниками, о способах завлечения в секты, а также об их верованиях.

Фонды 34-44, 1843, 1359 хранят материалы Городовых магистратов о переходе из православия в сектантство, а через Канцелярию Московского градоначальника (ф.105) проходили дела о наблюдении за сектантами, их аресте и высылке из Москвы.

В фондах Московского столичного и губернского статкома (ф.199) можно найти сведения о числе преступников и их категориях.

Особый интерес представляют дела 131 фонда, в котором содержится информация о Московском окружном суде. В разделе секретных и государственных дел хранятся материалы по ведению следствия в отношении случаев нахождения скопцов в период с 1860 по 1917 год. Уникальные данные встречаются в «Переписке прокурора московской судебной палаты о лицах принадлежащих к sectam хлыстов, скакунов и шелапутов»³⁷, а также в его же переписке по делу о распространении секты скопцов³⁸. В данных делах не

только собраны ценные сведения о вероучении сект, но, также, содержатся мнения представителей судебной власти на местах по поводу мер, которые необходимо к ним применять, и причин неэффективности прежних действий.

Богатый неизданный материал находится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Так, в фондах 135, 230, 369 содержится информация о главной «беде» православной церкви на рубеже XIX-XX веков – штундистах.

В архиве Короленко В.Г. (ф.135) собраны вырезки из газет того времени, посвященные сектантам, а также имеются рукописные свидетельства сектантов и официальные документы по тем же делам (в частности, дело о погроме в церковной школе в деревне Антоновка Самарской губернии).

Возможность сравнить мнение официальной и опальной сторон предоставляются также при исследовании дел из архива Бонч-Бруевича В.Д. (ф.369).

Большой пласт документов хранится в архивах Санкт-Петербурга – столице Российской империи, в частности, в фондах Св. Синода в Российском Государственном Историческом Архиве (РГИА).

Таким образом, существует множество архивных документов, которые помогут пролить свет на отношение государства и церкви к сектантству.

Секты привлекли внимание исследователей еще в XIX веке, к данной теме обращаются многие авторы. *Библиография сектоведческой литературы*, изданная Алексеем Пругавиным, уже в 1887 году заняла целый том. Причем, за последующие дореволюционные 30 лет, было написано еще вдвое больше. Более точное представление о количестве написанных работ могут дать следующие сведения: преподаватель Владимирской духовной семинарии О. Сахаров составил сборник «Литература истории и обличения русского раскола». Он состоял из 3-х выпусков, в первом из которых было 1576

названий, во втором – 2229, а в третьем уже 3080. То есть общее количество работ, посвященных сектантству, достигло 6885 наименований.

Однако, количество литературы не сказалось на ее качестве – авторы этого времени не ставили своей целью представить полное и всестороннее исследование сектантства. Поэтому работы, в основном, носят описательный характер и излагают историю появления конкретных сект и их основные догмы.

С политической точки зрения, исследователи сект отчетливо делятся на два противоположных лагеря. Общим у двух групп был интерес к сектантству, как общественно-политическому явлению, однако, подход к данной проблеме был разным.

Первая линия сектоведческой литературы была остро радикальной. Она представлена этнографами и интеллигенцией. Пругавин А.М., Бонч-Бруевич В.Д., Кони А.Ф. и др. интерпретировали сектантство, как проявление социального протesta и особое явление в религиозной жизни России.

Консервативная линия представлена специалистами так называемой «внутренней миссии». Этот церковный институт, непосредственно подчиненный Синоду, ставил своей целью обращение русских сектантов в православие. Его органами были «Миссионерское обозрение», «Миссионер» и др., а также местные журналы, например, «Рязанский миссионерский сборник».

Миссионеры видели в сектантах преступников, которые представляют большую опасность для легковерных людей, православной церкви и для государства в целом.

Сектоведческую литературу дореволюционного периода можно классифицировать следующим образом:

1. общие работы, дающие обзорное представление о наиболее крупных сектах и проблеме сектантства в России в целом;
2. работы, посвященные истории конкретных сект, толков и течений;
3. литература, посвященная миссионерской деятельности в среде отступников от православной веры;

4. работы, освещающие вопросы суда, следствия и наказания сектантов;
5. произведения, в которых анализируется численность инакомыслящих и проблемы статистики сект;
6. художественная литература, в которой фигурируют сектанты.

Поскольку число сект было чрезвычайно велико, следует оговориться, что будут рассмотрены, прежде всего, наиболее значимые, сыгравшие основную роль в формировании политики правительства и церкви в отношении религиозного инакомыслия в целом.

Общие работы – наиболее часто встречающийся вид исследований дореволюционного периода. В них, в основном, приводятся общие сведения о различных сектах, время их появления, особенности культа и обрядов. При этом, практически отсутствует анализ причин появления сект, связи отношения к ним с политической ситуацией в стране, причин трансформации их учений. Чаще всего, в качестве причины появления сектантства называется невежество и необразованность населения. Однако, данные работы, написанные современниками событий, цепны своим фактическим материалом, зачастую почерпнутым из ныне утерянных источников.³⁹

XIX век богат исследованиями, посвященными конкретным сектам. Также было написано много работ, посвященных конкретным толкам. Чаще всего, в поле зрения авторов попадали секты скопцов, хлыстов, духоборов, а также штундизм.

В истории секты «людей Божьих» существует несколько основных спорных моментов: вопрос о происхождении секты, проблема классификации различных общин и признания или нет их хлыстовскими. Одной из основных отличительных черт секты хлыстов была независимость отдельных общин, «кораблей», и наличие в каждой из них своего лидера – «Христа». Данное обстоятельство стало причиной того, что, по прошествии времени, мелкие местные общины оказались связаны с хлыстами лишь名义ально. Некоторые

исследователи причисляют все эти секты к одному толку, другие же воспринимают их по-отдельности.

Позиции по вопросу о происхождение хлыстов в имеющейся литературе могут быть условно разделены на три группы:

1. Хлысты являются продуктом иноземного влияния и привнесены в Россию искусственно и случайно (Добротворский И. ⁴⁰, Реутский Н.В. ⁴¹, Мельников П.И., Кельсиев В.И. ⁴², Ливанов А.А. ⁴³).

2. Христовщина являлась самобытным явлением, как раскол и старообрядчество. Мнения же о том, что повлияло на возникновение секты, разное. Например, Милюков П.Н.⁴⁴ утверждает, что хлысты берут начало в беспоповщине. Барсов Н.И.⁴⁵ считает, что причины возникновения хлыстов следует искать в исторических условиях русской народной жизни.

3. «Люди Божьи» – продукт соединения восточных ересей с исторически выработанным миросозерцанием русского народа (Барсов Е., Корнеенко И.).

Секта скопцов не вызывала у исследователей столько кривотолков – все они сходились во мнении, что она вышла из недр христовщины. Одним из первых специальных исследований данного течения стала работа медика – Пеликане Е. ⁴⁶. В дальнейшем, на это исследование опирались следственные органы при необходимости определить принадлежность подозреваемых к скопчеству. Автор дает краткую справку о мировой истории скопчества, но, в основном, подробно рассматривает теувечья, которые наносили себе сектанты. Следует отметить, что книга богато иллюстрирована и могла служить наглядным пособием.

Еще одно основополагающее исследование – книга Надеждина Н.И. ⁴⁷. До 40-х годов XIX века правительство достаточно лояльно относилось к хлыстам и скопцам. Ходящие в церковь и внешне соблюдающие обряды сектанты, до поры до времени, не привлекали вниманияластей. Но к сороковым годам ситуация поменялась и труд Надеждина, написанный по заказу МВД, стал основой для дальнейшего многолетнего гонения. Имея в своем распоряжении

всю секретную правительенную, архивную и судебную информацию, автор написал уникальное исследование. В первую очередь, оно ценно из-за приведенных в нем источников. Но автор не только приводит найденные им данные, но и анализирует их. На основе собранного материала он делает вывод, что под видом соблюдения православных обрядов скрывается изуверская, вредная секта, последователи которой не чтят православных святынь и презирают официальную религию.

Труд Надеждина был выпущен очень маленьким тиражом и засекречен. Только в 1861 году Кельсиев В.И. включил его в свой сборник документов, относящихся к сектантству.⁴⁸

Большое внимание привлекала и секта духоборов. Это связано с ее многочисленностью и относительной открытостью. В отличие от последователей мистических сект, духоборы не скрывали своих взглядов и не пытались прикинуться православными. В описании культа духоборов среди исследователей нет единогласия. Это связано с тем, что они опирались на свидетельства самих сектантов, а последние говорили каждый по своему разумению.

Один из спорных – вопрос о создании секты. Основная часть исследователей считает создателем учения духоборов Силуяна Колесникова. Однако, существует и иное мнение. Так, священник Орест Новицкий⁴⁹ в своем исследовании высказывает мнение, что Колесников только оформил учение в единое целое, но сам он находился под влиянием квакерских идей, занесенных в Россию Квирином Кульманом.

Еще одно альтернативное мнение высказал Ливанов Г. в своей статье «О начале и происхождении молокан и духоборов». Он считает, что духоборы вышли из молокан и, лишь потом, попали на Украину. С ним спорит Новицкий О. Он утверждает, что реальных упоминаний о связи молокан и духоборов нет.

В XIX веке выходит также значительное количество работ, касающихся миссионерской деятельности православной церкви по возвращению в нее

отступников. Во второй половине XIX века открывается множество миссионерских изданий, в которых постоянно отслеживалась работа миссионеров, обсуждались насущные проблемы. Авторы, действующие миссионеры, описывают свою работу в конкретных епархиях, рассказывают о «подводных камнях» своей деятельности, высказывают мнения о причинах малой эффективности миссионерской деятельности. Кроме того, отдельными книгами выходят наставления миссионерам, как следует проповедовать сектантам, а так же отчеты о миссионерской деятельности на местах⁵⁰.

В большей части работ такого рода сквозит открытая неприязнь к сектантам, они носят обличительный характер и не могут считаться объективными.

Одним из замечательных трудов является книга А. Веденского «Борьба с сектантством»⁵¹. Автор обобщает более чем полувековой опыт активной миссионерской деятельности в среде сектантов и признает ее малоэффективной. Он подробно разбирает причины такого положения дел и отмечает целый комплекс имеющихся проблем, в частности, невыдержанность миссионеров, отсутствие четкого плана в их проповедях, слишком сложный, назидательный тон бесед, необразованность многих приходских священников и многое другое.

Недостаточный уровень образования священнослужителей отмечали многие авторы, в том числе М. Кальнев⁵² Оригинальное мнение о причинах неудач внутренней миссии, высказывает Остроумов Н.И.⁵³. Он считает, что «вся беда и вся скорбь...миссии, заключается в равнодушии к вере и миссионерскому делу со стороны христианского общества, не исключая и духовенство»⁵⁴

С проблемой упорства сектантов в своих заблуждениях, напрямую связан вопрос о причинах появления сект и отпадения от православия. Полного анализа данной проблемы проведено не было. Тем не менее, размышления на эту тему можно встретить в ряде статей размещенных в православных изданиях. Так, Губин П. и Скворцов В. в своей статье «Психологическая точка зрения на причины распространения сектантства и на способы и условия

борьбы с ним»⁵⁵ пишут, что в основе сектантства лежит поиск истины. Авторы задаются вопросом, почему некоторые люди удовлетворяются известными понятиями, а другие – ищут свою истину. Они считают, что причиной тому воспитание, будущие сектанты «ищут иных понятий, потому, что они не были знакомы с этими готовыми понятиями, не были в них воспитаны... Поэтому сектантство связано... с переселенческим вопросом.». Позиция авторов статьи представляется нам спорной, однако она интересна необычностью подхода.

Несмотря на наличие отдельных статей, посвященных анализу причин отпадения от Православия, данная проблема недостаточно освещена и требует более подробного исследования, которое и будет проведено ниже.

Многие авторы (в том числе упоминавшиеся выше М.Кальнев, И. Айвазов) предлагают свои варианты мер по модернизации миссионерской деятельности. Проанализировав все эти разрозненные мнения, Введенский А. предлагает детальный план реформирования сложившейся миссионерской практики. Интересно, что многие приемы он черпает из опыта самих сектантов, у которых проповедь налажена значительно более эффективно.

Н. Ивановский⁵⁶ на страницах «Миссионерского обозрения» задается вопросом о том, есть ли вообще будущность у миссионерской противосектантской деятельности. Он говорит о неопределенности положения миссионеров, их бесправности и плохой обеспеченности. Однако сетования миссионера не были услышаны и, в результате, через десяток лет многие известные и, что самое ценное, опытные миссионеры прекратили свою деятельность.

В дореволюционный период было издано много чисто практических наставлений о том, как следует вести проповедь с теми или иными сектантами.⁵⁷ Такие готовые схемы обличения сектантов помогали неопытному миссионеру вести работу.

Государственная политика в отношении сектантов не нашла своего отражения в сколько-нибудь полном научном труде в дореволюционный период. Упоминание о ней можно найти лишь в отдельных главах работ, посвященных более общим вопросам – истории телесных наказаний, исследованиях тюрем, судебной системы и государственных органов, занимающихся преступлениями.

В первую очередь, обращают на себя внимание уже упоминавшиеся ранее произведения А.М. Бобрищева-Пушкина и А.Ф. Кони. Будучи представителями судебной власти, они описывают ее работу во второй половине XIX века. А.Ф. Кони обращает внимание на работу кассационного департамента Сената. Он указывает на противоречия в работе местных судебных органов и законодательной власти, а также на игнорирование местными исполнительными органами постановлений Сената относительно сектантов; на отсутствие беспристрастности при проведении экспертизы, так как экспертами выступали заинтересованные духовные лица.⁵⁸

Согласен с ним и А.М. Бобрищев-Пушкин, он обосновывает необходимость максимального разделения функций церкви и государства, пользу такого разделения для обеих структур. Автор указывает на то, что в сознании народа церковь и государственная власть становятся синонимами, и это сводит на «нет», в том числе, и всю миссионерскую работу. Бобрищев-Пушкин делает вывод, что миссия и духовный сан несовместимы.

Цели государства и церкви не совпадают на 100%, а, когда церковь находится в подчиненном положении, неизбежно происходит их смешение. Рассматривая историю XVIII-XIX веков, исследователь приходит к выводу о постоянном столкновении интересов церкви и государства и назревшей необходимости их размежевания.

Отдельное место занимают работы, посвященные монастырским тюрьмам. Первым в широкой печати о проблеме нечеловеческого заключенных в монастырях заговорил Пругавин А.С. Он выпустил ряд исследований,

посвященных исследованию монастырским тюрьмам Суздаля и Соловков, а также Шлиссельбургской и Петропавловской крепостям. Вообще, больше всего работ посвящено истории Соловецкого монастыря и его застенок⁵⁹. Авторы сходятся во мнении, что такая мера наказания, как заточение в монастырях вместе с сумасшедшими на срок, зависящий только от настоятеля, не только неэффективна, но и бесчеловечна.

Но заточение в монастыри применялось не так часто. Основная масса сектантов ссылалась в Сибирь и в Закавказье, а также подвергалась физическому наказанию. Отдельно, применительно к инакомыслящим, этот вопрос не изучался, и получить представление об интересующей нас проблеме можно только из более общих работ, посвященных системе наказаний в России.

Важным для изучения эффективности правительственные и церковных методов воздействия на сектантов является вопрос статистики сект. Однако чаще всего данной проблемы касались вскользь, работ целиком посвященных этому вопросу создано не было. Отрывочные данные можно найти в работах Абрамова А.Я⁶⁰, Виноградова И.Г.⁶¹, Попроцкого М.⁶².

Авторы, так или иначе касавшиеся вопроса статистики сект, приводят разные данные, причем цифры отличаются на порядок. Однако, все они едины в одном – точный подсчет количества инакомыслящих в современных им условиях невозможен.

Начиная с середины XIX века, важную роль в процессе изучения явления сектантства играют периодические издания. Журналы консервативного и официально-церковного направления («Русский вестник», «Христианское чтение», «Православное обозрение», «Миссионерское обозрение», «Русский инок», «Церковный вестник») были полны обличительных статей о сектах. Много материалов выходило на страницах литературных и этнографических журналов (например, Этнографическое обозрение), традиционно

доминировавших в русской периодике. В особенности богаты такими статьями популярные исторические издания того времени: «Русский архив», «Исторический вестник», «Русская старина», «Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских» и журналы народнического и либерального плана («Отечественные записки», «Дело», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Современный мир», «Русская мысль», «Ежемесячный журнал»).

Заслуживают внимания не только центральные издания, важную роль в вопросе изучения сект играли Епархиальные вестники, которые освещали ситуацию на местах. Информация Епархиальных вестников ценна с источниковой точки зрения, о чем было сказано раньше, а также тем, что передает настроения местного церковного начальства, приходского духовенства и миссионеров.

Тема религиозного инакомыслия нашла свое отражение и в художественной литературе. Лучшим примером могут служить романы Мельникова-Печерского П.И.⁶³ и Черкасова А.Т. в его трилогии «Сказания о людях тайги». Написанные на основе реального материала, они живо и красочно описывают жизнь сектантов, их верования и способы привлечения новых членов. Это особенно важно, так как свидетельства людей, живших в непосредственной близости от сектантов и наблюдавших их каждый день, почти не издавались и их можно найти, в основном, в архивах. Между тем, они являются важным источником для изучения быта правдоискателей и отношения к ним православного населения.

В советский период сектантство не было популярной темой: за 70 лет было написано всего несколько книг. Довольно подробно останавливается на проблемах русского инакомыслия Никольский Н.М.⁶⁴ в своем обширном труде по истории русской церкви. Его книга была написана в 1930 году и выдержала три издания. Она охватывает период с проникновения христианства на Русь и

до кризиса государственной церкви в XX веке. Данная работа описывает историю церкви с позиций марксизма-ленинизма. Сектантству в его труде посвящена отдельная глава.

Причины создания сект Никольский Н.М. видел в необходимости «уйти от какого бы то ни было господства...»⁶⁵ Автор отмечает, что секты возникают, в основном, в крестьянской среде, он прослеживает влияние социального состава сект на их идеологию.

Еще одним исследователем сектантства был Клибанов А.И. Автор выпустил ряд работ, в которых он исследует сектантство в феодальный период, а так же делится своими впечатлениями от общения с сектантами, которые остались в советской России после революции. К интересующему же нас периоду у него относиться только одна работа⁶⁶ – «Народная социальная утопия в России. XIX век». В ней автор исследует сознание крестьян, их идеологический протест и психологию крестьянства. Клибанов отмечает, что «социальная утопия» народа часто представлялась в религиозной оболочке, поэтому в полной мере проследить чаяния народа можно, исследуя развития сектантства. Данная работа содержит краткий обзор государственных мер по борьбе с расколом и по его исследованию в XIX веке. Своей задачей автор считал, показать на конкретном материале, как представляли себе крестьяне «новые формы общежития».

В это же время выходит ряд работ, посвященных развенчанию ореола святости православной церкви через раскрытие агрессивной сущности ее деятельности. Это произведения Венедиктова Д.⁶⁷, Грекулова Е.Ф.⁶⁸, Иванова А.П.⁶⁹, Фруменко Г.Г.⁷⁰

Грекулов Е.Ф. спорит с мнением дореволюционных исследователей, в частности, с Барсовым Н.И⁷¹ и утверждает, что в России существовала настоящая инквизиция, и что церковь располагала специальными органами, созданными для расследования дел против религии и церкви. К таким органам он причисляет духовные консистории. Автор дает обзор истории церковных

наказаний и, в том числе, рассматривает монастырские тюрьмы. Высокой оценки удостоил Грекулов позицию Пругавина, который первым начал писать об ужасах монастырских застенок. Общий тон работы обличительный.

В советский период ряд авторов создал работы, посвященные дореволюционной системе политического сыска и наказаний: Гернет М.Н.⁷², Голикова Н.Б.⁷³, Подосенов О.П.⁷⁴ Исследования данных авторов не направлены напрямую на изучение сектантства, но, так как в течении XVIII века религиозное инакомыслие воспринималось как политическое преступление, в них содержится полезная для нашей работы информация.

Характер сектантского протesta против церкви и властей был исследован Никандровой М. В своей статье «Революционное народничество и сектантство»⁷⁵, она констатирует неудачу попытки организации революционного подъема в сектантской среде и делает вывод об отсутствии политических требований у религиозных оппозиционеров.

Важного и практически не освещенного до сих пор вопроса взаимоотношений государственной власти и сектантов касается А.Ю Полунов в своей статье «Государство и религиозное инакомыслие в России (1880-1890гг)»⁷⁶. В поле зрения автора попадает в основном штунда. Полунов основывается на работах дореволюционных юристов и соглашается с ними в оценке противоречий, обострившихся к концу XIX века между административной властью на местах, поддерживавшей церковь, и центральной законодательной и судебной властью. «Руководство МВД без энтузиазма смотрело на перспективы религиозной борьбы чреватой общественными потрясениями»⁷⁷, – пишет автор.

В постсоветское время религиозные аспекты истории вновь обрели своего исследователя. Историки пытаются раскрыть восприятие русским народом духовности, и, таким образом, объяснить происходившие в нашей стране события.⁷⁸ В частности, осмыслению духовного пути русского человека, его

ценностным ориентирам, идеалам и стремлениям посвящено исследование С.В. Перевезенцева «Тайны русской веры».⁷⁹ Автор обращается к русской религиозно-философской мысли X-XVII веков.

Продолжает оставаться популярной тема политического сыска и наказания преступников в дореволюционной России. В 1994 году увидела свет книга Евреинова Н.⁸⁰ Чуть позже, в 1999 году, выходит обширное исследование Е. Анисимова «Дыба и кнут»⁸¹. Эта работа посвящена политическому сыску и русскому обществу XVIII века. Политическим преступлением в Императорской России считался, например, отказ от присяги. Раскольники и сектанты не хотели принимать государственные институты, присягу и пользоваться деньгами и, естественно, попадали под особый контроль государственных учреждений. В результате, их ждали допросы, пытки, телесные наказания и ссылка в Сибирь. Сибирским реалиям посвящена книга Акишина М.О. «Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого»⁸².

Шаляпин С.О. обращается к теме монастырской ссылки.⁸³ Впервые с дореволюционных времен, исследователи вновь стали писать о миссионерской деятельности православной церкви.⁸⁴ В возрожденном журнала «Миссионерское обозрение» за 2000 год (№10-12) вышла статья Кузнецовой Т.Н. «Опыт противосектанской деятельности православной церкви в конце XIX – начале XX века.». Автор указывает на актуальность изучения данной проблемы в свете того, что «Россия наводнена сектами»⁸⁵. Кузнецова Т.Н. рассматривает историю миссионерской деятельности РПЦ с церковных позиций, осуждая государственную власть за бездействие в отношении сектантов и проводя параллель с настоящим временем. Она сетует на то, что православной церкви приходится полагаться на себя и призывает анализировать опыт прошлых столетий.

Общий обзор сект дан в публицистической книге Синявского А. «Иван дурак», впервые изданной в Москве в 2001 году. Труд посвящен русской духовной жизни и разбору верований сектантов выделен специальный раздел.

В сборнике статей «Вопросы отечественной истории». М., 1996, вышла статья Ушакова А.В. «Сектантство как форма крестьянского протesta в России в конце XIX- начале XX века». Автор обращает внимание на политические взгляды сектантов, он отвергает советское представление о революционной пассивности оных и указывает на ряд выдвигаемых ими чисто политических требований. По мнению Ушакова, сектантство – это стихийный, неосознанный протест «темных, неразвитых крестьян против существующих в России общественно-политических порядков»⁸⁶. К сожалению, автор совершенно не учитывает другой мотив отхода от православия – правоискательство, поиск путей спасения души.

В 1998 году в Москве вышла книга литературоведа Эткинда А. «Хлыст. Секты, литература и революция». Она посвящена психологии сектантства как такового и его влиянию на литературу и на отдельных поэтов, философов и писателей. Эткинд, так же, как и Ушаков, уделяет особое внимание проблеме взаимосвязи революционных и религиозных идей, но подходит он к ней с иных позиций. Автор говорит о религиозных, можно даже сказать сектантских, корнях русской революции.

Основное исследование Эткинда скорее филологическое, чем историческое. Автор стремиться решить именно литературные вопросы, а спорные моменты, связанные с возникновением христовщины, с классификацией сект и т.п. обходит стороной, ограничиваясь констатацией наиболее популярной точки зрения.

Вторая монография, полностью посвященная сектантству, вышла в Москве в 2002 году. Ее автор – американка Лора Энгельштейн⁸⁷. Книга освещает историю секты скопцов от ее зарождения и до полного уничтожения уже в советские годы. Автор в популярной форме, однако, опираясь на большое количество опубликованных и архивных источников, излагает историю секты.

Несмотря на появлении двух вышеозначенных монографий, постсоветские исследования религиозного инакомыслия носят частный характер и касаются только отдельных сторон интересующей нас проблемы.

До настоящего времени не было создано обобщающих трудов, которые бы учитывали причины возникновения сектантства как массового явления при всестороннем анализе политики государственной власти и церкви в этом вопросе. Остается малоисследованной проблема изменения отношения к сектантам в зависимости от политических событий в стране.

Таким образом, *степень научной разработанности* проблемы следует признать недостаточной.

Научная новизна и практическое значение исследования. В ходе работы над диссертацией впервые в отечественной историографии был проделан комплексный анализ процесса борьбы с явлением сектантства. Исследования дают всестороннюю характеристику политики государства и церкви в отношении сектантов. Впервые показан процесс ее становления, этапы развития, влияние и результаты воздействия государственных и церковных мер на религиозных инакомыслящих. Выявлены основные факторы, оказывавшие влияние на формирование данной политики, отмечены особенности церковного и государственного подходов, а также способов действия различных ветвей власти. Таким образом, удалось создать целостную картину антисектантской политики на протяжении рассматриваемого периода, обобщить данные, содержащиеся в источниках, расширить информацию, содержащуюся в научной литературе.

ГЛАВА I. ЯВЛЕНИЕ СЕКТАНТСТВА.

Для исследования государственных и церковных мер борьбы с религиозным инакомыслием необходимо в первую очередь выявить те причины, по которым сектантство стало массовым явлением именно в XVIII веке. Только поняв предпосылки явления можно в дальнейшем оценивать эффективность мер по его искоренению. Поэтому мы начнем исследование с анализа тех черт действительности, характерных для XVII-XIX веков, которые способствовали укоренению религиозного вольнодумства на русской почве.

1.1 Корни сектантства, причины его массового распространения

Любой думающий человек склонен размышлять о смысле жизни. Большинство обычно удовлетворяется устоявшимися традициями веры, однако, всегда находятся люди, идущие своей дорогой или стремящиеся модернизировать уже имеющиеся учения. Все, даже самые значительные религиозные течения, в том числе и христианство, зарождались как секты, внутри уже устоявшихся верований.

Однако, для того чтобы к «религиозным отщепенцам» присоединились массы, должны сложиться особые исторические условия. Доказательством этому могут служить секты и ереси (например, жидовствующих), которые возникали в России на протяжении ее многовековой истории. Их последователи были немногочисленны. В чем же была особенность рубежа XVII-XVIII веков?

Чтобы ответить на данный вопрос, обратимся к всемирной истории. Религия и политика испокон веков тесно связаны, поэтому на верования людей влияют экономические и политические факторы их жизни. Яркий пример – европейская реформация. Католическая церковь на определенном этапе исторического развития перестала отвечать интересам развивающейся буржуазии и альтернативные религиозные течения нашли массовую поддержку. То есть при тесной сплоченности светской и духовной власти

недовольство правительством и окружающей действительностью обычно перекидывается на церковь.

В Европе реформацией закончилась эпоха религиозных войн, светская власть окончательно отмежевалась от духовной и взяла бразды правления государством в свои руки. Народный протест перешел из религиозной области в политическую - религиозные бунты сменили революции.

Россия, находясь на перепутье между Востоком и Западом, развивалась в своем темпе, и решающее противостояние церковной и царской власти произошло в ней несколько позже и иначе, чем в Европе.

Православные монастыри являлись собственниками земли, имели крепостных, то есть церковь не стремилась отрешиться от мира. Напротив, ее главы пытались влиять на политику Государей. Переломным веком в споре светской и религиозной властей стал XVII век. Раскол стал значительной вехой русской истории. С одной стороны, церковь в этот период окончательно проиграла спор за власть и очень скоро стала одним из государственных институтов. В этом смысле «раскол в своем происхождении...является протестом народа против поглощения его прав центральной властью.»¹

С другой, размежевание в рядах православной церкви подготовило почву для распространения инакомыслия как массового явления. Прежнее единство церкви нарушается. Ее учение уже не кажется абсолютной непрекаемой истиной. «Церковь распалась на две части и было непонятно, какая из них правильная. Или, может быть, обе они ошибаются? И надо искать какие-то третья и четвертые решения? ... секты как бы махнули рукой на это раздробление церкви и начали делать собственные выводы вне православия»⁸⁸

Таким образом, XVII век подготовил почву и посеял семена, заронил сомнения в истинности догматов, а век XVIII почву удобрил и получил урожай. В начале XVIII века в Россию все больше стала проникать западная культура.

Благодаря реформам Петра I русский человек все больше просвещался, менялось его восприятие мира. Вопросы веры в этом восприятии играли не последнюю роль. Одновременно политico-правовая сфера стремилась освободиться от религиозного налета. «Политическое государство нового стиля воспринятое в XVIII веке русской теорией и практикой...не желает иметь ничего общего с теократией...его главной целью становится не спасение душ, а чисто земное «общее благо»⁸⁹. Петровские реформы превращают церковь в один из государственных институтов, обслуживающих его, государства интересы.

Однако, утверждавшийся абсолютизм нуждался в традиционном религиозном основании, божественном происхождении верховной власти. «Чем внимательнее относилась к господствующей церкви государственная власть, чем скорей примирялась церковь с новым строем и новой политикой государства, которому она уже верно служила, тем дальше отходили от нее непримиримые противники каких-либо церковных перемен, люди открыто державшиеся «аза», люди «духовного делания... Ощупью, в темноте и борьбе с этим миром, где и церковь и государство состояли на службе у господствующих классов, низшие классы искали своей «веры», которая бы не замыкалась в церковном здании, в застывших обрядах, в книжном учении, в узкой нетерпимости к инаковерящим»⁹⁰ Российские цари, подчинив себе церковь, не порывали с ней связи, напротив, отождествляли себя с помазанниками Божими. Эта связь духовной и светской власти не шла на пользу ни одной, ни второй. «Государство своим вторжением [в церковные дела] вносит разложение в самую святую святых церковной жизни, так как, устранив из отношений к духовной власти и подчиняя ей элемент добровольности, искренности и правдивости, убивает всякую внутреннюю нравственную крепость союза пастыря и пасомого и заменяет ее только внешним и подчас лицемерным послушанием... Когда церковь подчинена государству она загромождена официальными причисленными к ней

разлагающими ее элементами и ничего не может с ними поделать так как она сама несвободна... Еретики и схизматики восстают против самого государства, так как на практике политическое начало смешалось с церковным и не будучи в состоянии отличить одно от другого они *bona fide* принимают государство за церковь и возрастают против первого отрицая второе»⁹¹

С другой стороны, вред для государства такой ситуации тоже был весьма ощутим. Каждый еретик, отвергая государственную церковь, невольно отрицает и само государство. Где церковь и государство слиты, там невольно и неизбежно рождается мысль, что не церковь, а государство проповедует и защищает данную истину. Церковь как бы скрывается за государством и в глазах сектанта последняя оказывается заблуждающимся и неправым.

Итак, фоном, обстоятельствами, которые способствовали появлению и распространению сект стали церковные и государственные реформы. Однако для их становления как массового явления должны были присутствовать также реальные предпосылки и причины снизу. Поэтому следует обратить внимание на положение простого народа и низших слоев духовенства в рассматриваемый период.

Фактические причины популярности сектантства стали предметом исследования и дискуссий уже в середине XIX века в среде государственных и церковных деятелей, историков и публицистов. Мнения высказывались разные.

Для большей наглядности разделим их на четыре категории. Впрочем, в реальности они все переплетены между собой и являются причиной и следствием друг друга.

I. Невежество

Высшие государственные и церковные чины больше всего грешили на необразованность, невежество народа, которым пользуются сектантские проповедники. Так, Тамбовский Гражданский Губернатор писал о молоканах: «Причины распространения этой секты заключаются отчасти в самом ее учении, которое льстит грубым понятиям и невежеству простого народа,

отчасти в прозелитизме сектантов...Успеху этого дела содействует так же с одной стороны, отношение нашего приходского духовенства к своим прихожанам...с другой - уверенность, которую они стараются утвердить..., что правительство не только не преследует их, но даже покровительствует...»⁹² Обер-прокурор Синода Победоносцев также видел причины распространения сектантства в невежестве масс и «своекорыстии» вожаков инаковерия. Он писал: «Невежественное население, не имеющее никакого понятия о вере и никакой нравственной связи с церковью, но носящее в себе религиозную потребность, становится жертвой одного пропагандиста, приходящего с Евангелием (которого, увы, иные священники не только не умеют растолковать, но и сами хорошо не знают)»⁹³

Министр МВД пишет обер-прокурору Синода «о прискорбной шаткости значительной части сельского населения в принадлежности их к православию...Одного слуха о мнимом разрешении переходить в раскол достаточно, чтобы значительное число крестьян тотчас отпало от православия, как будто они были с ним связаны одними полицейскими узами.»⁹⁴

Нет смысла отрицать, что население России в XVIII – XIX веках действительно было мало просвещенным и не сведущим в религиозных вопросах. Однако необразованность вряд ли можно считать основной причиной массового распространения религиозного инакомыслия. Это доказано временем. В наши дни, когда образование доступно каждому человеку, количество сект и их последователей не уменьшается.

Невежество и необразованность скорее способны затормозить развитие человека, приземлить его запросы и отвратить от размышлений о вере. Между тем сектанты в основном люди, ищащие и думающие, недовольные своим положением и стремящиеся что-то изменить.

Существует правда и иной аспект популярности сектантства – фанатизм. Многие простые люди, польстившись на харизму сектантских проповедников, попадали в психологическую зависимость. Однако изучение данного

обстоятельства выходит за рамки данного диссертационного исследования и лежит в области психологии. Отметим лишь, что склонность к фанатизму не зависит напрямую от уровня образования.

2. Правдоискательство и индивидуализм

Потребность мыслящего человека в поиске истины и Бога называлась как причина отпадения от православия не только исследователями русского инакомыслия, но и самими сектантами. Истина для каждого из нас – это то, что совпадает с внутренним «Я», поэтому в ее поиске громадное значение принадлежит индивидуальности. Вопрос состоит в том, почему часть людей довольствуются общеизвестными истинами, а другие ищут новую, свою.

Высказывавшиеся православными исследователями мнения сложно назвать бесспорными, так как они исходят из изначальной непогрешимости православного учения.

Так, В.С. Соловьев считал, что в русских сектах Божественное подменяется человеческим. Корень зла, по его мнению, в стремлении поставить «на место Божьего и всемирного свое, отдельное, вселенную истину заменить народным обычаем».⁹⁵

Еще один православный исследователь Н. Базарянинов считал, что «глубочайшие корни сектантства надо искать не в условиях быта и обстоятельствах истории, а в области религиозно-нравственной психологии. История могла бы при этом быть рассмотрена лишь как условие развития или форма обнаружения этой психологии, этого духа... В глубине сект...лежат одни и те же начала лишь более или менее проведенные с преобладанием рассудка или чувства, с признанием авторитета Евангелия или без него.»⁹⁶ По его мнению, основа сектантства - «нравственное растление» народа. «Психология сектантства есть психология нравственного разврата, психология греха, секты – это не случайные заблуждения ума, а глубокие греховные патологические течения нравственно-религиозной жизни»⁹⁷, – пишет автор. Соответственно секты – это «одно из проявлений гордыни человека и его

самообожания»⁹⁸. Далее Базарянинов раскрывает собственное представление истинного спасения, т.е. спасения по «православному рецепту». Оно заключается в самоотречение, это путь общественный, а сектанты зараженные гордыней говорят о личном спасении, они индивидуалисты.

По-другому, но все равно в религиозном, а не научном ключе, объясняют причины правдоискательства священники Губин П. и Скворцов В. «Одни лица довольствуются одними готовыми понятиями истины, потому что их застали составленные раньше и они только по ним воспитываются, другие – ищут иных понятий, потому, что они не были знакомы с этими готовыми понятиями, не были в них воспитаны, а потому лица эти являются так сказать пионерами в отыскании истины. Поэтому сектантство связано и в первоначальном своем зародыше и в дальнейшем своем существовании с переселенческим вопросом, проистекающим именно от того, что люди, ищашие истины, не были твердо ознакомлены с православными доктринаами»⁹⁹

Однако не все авторы были склонны взваливать вину за отход от православия исключительно на самих искателей истины. Некоторые исследователи понимали, что поиски заканчиваются вне РПЦ неспроста. «Многие ищут Христа не как отвлеченный образ, а как реальное его обнаружение в жизни последователей на земле... Для таких людей вопрос об отступлении от церкви – вопрос только времени.»¹⁰⁰, – пишет св. М. Кальнев.

Такая позиция представляется нам наиболее верной еще и потому, что подтверждается свидетельствами самих сектантов. Так, крестьянин Иванов Е.Н. в своих воспоминаниях пишет, что искал истину прежде всего в лоне православной церкви, «посещал многие монастыри..., а вере от моего посещения вышло то, что я получил отвращение от монашеского общежития, потому что кроме тунеядства, разврата ничего не видел там...»¹⁰¹

Яркий пример правдоискательства, которое окончилось сектантством. «Разные книги доводилось читать, но только лучше Евангелия не нашел... Купил Евангелие, стал вникать, вникать и нашел ложь в церкви, ложь кругом, во всем

ложь!.. Стал я искать правильной веры... Долго искал!.. Только вижу, христианин дерется, еврей дерется, старо-вер дерется, православный дерется... Во всех верах раз-дор, убийство идет... Нет ни одной правой!.. Языком все веруют, а делов нет... А вера – в делах, вера – в жизни... В церковь можно ходить, можно и не ходить, а жисть ну-жно наблюдать... Правда чтобы на всяком месте была, правда! Правда да любовь – энто пуще всего...»¹⁰².

А вот еще один пример из книги А. Панкратова “Ищущие Бога”: «— Я знал одного такого искателя. Уже седой, но живой, подвижный человек ... У него дом, хозяйство, торговля. Но ничто не мешало ему гореть внутренним огнем. Услышит ли, или прочтет, что там-то открылась новая секта, или узнает, что Толстой сказал новое слово, сейчас же едет к сектантам или к Толстому. В вагоне — очки на носу и Библия в руках или разговор о Боге и душе с крестьянином...

Он был у массы людей, интересующихся религиозными вопросами. Со всеми говорил. Яркими штрихами рисовал недостатки православной Церкви. Я спросил его: — Вы сектант?

— Нет, не установился мнением,—ответил он.— Все ищу, всю жизнь ишу.

И затем: Вот, говорят, на Волге, около Камышина появилась новая секта; Вы ничего не слыхали? Поеду туда, расспросчу. Может быть, истинная.

В толпе богомольцев вы найдете человека, который о цели своего путешествия скажет если вы с ним разговоритесь «по душам», так :

— Иду поклониться преподобному... А потом посмотреть, нет ли где праведной жизни.

Помню, на волжском пароходе седобородый паломник торжественно печально рассказывал мне:

— Где я только не был, обошел, почитай, все монастыри, был в Иерусалиме и на Афоне, и в Стародубе у староверов, каких сект не видал, с какими людьми не говорил,— и нигде не нашел правильной, Божьей жизни.

Не живут люди, а колются. Одни говорят: „Идите к нам, — у нас истина”. Другие: „Нет, к ним не ходите, — у нас она”¹⁰³

Как мы видим из вышеприведенных примеров, сектантство зарождается как результат поиска истины. Но почему появляется потребность в поиске? Потому что окружающая жизнь не идеальна, не удовлетворяет искателей, не соответствует христианским нормам. Тут мы переходим к следующей причине отхода от православия, которая неразрывно связана с предыдущей — к состоянию православных приходов.

3. Православный приход и состояние духовенства.

«Священники своим недостойным поведением способствуют усилению раскола. Пьянство, грубость, корыстолюбие в большей части православных священников — общие пороки»¹⁰⁴, отмечал надворный советник Брянчанинов, исследовавший раскол в Костромской губернии.

О сложностях и проблемах православного прихода писали и говорили много и не только в связи с ростом инакомыслия. Нравственный уровень священства, его образование и материальная обеспеченность были настоящей проблемой для высшего духовенства и государственных органов на протяжении всего рассматриваемого периода.

Подробно мы остановимся на тех чертах приходских священников, которые могли провоцировать простых людей отказаться от веры в Главе 3. Поскольку данная проблема оставалась актуальна на протяжении всего рассматриваемого периода (об этом свидетельствуют приведенные цитаты относящиеся как к XVIII так и к XIX векам) и во многом определяла степень успешности борьбы РПЦ с сектантством.

Здесь же отметим лишь, как реагировали на упадок приходской жизни рядовые православные. Они шли по двум противоположными путям. Часть совсем переставала интересоваться верой. В результате, «во многих селениях было видно совершенное равнодушие к вере»¹⁰⁵, «посты не соблюдались, икон в домах не было, молитвы не были приняты»¹⁰⁶. Среди таких людей

наблюдалось полнейшее безразличие к вопросах религии вообще. «Как смотрит современное общество на это, по истине прискорбное явление русской церковной и государственной жизни? ...индифферентно. Большинству православных русских людей положительно нет никакого дела до раскола»¹⁰⁷, - сетует рязанский «Миссионерский сборник». «В самый праздник в церкви литургия, а на базарах, тут же подле церкви, в лавках и в магазинах праздник, тем больше безобразия.»¹⁰⁸, вторит ему Н. Недзелинский. Способствовало такому положению вещей и то, что в школах обычно были учебники по закону Божию, «но Библия найдется в редкой школе»¹⁰⁹. То есть обучение вере было формальным, людей учили не думать, а просто заучивать прописные истины.

Так поступало большинство, но некоторые не желали «тупо стоять в церкви ничего не понимая, под козлогласование дьячка или бормотание клирика»¹¹⁰. Они искали духовной истины, жизни по Евангелию, не хотели жить так, как живет большинство. Таким людям «душно, тяжело, невыносимо в этой спертой атмосфере. И он [народ] рвется к свету Божьей правды. Жадно прислушивается ко всему тому, что пишут и говорят о ней. И чуть только прослышишт, что где-нибудь «живут по правде, по Евангелию», он сейчас же идет туда, к ищущим Бога, подолгу живет у них, ко всему присматривается, обо всем расспрашивает, в конце концов, проникшись духом нового учения, открыто порывает с православием и переходит на сторону враждебную и нам, и нашей Церкви. Даже если кто не вполне разделяет принципы нового религиозного учения, то он все равно не вернется к себе, к православию, потому что на новом месте его убедят, упросят, опутают со всех сторон незримыми нитями и насилино оторвут от воспитавшей и вскормившей его Бога Матери ».¹¹¹

Такие богоискатели противопоставляли официальной вере, сектантство. «В простом народе распространено предубеждение, что раскольничья вера святая, настоящая, христианская, а вера православна, вера по церкви, есть вера мирская, в которой невозможно спастись.»¹¹² Жаждущие правды легко

подвергались убеждению даже не самых искусных проповедников и власти это прекрасно осознавали.

Например, в 1866 году в Пермской губернии появился мещанин Андриан Пушкин, который начал распространять новое учение. Об этом стало известно властям и в результате разбирательства было решено: «будучи отдан на попечение близких... мог бы продолжать свои домогательства и пропаганду в своей местности, жители которой не отличаются чистотой и твердостью религиозных убеждений и всякая идея, подходящая к раскольническим учениям, нашла бы почву в массах низшего населения... Почему Совещательный Комитет полагал необходимым отправить его для вразумления в истинах веры в один из отдаленных монастырей России»¹¹³. В результате, сектант оказался на Соловках.

А вот, что писали почти на 70 лет раньше духоборы в своей официальной записке, поданной Екатерине II в 1791 году: «Родились и вдруг над каждым из нас церемониальны наружны обряды Христианские свершены...; росли мы, возрасли неки и состарились ходя во все время жизни своей в церкви, но что де? Истину скажем: как ни со скupoю стаивали мы токмо в ней и малейшее не понимая трудного неудобопонятного нам слога книжного к тому скоро смешанно и спешно что мало паче велегласно певаемого... Ум наш от стояния в церквях ничуть не приходил во познание ни себя, ни каков Господь Бог есть наш и какова святая воля его...

Начав ходить в собрание... слушая там слово Божие, ясно рассказываемое померно понимая его с несказанным удивлением... увидели мы Господа Иисуса.»¹¹⁴

По сути своей мало, что изменилось за 100 лет, когда свою правду стал искать Сютаев. Приведем еще один фрагмент его рассказа о том, как он пришел к своей вере. «- Приехал в деревню... вижу, любви у нас нет, – все за мздой гоняемся... И стал я разбирать: энто к чему, то к чему... Стал с людьми советоваться, у священника стал спрашивать «Батюшка, говорю, рассуди мне:

как энто понять? Как нам добрыми быть, как нам лучшими быть?..» Вижу, много мы исполняем, только все пользы нет... Перво-наперво крест носить бросил. - Отчего так? - Лицемерно это: на вороту крест носим, а в жизни не несем – за правду не стоим, за гравду не терпим... К чему же носить?.. Ребенок в ту пору родился. Люди говорят: «крестить надо...» Думаю умом: зачем крестить? Мы все крещены, а живем хуже некрещеных. Крестились, а грех делаем, – какая польза от энтого?.. И бросил крестить». ¹¹⁵

К деревенскому батюшке он пристает с различного рода щекотливыми вопросами религиозного свойства, и эти вопросы чрезвычайно раздражают священника, который механически исполнял церковные обряды, стараясь выручить за них свою поповскую мзду. Например, обходил с крестом на праздники деревенские дворы, как это было принято: «- Пришел к нам в избу. Посадили его в большой угол и стали спрашивать... Может он, по праздничному делу, хмелен был, только он ни синя пороху не мог мне рассказать – как, што... Стал я его о крещении спрашивать: «Какого ишо, говорит, тебе крещения нужно? Палкой окрестить тебя, што ли?» – Я ему резонты выговаривать стал... – «Знал бы, говорит, в купели тебя утопил». И почал браниться, – всячески называл: и дьяволом, и чертом... Я все молчу... - С этой самой поры и в церковь перестал ходить, вовсе бросил... А на позднейший вопрос священника, почему он не ходит в церковь, Сютаев отвечает: «А зачем, говорит, я пойду в церковь?.. Я сам – церковь»¹¹⁶

РПЦ в его глазах – это профанация христианства. В то же время его отказ ходить в храм Божий не имеет ничего общего с отталкиванием от официальной церкви русских старообрядцев, которые видели в ней «гнездо антихристово». В отличие от них Сютаев и сютаевцы не боятся церкви и даже считают возможным ее посещать, только не видят в этом никакого прока.

«- Если мы не исполняем ничего, – какая польза читать молитвы?.. «Отче» читаем, а отца с матерью не почитаем... Читаем: «не лиши меня царствия небесного», – да ведь мы сами себя лишаем, потому что правды не ищем, по

правде не живем... Ты исполняй, делай так, поступай по правде. А если я исполняю, то на што мне молитва?»¹¹⁷, -размышлял сектант.

Столь тотальное отрицание всего церковного вплоть до отказа от общей и единоличной молитвы вызвано жаждой правды, желанием служить Богу не языком, а делами. Церковь же, в глазах Сютаева, только на словах признает Бога, а на деле не исполняет евангельские заповеди и погрязла в грехах.

Еще один характерный пример того же периода приводит в своих записях В.Г.Короленко. Вот что пишет о причинах перехода к молоканам Матвей Серновский «родился в беспоповском толке в 1878 году перешел в православную веру в которой и нахожусь до настоящего моего 47 летнего возраста, сделавшись православным, и, изучив...слово Божие, я счел за лучшее побывать для исследования во многих расколах, толках и сектах...не видя однако в православии между членами оного прямой любви, а видя одно только развращенное и неисправимое себялюбие...я счел нужным подыскать себе такое общество в Самаре, которое было бы по нравственным убеждениям совершенно противоположно только что писанному и нашел его в молоканстве.»¹¹⁸

Итак вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что начиная с рубежа XVII-XVIII веков складывается уникальная атмосфера, которая способствовала укоренению религиозного инакомыслия на русской почве. С одной стороны, реформы Никона и раскол в церковных рядах породили сомнение в истинности ортодоксальных доктринах и толкнули большое количество народа на путь правдоискательства. С другой, реформы Петра I способствовали бюрократизации церкви, ее сращиванию с государственным аппаратом. В таких условиях недовольство политикой самодержавия сливалось с недовольством церковью. Тем более что положение дел на местах и состояние приходского духовенства этому способствовали. Думающие люди искали веру, которая отвечала бы их нравственным принципам, а недовольные

своим положением массы с легкостью откликались на их призыв. Это послужило толчком к появлению большого количества разнообразных сект в последующее время. Причем данная атмосфера сохранялась на протяжении XVIII-XIX веков.

1.2. Основные русские секты

§1 Классификация сект.

Итак, не удовляясь окружающей жизнью, народ искал свою правду и находил ее у сектантов, которые были зачастую образованнее православных священников и всегда точно знали, чему учить, как завлечь и заинтересовать неискушенного в вере человека.

Для того, чтобы понять, на что меняли веру отцов отступники, что их прельщало в новых веяниях, следует остановиться подробнее на классификации сект.

Наиболее часто встречающимся, можно сказать классическим, является деление всех русских сект на рационалистические и мистические. Это деление, правда, не имеет официального подтверждения: «русское законодательство по делам веры и церкви православной не знает деления сектантов на рационалистов и мистиков».¹¹⁹ Д. Грацианский, например, так аргументирует правильность данной классификации: «Деление это имеет коренную верность – потому, что помимо сектантства типы людей по психологическому складу имеют классификацию по двум направлениям: воли и чувства... Под эти категории отчасти подходят... и все виды неверия и уклонения от вселенской церковной истины... К рационалистическим относятся шелапуты и молокане с их разветвлениями, к мистическим – хлысты, скопцы, малеванцы, духоборы – постники.»¹²⁰

«Вырываясь из оков обряда и молитвенной формулы, эмоциональные натуры предавались свободному экстазу и думали посредством мистических упражнений открыть в себе путь к таинственному общению с божеством. С другой стороны, ум требовал более критического отношения к традиционному учению религии, то есть согласования этого учения с законами человеческой мысли и с приобретениями человеческого знания. Эти требования ума приводили спекулятивные натуры к рационализму, – к рассудочной оценке содержания откровенной религии и к постепенному отрицанию того, что

передано преданием, а потом и самого откровения. Оба эти течения – и рационалистическое и мистическое – иногда идут независимо, иногда вступают в борьбу друг с другом, иногда, напротив, заключают союз, иногда переходят одно в другое.»¹²¹, – так понимал это деление Милюков П.М.

Однако у данной классификации много оппонентов. Например, В. Д. Бонч-Бруевич же, напротив, считает, что «деление это [на мистические и рационалистические секты] не выдерживает ни малейшей критики... в каждом...учении обязательно присутствует, под разными видами мистическое начало Божества... У всех сектантов остается не порванная связь между реальным миром вещей и таинственным "небесным", "вездесущим"... от которого по их понятиям зависит все, которое управляет миром.¹²² Он предлагает другую классификацию, беря за основу отношение сект к повседневной жизни, делам, политике, государству, церкви и т.д. В результате, автор разделяет все секты на два типа: руководствующиеся разумом, логикой, общим правом и руководствующиеся "предопределением" или Священным Писанием (баптисты, пашковцы, редстонисты, евангельские христиане). Первую группу он делит по принципу влияния на них иностранных течений:

1. секты старого происхождения, принадлежащие к sectам восточного цикла: хлысты, молокане, скопцы, малеванцы, духоборы.
2. новые секты западного цикла: новоштундисты, евангелики, иеговисты. Ко второй – баптистов, пашковцев, редстонистов, евангельских христиан.

Есть исследователи, которые делят секты на простонародные и интеллигентные, но такое деление вряд ли можно считать верным так как, например, и к хлыстам и к скопцам принадлежат, как люди из народа, так и интеллигенты.

На наш взгляд, данный принцип разделения сект неверен. Скажем, не ясно почему автор причисляет к числу сект руководствующихся логикой пронизанных эсхатологическими настроениями и экстатическими пророчествами хлыстов.

По мнению Т.И Буткевича «все секты по самой природе своей, более или менее не чужды мистицизма и ни одна из них не может быть названа в точном смысле рационалистическою... Секты одной категории часто делают заимствования у сект другой категории...»¹²³ Однако своего варианта классификации автор не приводит.

Итак, несмотря на наличие альтернативных вариантов классификации сект наиболее распространенным и обоснованным является деление на рационалистическое и мистическое направление. Оно было поддержано и советскими историками, в частности, Н.М. Никольским.

Явление сектантства на Руси столь многолико и разнообразно, что четко классифицировать его очень нелегко. Каждая секта со времени возникновения до начала XX века претерпевала значительные изменения, следуя за общими тенденциями исторического развития государства. Во второй половине XIX века в Россию проникают протестантские рационалистические идеи, они находят свое отражение и в сектах исконно мистических. Однако, несмотря на все эти процессы, деление сект на рационалистические и мистические, хотя и крайне условно, но все же представляется нам позволяющим наиболее адекватно классифицировать направления религиозного вольнодумства и отразить глубинные основы сект. Поэтому в нашем кратком обзоре русских сект, мы будем ориентироваться на данную классификацию.

§2 Русские мистические секты (хлысты, скопцы)

Целью нашей работы не является исследование происхождения, догматов и трансформации идей русских сект. Однако нам представляется необходимым обозначить основные особенности присущие русскому инакомыслию. Поскольку конкретные верования той или иной секты играли важную роль в ее отношениях с РПЦ и государством. Мы остановимся на четырех наиболее многочисленных сектах, поскольку их поведение наиболее характерно для им подобных образований.

Хлысты стали первой мистической сектой получившей широкое распространение в рассматриваемый нами период. Каким бы ни было изначальное происхождение секты (данный вопрос остается открытым), она впервые начинает фигурировать в официальных источниках в первой половине XVIII века и с этого времени становится популярной в народной среде, порождает ту почву, на которой выросли остальные крупные русские секты – скопцы, духоборы и молокане.

Особенностью христовщины является самостоятельность ее общин – «кораблей». Во главе каждого «корабля» стоял свой лидер – «Христос», который по своему трактовал учение и являлся единоличным лидером. «Христос есть только нравственный учитель и законодатель для своего времени.»¹²⁴, - считали сектанты. «Когда сакральным Именем называли то одного, то другого человека, это не казалось кощунством...или искажением истории...Это было обозначением особой социальной роли, высшего, уникального титула, сходного по своей природе с царским.»¹²⁵ Данное положение хлыстовской веры определило разрозненность ее общин и вероучения. Однако есть и общие пункты, по которым можно определить принадлежность верующих к хлыстам. Прежде всего, это заповеди по преданию данные Даниилом Филипповичем, воплощением Бога Отца на земле, в середине XVII века. В них содержатся практические правила элементарной морали. Для победы Духа необходим пост, вегетарианство, воздержание от

вина и табака, от плотской любви и увеселений. Проповедуется аскеза, самоуглубление, радения. Что касается последних, то они представляют из себя особое поведение сектантов во время собраний. Специальными движениями они вводили себя в состояние транса и начинали пророчествовать. Хлысты говорили о радениях: «Нас укоряют церковники, что мы на своих собраниях скачем и пляшем, но мы поступаем так, во-первых, по примеру царя Давида, который скакал перед ковчегом Господа; во-вторых от духовной радости по случаю сошествия Святого Духа и, в-третьих совершает это для утомления своей плоти... Говорят, что на этих собраниях у нас бывает грех с женщинами... Грех вошел в человека через женщину, а потому в каждой из них есть семена посеванные издревле дьяволом. Победить этот грех; а через него и дьявола, нужно тем же, то есть грехом.»¹²⁶

«В политическом смысле люди божьи были очень индифферентны... старались избегать столкновений с властью, выполняли все их предписания, обычаи, обряды, исправно платили налоги, подати и пр.»¹²⁷ Они уклонялись от мирских сходов и вопросов. Данное явление объясняется с одной стороны их трудолюбием и его следствием – достатком, а с другой – скрытностью. Последнее обстоятельство отражалось и на их культе.

Из-за постоянных гонений «люди Божьи» привыкли постоянно прятаться под видом истинных православных, ходить в церковь и, соответственно, соблюдать все многочисленные посты, поэтому введение отдельных постов было просто не нужно и трудно выполнимо. Служба проводилась в подпольях и специально спрятанных помещениях. Молельный дом устраивался в центре двора с потайными ходами. Окна закрывались ставнями. При совершении моления выставлялся еще и специальный караул.

У хлыстов мало места отводилось для домашней одиночной молитвы. Религиозная частная жизнь не была развита, что является прямым отражением стремления к общинности и отказа от индивидуальности.

Собрания хлыстов помимо радений включали в себя также пение псалмов (распевцев). Именно из них можно узнать основные доктрины их вероучения. Они «служили усилию русского сектантства в трех отношениях: в смысле привлечения в сектантство православных, в смысле дальнейшего уклонения от церкви самих сектантов и, наконец, в смысле усиления их фанатизма и стремления к пропаганде своего лжеучения.»¹²⁸ Часто миссионеры отмечали, что первоначально православные начиналиходить к сектантам только, чтобы послушать псалмы и получить эстетическое удовольствие. Но напевы эти пронизаны сектантским мировоззрением и православные постепенно его усваивали. Под влиянием псалмов «вытеснялась бывшая привязанность к напевам церковным... что, конечно, порождало совершенную холодность к православному богослужению.»¹²⁹

Скопцы.

Говоря о секте скопцов, следует обратиться к причинам появления данной секты, поскольку они могут пролить новый свет, на причины правоисследования в целом.

Посылка для возможного расслоения секты хлыстов была дана в изначальном принципе разнородности и самостоятельности «кораблей». Свобода в трактовке заповедей Данилы Филипповича и постоянные пророчества местных Христов, подготовили почву для внутреннего раскола секты. В результате, именно из секты «людей Божьих» вышел Кондратий Селиванов – основатель скопчества.

Одна из заповедей хлыстовщины, как говорилось выше, заключалась в полном половом воздержании. Но на практике, исполнять эту заповедь было очень трудно. Кондратий Селиванов во всех хлыстовских общинах видел, что сектанты «лепостью перевязаны, то и норовят, где бы с сестрою в одном месте посидеть» Отсюда у крайних ревнителей хлыстовщины родилась мысль, что, для обеспечения исполнения заповеди целомудрия, необходимо оскопление.

Таким образом, перед нами пример стремления к нравственной жизни. Селиванов отходит от православия не найдя в нем истины. Однако с такой же легкостью он оставляет и хлыстовскую общину, как только видит, что они не исполняют заповеди.

В отличие от хлыстов, история возникновения секты не вызывает споров. Первое дело о скопцах относится к 2 июня 1772 году, когда началось следствие над сектантами Орловского уезда. Этот год и считается датой начала скопчества.

Отношение к господствующей церкви у хлыстов и скопцов схоже. Ее обряды приравнивались ими к мирскому идолопоклонству. Сектанты считали, что в их наружном исполнении нет ничего плохого, как, впрочем, и полезного.

Учение скопцов отличалось от хлыстовского по трем принципиальным вопросам: необходимость оскопления, отрицание перевоплощений и отсутствие постоянного возрождения Христа. Он воплощался только два раза, второй – в лице Селиванова.

Отличия скопчества от "людей Божьих" обусловлены тем, что идея, ставшая основой для появления секты, исходила по существу от одного человека. Создатель секты и ее основной лидер Кондратий Селиванов, выйдя из секты хлыстов, очевидно, имел представление о множестве Христов и отделенности «кораблей» друг от друга. Не желая делить полученную власть с кем-либо еще и допустить расслоения скопчества, Селиванов отказался от хлыстовской идеологии, в частности от идеи перевоплощения Христа и провозгласил раз и навсегда свою уникальность. Чтобы упрочить свое положение помимо религиозной, он подводит еще и политическую основу под свое лидерство.

Связь с хлыстовской почвой уцелела в хлыстовской анимистической формуле, которую должен был произносить каждый адепт, да в некоторых терминах и формах культа. По традиции новообращенный должен был произносить при вступлении в секту покаянную формулу, в которой просьба о прощении прежних грехов обращается не только к Богу, Богородице и ангелам,

но и ко всей природе: «Прости, солнце и луна, небо и звезды, и матушка сыра земля, пески и реки, и звери, и леса, и змеи, и черви.»¹³⁰ Но, вступая в скопчество, несмотря на формулу обращения, новый член сразу же ограждался от всего этого мира.

Политическая доктрина скопцов достойна особого внимания, поскольку рисует картины народного представления об идеальном царстве, включает в себя столь популярную в России идею самозванничества, и в то же время накладывает свой отпечаток на особенную политику государственной власти в отношении данной секты.

Оправдание своей доктрины скопцы начинали с сотворения человека. Бог сотворил людей бесполыми. Но, когда, соблазненные злым духом, они нарушили заповедь Божию, блаженству их настал конец. На теле у них тотчас же выросли подобия запрещенных плодов: у Евы – груди, у Адама – семенные железы и появилось вместе с тем половое влечение. Но Господь решил спасти падшее человечество и послал Авраама и приказал ему обрезаться, т.е. оскопиться. Но заповедь обрезания оказалась непосильной для извращенной грехом человеческой природы.

Мир окончательно погряз в «лепости», но пришел, как и предрекали, второй раз Христос - Кондратий Селиванов. Тут Селиванов попадает в точку, играя на исторически известной вере народы в "доброго царя" и несправедливое отношение к нему. Он провозглашает себя Петром III, который правил очень непродолжительное количество времени и не успел оставить в народной памяти отрицательных эмоций. Он сын непорочной девы Елизаветы Петровны. Она процарствовала только два года, а после этого отдала бразды правления своей фрейлине, а сама присоединилась к людям Божиим под именем Акулины Ивановны (в реальности Акулина Ивановна была главой одного из хлыстовских «кораблей», на почве которого зародилось скопчество).

Немка, да еще и «баба на престоле» Екатерина II явно не импонировала массам. Скопческая легенда обвиняет ее в попытке убить мужа из зависти, что он «убелен», то есть кастрирован. Однако он чудесным образом спасается.

Будущее правление на земле скопцов не имело точных сроков и они решили переустроить современное им общество так, чтобы уже сейчас править в нем. Выражением этих стремлений является знаменитый проект камергера Елянского о переустройстве России, представленный им в 1804 году императору Александру I вместе с «Известием, на чем скопчество утверждается», которое должно было привлечь царя на сторону скопчества. Скопцы предлагали себя на службу государству, для чего вся Россия должна была быть переустроена по их указаниям. По их мнению, страну следовало бы превратить в подчиненную Александру федерацию «кораблей». Каждый «корабль» должен управляться грамотным иеромонахом и пророком. «Иеромонах занимаясь из уст пророческих гласом небесным должен будет секретно командиро того «корабля» совет предлагать...иеромонахи с пророками пребудут всегда в истинной молитве, яко очищенные сосуды и где таковых избранных два будет человека, то и Господь посреди их.»¹³¹ Скопцы должны были стать секретными советниками и руководителями всех отраслей управления, военного и морского дела. Елянский с двенадцатью пророками должен находиться «всегда при главном армии правителе, ради небесного совета и Божьей воли, которая будет нам открываться при делах, нужных на месте». Селиванов же должен был бы быть при царе.

Данная записка уникальный пример попытки взаимодействия сектантов с официальными властями. Она стала возможна благодаря целому ряду причин: относительной лояльности к скопцам царя и наличию в сектантской среде образованной верхушки способной сформулировать свою позицию. В этой кончившейся крахом попытке высказать свои взгляды, мы видим недовольство сектантов не только официальной религией, но и политической системой России.

Что касается внутреннего устройства секты, оно являло пример взаимовыручки и поддержки. Скопческие «корабли» подобно хлыстовским были независимы друг от друга, однако взаимодействуют между собой. «Все скопцы связаны между собою узами взаимного уважения, попечения и радения друг о друге, во всех отношениях жизни, религии и общественном... Из Петербурга в Сибирь, из Сибири внутрь России и везде они пересылают взаимно письма с советами, наставлениями и деньгами»¹³², — пишет исследователь скопчества Надеждин Н.. Хорошо была развита миссионерская деятельность. Причем, чаще всего миссионеры не были оскоплены или уже оправданы судом. Постоянные миссионеры заботились о сборе информации для странствующих братьев, распространяли получаемые от них сведения среди членов общины, руководили пропагандой и охраняли нравственность внутри общин.

В то же время одной из отличительных черт мистических сектантов вообще и скопцов в частности была их беспринципность в деле распространения свое учения и общения с людьми не приверженными их взглядов.

Приведем несколько примеров. Крестьянина Ивлия Иванова принуждали оскопиться «побоями и всякими притеснениями, обделяя как его самого, так и жену его и детей хлебом и другим имуществом.»¹³³ В их семье отец и мать скопцы «по духу» два брата матери сосланы за скопчество в Сибирь, а два других дяди со стороны матери в бегах. Дядя по отцу физический скопец.

«Во дворе отца никто мяса не ест, табаку не курит, водки не пьет.»¹³⁴ , — жалуется Ивлий. Отец и брат совращают его в скопчество и называют детей «щенятами» и «антихристами», а жену «сукой». «Склоняя вырезать яйца отец и брат обещают ему полное довольство во всем говоря про детей, что они земля и в землю уйдут.»¹³⁵ Иона и Гавриил Сергеевы обвинения отрицали, утверждая, что жалобу на них Ивлий подал потому что предался пьянству и потребовал раздела имущества. Но свидетели показали, что Ивлий «хотя и пьет водку, но ведет трезвый образ жизни»

Еще один случай скопческой пропаганды: Крестьянин Черных пригласил к себе племянников из другой деревни, заманил обещаниями, а потом стал предлагать оскопиться и на этих условиях оставить им наследство. При этом он говорил, что «можно и не «обрезать яйца», а быть скопцом духовным, так как теперь скопиться и не удобно: дело это тайное и в продолжении времени можно оскопить детей.»¹³⁶

Проповедуя соседу Черных говорил «Про одного духовного скопца, что у него и сын есть и три дочери, сам он не оскоплен, а скопческое положение держит, сына оскопил, дочь на скопческом положении, сам богат и счастлив. Дальше Черных пояснил, что нужно оскопить детей, а самому «яйца не вырезать» как работнику семьи»¹³⁷

Итак, русским мистическим учениям было свойственно:

1. Вера в Божественное откровение, пророчества и различные мистические явления, а также общие эсхатологические настроения. Они строили свое учение не на логике и точном соблюдении Евангелия, а на внутреннем, иррациональном чувстве.

2. Отрицание устоявшихся правил жизни, признание к ним и государственной власти. Выдвижение своих лидеров, которых они обожествляли.

3. Скрытность и двуличие в отношении официальной религии и власти. Сектанты выполняли все обряды, ходили в церковь и зачастую были самыми лучшими прихожанами. Они не считали постыдным обманывать власти, которые презирали. «Будучи во внешности благочестивы, хлысты чаще других становятся друзьями дома своих приходских священников... Даже лица оставившие хлыстовство и возвратившиеся к церкви крайне неохотно говорят о том, что происходит на хлыстовских радениях.»¹³⁸

4. Мистические секты находили своих последователей в числе людей впечатлительных, не сильно разбирающихся в основах православной веры и в

христианстве вообще. Их привлекала близость харизматического сильного лидера, налет таинственности, сплоченность коллектива и высокие моральные устои.

§3 Рационалистические секты (духоборы и молокане.)

Другим полюсом сектантской мысли были рационалистические секты духоборов и молокан, появившиеся одна за другой в 70-е годы XVIII века. Их принято рассматривать вместе, поскольку схожи не только учения сект, но также и история их распространения и отношения с властью и официальной церковью. Духовные и светские власти постоянно путали эти секты и издавали указы для обеих сект одновременно. Связано это было с некомпетентностью государственных служб с одной стороны и невнятностью самого учения сектантов, с другой. Вот как его охарактеризовал Варадинов Н.: «Везде была такая путаница во мнениях и понятиях, что из них нельзя было составить ничего целого. Что учение их было заносное, проникшее извне, а не образовавшееся в уме и настроении духа самих раскольников не подлежит ни малейшему сомнению»¹³⁹ «В секте составленной преимущественно из грубых, необразованных, безграмотных простолюдинов уже по этому одному нельзя ожидать полного и стройного развития какой-либо религиозной системы.»¹⁴⁰, – вторит ему другой чиновник МВД, Надеждин. Только в 1832 году исследователь сектантства священник Орест Новицкий¹⁴¹ собрал все сведения воедино и, проанализировав, сложил их в полную и ясную систему, которой не существовало в действительности.

В ранний период своего существования духоборцы, в отличие от скопцов и хлыстов, решительно разорвали с православной церковью и осудили ее учение, таинства и обряды. Они понимали под церковью лишь «собрание истинных христиан для искреннего моления Господу Богу.»¹⁴² Все христианские понятия понимались духоборцами тоже иносказательно. Крест – страдания Христа, елей – добродетель и т.д.

Сектанты считали себя призванными уничтожить зло мира. Из рядов «истинных» людей они выделяли вождей и пророков – «людей воистинных».

Что касается отношения сектантов к власти, оно было высказано в 1871 году в записке посланной духоборами Екатеринославской губернии. «...наполнилась

вся вселенная зла. Мудрейшие видя то и судя, что нельзя членам общества такова устоять самим по себе, учредили на них разнообразны власти, удерживающие беспутство их и чтобы и соделалось в мире, если бы уничтожить их! О Господи! Как псы загрызлись бы вдруг человека...О благословенны в мире власти, удерживающие злость человеков, да не убредут в пучину вечна зла они, да не содеют зла на земле преждевременно...В чьем сердце в полуденном свете взойдет солнце вечной правды, луна и звезды губят свет, тамо истинно не нужны для чад Божих Цари, власти и никакие человеческие законы, не страха бо их ради бегут они от зла, но возродить бы им в душах благом вечным...И так праведнику ни каков закон не положен...то есть закон принудительный, ни Божеский, ни Царский...Но как все немощны есть, то и принуждены суть власти, для удержания познавших добро и от него падающих паче же для удержания вовсе во зле погрузились лежащих и на вечное добро и взглянуть не желающих.»¹⁴³

То есть, все политические и церковные организации имеют значение лишь временных, чрезвычайных явлений, которые должны отпасть, когда любовь окончательно восторжествует в мире, когда все люди станут подобны духоборцам. А пока «власти совершающие беззаконие сами беззаконны. Делают же свое дело справедливо и честно, – пускай делают, лишь бы не мешали жить людям»¹⁴⁴ При этом «последовательное применение учения духоборов к жизни ведет к систематическому неподчинению всем установлениям государства.»¹⁴⁵

Параллельно с духоборческим развивалось молоканское движение. Секта молокан дала о себе знать в это же время, что и духоборы, в Тамбовской губернии.

Молокане, подобно хлыстам и духоборам, исходили из «равенства сынов Божих» и верили в возможность построения «царства Божия на Земле». Основатель секты Уkleин учил, что все люди равны, не может быть ни бедных, ни богатых, ни благородных, ни благородных, ни рабов, ни господ. Война и

военная служба – богопротивные действия, и правильно поступает тот, кто убегает из войска, истинная церковь – есть гражданское общежитие "евангельских христиан".

Молокане отвергали господство церкви и ее идеологию, но в отличие от духоборов не отрицали института церкви. Монархической власти, говорили молокане, следует покоряться, но при этом они не признавали монарха Божиим помазанником.

Молокане начинали с того, чем заканчивали хлысты и духоборы. В обряднике Уклейн пишет, что власть людей не должна быть над теми, в кого вселилось учение Христово. Мирские власти благодетельные только для сынов мира, а Господь сказал о христианах: они не от мира сего, как я не от мира, поэтому им мирские власти не нужны. Они должны избегать рабства, войн, присяги. С другой стороны молокане утверждали, что «повиноваться верховной власти и уважать ее, повелевает им их вероисповедание.»¹⁴⁶

Таким образом, рассмотрев секты молокан и духоборов, которые, кстати, сохранили свои общины до наших дней, можно проследить отчетливую разницу между теми путями, которыми пошло сектантство в России. Данные секты, призывая к отказу от икон и крестов, стремясь к построению лучшего, коммунистического общества, были ближе к православию, нежели хлысты и скопцы с их эсхатологико-мистическими воззрениями. Они не скрывались от властей, как это делали последние. В такие секты тянулись люди стремящиеся разобраться в Евангелие, думающие и ищащие не столько сильного лидера (как последователи скопцов и хлыстов), сколько нравственных идеалов первых христиан.

Анализ основных русских сект показывает, что несмотря на разницу в догматах они имели схожие черты. Все они возникли и получили развитие в XVIII веке. Отказываясь от общепринятой морали, они стремились к раннехристианским идеалам и максимально нравственной жизни. В своих

стремлениях сектанты вставали в оппозицию к официальной церкви и государственной власти, ставя себя выше них. Однако если представители мистических сект выражали это в притворстве и нравственном оправдании двуличия по отношению к официальным властям, то рационалистические секты в принципе ратуя за законность и порядок в то же время говорили, что они как истинные христиане могут быть от властного надзора освобождены.

ГЛАВА 2 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С СЕКТАНТСТВОМ.

В предыдущей главе мы очертили круг причин, по которым в XVIII веке сектантство смогло стать в России массовым явлением. Одной из них явилась государственная политика в отношении церкви. Сформировался «замкнутый круг»: конфликт с государством и церковью, являлся одной из важных основ религиозного инакомыслия, в то же время действия сектантов порождали ответную реакцию властей, которая еще больше усугубляла противостояние. В данной главе на фоне общецерковной политики рассмотрим, как развивалось, и насколько было эффективно, антисектантское законодательство в XVIII-XIX веках. А также проанализируем те обстоятельства, которые определяли отношение государства к религиозному инакомыслию.

2.1 Отношение царской власти к РПЦ.

Меры, применяющиеся к сектантам в рассматриваемый нами период, являются неотъемлемой частью общего государственного курса в отношении церкви. Чтобы понять, какое место они занимали в ряду прочих законов и постановлений, необходимо рассмотреть характерные черты государственной церковной политики в целом.

Итак, в XVIII – XIX веках она определялась:

1. абсолютистским характером власти

В начале XVIII века завершился процесс, начавшийся еще в XVI веке – постепенно возрастали власть и влияние монарха и светской власти во всех областях общественной жизни. По мере становления абсолютизма церковь теряла свою автономию, привилегии и огосударствлялась. Решающей стадией превращения РПЦ в один из институтов светской власти стали реформы Петра I, когда во главе «ведомства православного исповедания» был поставлен представитель светской власти – обер-прокурор Синода, а должность патриарха была упразднена.

2. экономическими факторами

Однако действия светских властей в отношении церкви нельзя рассматривать исключительно в политическом аспекте. Не меньшую роль играли и объективные экономические потребности государства. К XVIII веку церковь являлась крупным землевладельцем, в ее ведении находилась значительная часть населения. К 1720 году «в церковных владениях начитывалось 752091 ревизских душ, сидевших на церковных и монастырских вотчинах и в посадских церковных дворах.»¹⁴⁷ Громадные доходы, которые получала РПЦ со своих земель, государство было заинтересовано употребить на свои нужды. Поэтому параллельно с утратой политической самостоятельности церковь лишилась своего имущества. В течение всего XVIII века происходил постепенный процесс секуляризации церковных земель.

3. идеологическими факторами

Несмотря на потерю политической и экономической самостоятельности, существовал ряд причин, по которым светская власть поддерживала церковь и отстаивала ее интересы.

Одним из таких факторов была необходимость идеологической поддержки. Православие, провозглашавшее царя помазанником Божиим, а подчинение ему святой обязанностью, полностью отвечало этим целям. Поэтому государство было заинтересовано в принадлежности своих граждан к традиционной для России религии и даже вменяло это им в обязанность. Данное обстоятельство нашло свое отражение законодательстве. «Определяя систему преступлений, свод поставил на первое место преступления против веры, на второе – преступления государственные, на третье – преступления против правительства»¹⁴⁸ Такая градация преступлений свидетельствует о том, насколько серьезно царская власть относилась к вопросам веры.

Другим не менее важным обстоятельством было то, что церковь проповедовала в массах христианские ценности, положительно влияя на нравственный облик прихожан. В отсутствии широкого распространения

просвещения важен был воспитательный аспект православия, который могла обеспечить лишь государственная религия, в то время как секты впадали в крайности, либо нереальной для большинства аскезы, либо, напротив, вседозволенности. Правящая элита, осознавая, что православие является основообразующим элементом русской нации и культуры, делала попытки предотвратить ослабление православной церкви, усилить её.

Таким образом, государственная власть, с одной стороны стремилась подчинить церковь своим интересам, а с другой – поддержать ее влияние и даже дать свободу действия в рамках ее общения с прихожанами. Это противоречие также было важным аспектом взаимоотношений светской и духовной властей.

С учетом означенных факторов, проследим характерные особенности отношения церкви и государства в различные периоды.

§1 Первая половина XVIII века.

Реформы начала XVIII века, проведенные в период царствования Петра I, определили направление политики последующих монархов. Характерными, интересующими нас в рамках исследуемого вопроса, чертами данных преобразований стали:

1. включение церкви в структуру государственного аппарата.

После упразднения должности патриарха высшим церковным органом становится Синод – орган коллегиального управления. Постоянных членов в нем не было, они утверждались императором. Во главе Синода был поставлен представитель светской власти – обер-прокурор, «стяпчий о делах государственных»¹⁴⁹

Несмотря на то, что светский представитель в Синоде в этот период не играл значительной роли, в политическом плане церковь была подконтрольна государству – высшее духовенство назначалось и утверждалось только с ведома царя.

2. лишение церкви части льгот, функций и доходов

Параллельно с огосударствлением церковь потеряла контроль над доходами. С восстановлением в 1701 году Монастырского приказа управление всеми церковными вотчинами перешло в руки специально назначаемых светских управителей. Это был первый шаг к секуляризации церковных имуществ. «Прежняя свободы церковных имений от всякого тягла была заменена чрезвычайно тяжелым тяглом: помимо обычных общегосударственных повинностей на церковные земли дождем сыпались запросные сборы и чрезвычайные повинности...». ¹⁵⁰ Эти меры поколебали экономическую независимость русской церкви.

Правда с созданием Синода вотчины были переданы в его ведение. Это распоряжение до известной степени восстановило экономическую независимость церкви, поскольку она снова могла сама распоряжаться доходами.

После смерти Петра курс на постепенное ограничение экономической независимости церкви продолжался с переменным успехом. Свое выражение данный процесс нашел в следующих законодательных актах: в 1727 году в рамках Синода была выделена «коллегия экономии синодального правления», которая в 1738 году была передана в ведение Сената. Однако в 1741 году Синод добился возвращения части вотчин, а в 1744 году полного упразднения коллегии экономии и передачи в церковное ведомство всех хозяйств.

Следующим этапом стало решение Елизаветы, принятое в сентябре 1757, года лишить монастыри и архиерейские дома права управления своими вотчинами, а духовенство перевести на государственное содержание. Но духовенству удалось воздействовать на императрицу в пользу задержки этой реформы. В результате, был выработан компромиссный вариант: крестьяне церковных земель облагались денежно годичной податью в 1 рубль, причем, 50% от этой суммы передавалось государству, а остальная часть Синоду.

Таким образом, полного контроля над доходами церкви в первой половине XVIII века государство еще не получило.

3. идеологический аспект

Петр воспринимал принадлежность к православной вере в русле общегосударственных интересов, не как свободное волеизъявление гражданина, а как долг верноподданного. Соответственно, долгом церкви было обеспечение контроля за мирянами. Особенно тяжелые обязанности легли на плечи приходского духовенства. Выражением воли монарха стала Присяга, утвержденная Сенатом 22.04.1722 года. Руководствуясь ею, клир должен был быть «верным, добрым и послушным рабом и подданным» императора, доносить о всяком вреде и убытке для интересов царской власти и об открытых на исповеди «воровстве, измене или бунте на государя». ¹⁵¹

16 июля 1722 года вышел указ, в котором царь повелел: «По всем епархиям, во всех...приходах священству учинить именные прихожанам своим...книги по домам изъяснительно.»¹⁵² Эти книги были созданы с целью обнаружить

раскольников и наложить на них двойной оклад, а православных обязать ходить на исповедь и в церковь.

Помимо этого, с начала XVIII века обязательными для всех священнослужителей стали торжественные службы в так называемые «царские дни». «Малейшее упущение по этой части каралось самым жестоким образом: оно приравнивалось к политическим преступлениям и ведалось тайной канцелярией»¹⁵³

Почти за сорокалетний период после Петра I русский трон переходил из рук в руки семь раз. Большинство монархов при этом не являлись в полной мере законными наследниками, тем самым, нарушая уже ставшие традиционными принципы наследования по прямой линии. Измена традиции вызывала в среде дворянства и народа глухое недовольство, которое в кризисной ситуации могло обернуться крахом для каждого нового монарха, положение которого поэтому становилось весьма шатким. Для укрепления своих позиций, почти все наследники искали поддержки у церкви, вынужденно делая ей уступки.

Таким образом, основой государственной политики первой половины XVIII века стали реформы Петра I. Они заложили основу для дальнейших преобразований в данной области. Церковь была поставлена в положение одного из бюрократических аппаратов светской власти, в обязанности ей вменялась идеологическая поддержка существующего строя, обеспечение лояльности мирян. Петр I явно обозначил потребность государства в секуляризации церковных имуществ. Тем не менее, в рассматриваемый период экономическая самостоятельность церкви уничтожена не была. В области политической, Синод не имел возможности влиять на монархов непосредственно, поскольку должность обер-прокурора не играла значительной роли. Личные отношения монарха и иерархов церкви во многом определяли конкретные меры в отношении РПЦ.

Такому положению дел в немалой степени способствовала политическая обстановка в стране, а именно частая смена монархов и их относительная легитимность. И все же уже в правление Елизаветы страна была подготовлена к секуляризации церковных земель.

§2 Вторая половина XVIII века.

Во вторая половине XVIII века продолжались те процессы, которые наметились еще при Петре I. Определяющими чертами данного периода стали:

1. Продолжение огосударствления церкви.

Наметившаяся с конца XVII века тенденция подчинения духовной власти светской, во многом определила отношение государства к церкви. В период абсолютной монархии церковная политика государства могла заключаться либо в сохранении существующих отношений, либо в дальнейшем усилении подчиненности церкви государству. Экономическое и политическое развитие страны требовало последнего.

При Екатерине II высший орган церковного управления «...не имел значения самостоятельной, руководящей силы и рассматривался с точки зрения правительственной государственной власти как простое служебное орудие.»¹⁵⁴

Такое положение дел усугублялось еще и тем, что «императрица... вступала в непосредственные сношения с св. Синодом или же пользовалась посредством кого-либо из синодальных членов»¹⁵⁵

С воцарением Павла I серьезных структурных изменений в высшем церковном управлении не произошло, и все же его качество изменилось. В это время закрепляется приближенность к трону синодских иерархов, которые повлияли на монарха в плане ослабления административного контроля государства над церковью. Так, неугодный Синоду обер-прокурор Хованский, проводивший строгие бюрократические порядки, был замещен по просьбе архиереев Хворостовым, который фактически передал в руки митрополита Амвросия всю полноту церковного управления. На 3 года (до 1801г.) обер-прокурор по существу потерял всякую значимость.

Такие действия Павла и вообще весь характер взаимоотношений церкви и государства в период с 1796-1801 годов был определен личностью монарха. Престолонаследник был воспитан под наблюдением императрицы Елизаветы Петровны. Как свидетельствует о нём его законоучитель митрополит Платон

(Левшин): "Высокий воспитанник всегда был по счастью к набожности расположен, и рассуждения ли, или разговор относительно бога и веры были ему всегда приятны"¹⁵⁶

Вместе с тем деятели церкви стали награждаться светскими орденами, была введена цензура издаваемой церковью литературы. Таким образом, несмотря на личное отношение императора к религии, церковная политика была частью государственной политики государства и должна была, прежде всего, отвечать его нуждам.

2. Секуляризация церковного имущества.

В отличие от предыдущего периода, во второй половине XVIII века основные успехи в вопросе подчинения церкви государству были сделаны в экономической сфере. Законодательно секуляризации была произведена в 1762 году Петром III. Ведение церковными доходами вновь было передано Сенату, а на места для управления церковными вотчинами были назначены офицеры. Но фактическое осуществление было произведено после восшествия на престол Екатерины II только 26 февраля 1764 г. по результатам работы специальной комиссии был издан указ, передавший управление всеми церковными землями государству. Несколько позже (с 1786 по 1788 годы) секуляризация была проведена в Малороссии, Польше и Закавказье.

В результате действий царской власти, зависимость церкви от государства еще больше усугубилась. При этом благосостояние высшего духовенства практически не ухудшилось, поскольку на них выделялись достаточные средства из доходов церкви. В тоже время приходским священнослужителям государство денег не выделяло, они должны были выживать за счет прихода.

3. Церковь идеолог самодержавия

Церковь во второй половине XVIII века оказывается зависимой от государства уже не только в административном плане назначений и смещения высшего духовенства, но и в вопросе финансов. Данная зависимость

определила свободное вмешательство государства в чисто религиозные вопросы.

Со своей стороны государство также применяло полицейские меры в помощь приходским священникам, для обеспечения должного отправления богослужений. Так, при Елизавете Сенат и Синод приняли законы о чинном отправлении богослужений в церкви, содержании в чистоте икон и неукоснительном соблюдении прихожанами долга исповеди под страхом штрафа.

Екатерина II продолжила данный курс, при ней «устанавливается целая система правительственной опеки. Сенатским указом 30 сентября 1765 года предписывалось всякого звания чина и пола людям от семи и до самых престарелых лет обязательно быть ежегодно в святые посты на исповеди и у святого причастия. За отступление от этого правила назначались различные штрафы, несостоятельные употреблялись в казенные и полицейские работы при содержании их на хлебе и воде»¹⁵⁷ Было признано возможным полицейскою силою препровождать народ в храмы в праздничные и высокоторжественные дни.

Продолжением данного курса стал пункт 59 «Устава Благочиния» (1782 год), в котором значится, что в число полицейских обязанностей должны входить заботы о тишине в церкви, молчании и почтении.

Государственное вмешательство в жизнь церкви и ее функции особенно наглядно проявилось в мерах Павла I по укреплению самой веры. Манифест о трехдневной барщине, который расценивается как первая попытка ограничить крепостное право, является в то же время ярким свидетельством вторжения светской власти в чисто церковную функцию контроля над неукоснительном соблюдении верующими воскресного дня. Манифест обращен к помещикам и запрещает им "принуждать крестьян к работам" в воскресные дни, создавать препятствия для воскресного посещения крестьянами церкви.

В течение всего XVIII не единожды ужесточалось наказание за уклонение от исповеди. Павел I меняет санкций: он отказывается от штрафов, которые напротив толкали прихожан к переходу под покровительство старообрядческих и сектантских общин, и вводит вместо них церковное покаяние. Принятый по просьбе Синода закон от 31 января 1801 г. разрешает исповедаться в любое удобное для прихожан время.¹⁵⁸

Итак, вторая половина XVIII века в области церковной политики государства становится логичным продолжением петровских преобразований. Несмотря на большую разницу в личных взглядах Петра III, Екатерины II и Павла I объективные обстоятельства диктовали определенную линию поведения. Поэтому суть взаимоотношений церкви и государства оставалась неизменной. Была проведена секуляризация церковного имущества, которая упрочила зависимость РПЦ. Светские власти продолжали использовать авторитет церкви для усиления своих позиций. В связи с этим, принадлежность к православию оставалась обязанностью и строго контролировалась государством. Охарактеризованные законодательные акты имели своей целью укрепить связь между церковью и широкими массами православных верующих, создать более доверительные отношения. Однако жесткий контроль государства в религиозном вопросе скорее рождал формальное отношение к церкви и внутренний протест против насилия.

§3 Первая половина XIX века

Внутренняя политика первой половины XIX века в отношении церкви продолжила петровские традиции. Определяющими чертами данного периода стали:

1. продолжение огосударствления церкви.

Оно выразилось на разных уровнях взаимоотношений церкви и государства.

С 1803 года начинается принципиально новый Синодальный период, который характеризуется повышением роли обер-прокурора. В это время непосредственные отношения между государем и Святейшим Синодом практически прекратились, и обер-прокурор стал единственным звеном, связывающим светскую и духовную власти, поскольку получил право всеподданнейшего доклада царю.

В 1807 году епархиальным архиереям было предписано доносить в канцелярию обер-прокурора обо всех важных делах в епархиях. Это еще более усиливало их зависимость от него.¹⁵⁹

Доверенное лицо Александра Голицын А.Н. объединил в своем лице все, что было связано с "христианским просвещением" – должности обер-прокурора, министра народного просвещения и главы департамента иностранных исповеданий.

Следующим важным шагом на пути подчинения церкви государству стал манифестом от 17 октября 1817 года¹⁶⁰, на основании которого, было создано единое министерства духовных дел и народного просвещения. На основе указа министерство утверждалось с тем, "дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения". Иначе говоря, это был замысел создания единого религиозно-культурного сосредоточия, – "спасительное согласие между верою, ведением и властью". Этим указом Синод был подчинен светскому учреждению, а его права значительно ограничены. За ним была сохранена только власть судебная. Причем в новом министерстве он был

поставлен в одинаковое положение с евангелической консисторией, католической коллегией, духовными управлениями армян и других инославцев.

В руках обер-прокурора было сосредоточено все делопроизводство обоих столов "ведомства православного вероисповедания". Особое значение имел тот факт, что обер-прокурору подчинялись также секретари духовных консисторий. Понятно, что секретари, полностью зависевшие от обер-прокурора, искали его благорасположения и прислушивались гораздо больше к его мнению, нежели к распоряжениям епископов. Тем самым, реформа 1817 года предоставляла обер-прокурору новые возможности влияния на епархиальные управление.¹⁶¹ Она сделала синодальную прокуратуру существенной частью государственного министерства церковного управления, и после того как пост министра был упразднен 15 мая 1824 года, его функции в силу инерции фактически перешли к обер-прокурору.

В период правления Николая I обер-прокуроры Синода также пользовались значительной властью. Уже Нечаев С.Д. установил контроль над финансами церкви.¹⁶² Следующий обер-прокурор «А.А. Протасов будучи сам деспотом, сокрушал всякое самовластие со стороны епархиальных архиереев. У него на суде равны были и архиерей и дьячок. С его эпохи узнали, что и архиереев можно судить, что и для них писан закон, что и на них можно жаловаться в Синод. Ранее обер-прокурор был при Синоде, то теперь Синод состоял при обер-прокуроре»¹⁶³

2 церковь идеолог самодержавия и русской нации

Меры по поддержанию духовного сословия были одной из составляющих политики по укреплению православия. Светские власти, как и прежде видели в РПЦ идеолога царской власти и основообразующий элемент нации. В официальной доктрине "Самодержавие, православие народность" церкви отводилась роль связующего звена между верхами и низами общества. Для успешного выполнения задач, поставленных перед нею, государство, в свою

очередь, стремилось повысить авторитет церкви в обществе, усилить возможность влияния церкви на общественное мнение и настроение.

Сохранение и усиление позиций Русской Православной Церкви, как основы нации стало одной из основных задач церковного курса политики Николая I. Практически данная задача осуществлялась двумя комплексами мер: сохранением и поднятием авторитета Православной Церкви и её идеологического и религиозного влияния на общество и усилением государственного контроля за духовным управлением.

Итак, в правление Александра I «процесс сближения церковного управления с государственными структурами привел к лишению Синода ряда функций публичной власти. Обер-прокурор из органа надзора постепенно превратился в орган власти»¹⁶⁴ Большую часть данного периода особым влиянием пользовался Голицын А.И.. Общегосударственный курс в это время подтверждается действиями Синода, в работе которого также прослеживается два этапа до 1817 года и после него.

При Николае I власть обер-прокурора упрочняется, он полностью контролирует церковные финансы и становится более влиятельным, чем синодальные архиереи.

В тоже время, отношение к церкви, как к гаранту царской власти и нравственной жизни общества, сохраняется. Монархия стремится поддержать авторитет РПЦ. Намечается новая тенденция – светские власти приходят к пониманию необходимости поднятия статуса обычных священников, открытия духовного сословия. Уже при Александре I и Николае I происходят первые шаги в этой области. Приобретя контроль над церковью, светские власти стараются организовать слаженную работу церковных институтов.

Меры по наведению порядка в среде духовенства и повышению его общественного авторитета, однако, были малоуспешны из-за своей непоследовательности и незавершенности.

§4 Вторая половина XIX века

Одной из важных черт внутренней политики второй половины XIX века вообще и в отношении к церкви, в частности, является ее непоследовательность. Либеральные реформы Александра II были во многом нивелированы контрреформами его сына.

Проанализируем, как это отразилось в интересующей нас сфере, в чем курс двух императоров был схож, а в чем различен.

Реформы Александра II, затронувшие все сферы общественной жизни, оказали влияние и на РПЦ.

Либерализация общественного мнения в 60-е годы вызвала в обществе дискуссии о реформах духовного ведомства. Само духовенство инициировало церковные преобразования, связанные, главным образом, с требованиями ослабления жёсткого государственного контроля над церковью, преодоления замкнутости духовного сословия и увеличения средств на содержание духовных училищ и самого духовенства. Таким образом, общественные реформы послужили катализатором церковных преобразований. Вместе с этим, общественные реформы требовали идейной поддержки, которую могла осуществить церковь.

Основные направления церковной политики правительства можно классифицировать следующим образом:

1. сохранение контроля над церковью

Развитие абсолютистского государства в России требовало ограничения самостоятельности русской православной церкви и ее подчинения интересам государства. Поэтому, как отмечалось выше, уже к концу XVIII века церковь попадает в экономическую, административную и идеологическую зависимость от государства. В XIX веке назревает общественно-политический кризис. Николай I стремился преодолеть его путем консервации общественно-политической системы. Александр II же для выхода из него провел буржуазные преобразования. Оба императора использовали церковь для разрешения

внутриполитических проблем государства, а в своей церковной политике придерживались одних принципов. Но Александр II, в отличие от Николая I, вместо усиления регламентации и контроля использовал либеральные методы (открытие духовного сословия, расширение гражданских прав духовенства, непосредственное привлечение духовенства к разработке церковных преобразований).

Поскольку, достигнув своего пика в правление Николая, власть обер-прокуроров оставалась на прежнем уровне мы не будем уделять ей особого внимания. Лишь констатируем, что огосударствление церкви по существу было завершено, и даже готовый к реформированию общества Александр II не рассматривал возможность дарования церкви автономии. Слишком важным идеологическим инструментом она являлась.

Данное направление, неизменное со времен Петра не было поколеблено и приходом к власти Александра III. Скорее даже наоборот. Новый обер-прокурор К.П. Победоносцев, пользуясь полным доверием императора, отстаивал идею единства церкви и государства «я смотрю на Россию, как на величественное здание, построенное на прочном фундаменте. Фундамент этот: православие и самодержавие. Я ничего не имею против надстроек над зданием, если они отвечают фундаменту и общей архитектуре векового здания, но фундамент должен оставаться прочным и нетронутым»¹⁶⁵

Он был автором печально знаменитого царского Манифеста "О незыблемости самодержавия", который определи политическую линию царствования Александра III на свертывание тех реформ, которые были проведены в 60 -70-х годах. Победоносцев полагал, что для проведения этого курса православная церковь призвана сыграть огромную, если не решающую, роль.

2. укрепление позиций РПЦ в обществе. Государственная власть продолжала попытки повышения степени доверия населения к духовенству для

улучшения эффективности идеологического влияния церкви на население и нравственного воспитания народа.

Особенно активно в данной области действовал упомянутый обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. Опираясь на поддержку светской власти, он стремился поднять религиозность, распространить православие в среде нерусских народов. При нем оживилась деятельность православных миссий, умножилось число церковных периодических изданий и тиражи духовной литературы. Он стимулировал учреждение церковных братств, призванных, особенно в западных губерниях России, укрепить православие. Победоносцев считал, что церковь помимо своих религиозных обязанностей, должна развивать и другие формы деятельности, для укрепления ее авторитета в народе. Большое значение он придавал церковной проповеди, внебогослужебным собеседованиям священников со своими прихожанами, устройству при церквях библиотек из духовных книг, организации благотворительности, а также проведению торжеств в связи с различными церковными юбилеями.

Итак, во второй половине XIX века политика государственной власти в отношении церкви сохраняла свои основные направления. Церковь огосударствлялась, власть обер-прокуроров росла, они стремились контролировать не только Синод, но и положение дел на местах, в епархиальных консисториях. В тоже время, власть стремилась укрепить авторитет церкви за счет дарования духовенству дополнительных прав. Однако отсутствие материальной поддержки государства осложняло их работу.

Мероприятия по либерализации и демократизации церковного управления имели формальный характер. Ослабления государственного контроля над духовным управлением и образованием не произошло. В общественном сознании церковь не приобрела авторитета. Проблемы материального обеспечения приходского духовенства так и не были решены.

2.2 Законодательство в отношении сектантства

Мы проанализировали наиболее характерные черты государственной политики в отношении церкви на протяжении XVIII-XIX столетий. А теперь рассмотрим, как они соотносились с теми законодательными мерами, которыми пользовались власти в борьбе с религиозным инакомыслием.

Помимо вышеперечисленных направлений внутренней политики государства, которые обуславливали меры правительства в отношении РПЦ, в вопросе борьбы с сектантством существовали свои субъективные факторы, а именно:

1. личность монарха

В выборе методов борьбы с религиозным инакомыслием роль личности монарха приобретает особое значение. В основных направлениях внутренней политики (в том числе и в отношении церкви) роль субъективного фактора была в значительной степени ограничена объективными обстоятельствами и насущными потребностями государства. Напротив, в частном вопросе отношения к сектантам монарх мог в большей степени руководствоваться своими субъективными представлениями.

Поскольку принадлежность к православной церкви воспринималась как обязанность граждан, а сама РПЦ в качестве проводника самодержавной идеологии, отношение к инакомыслию не могло быть положительным. Однако методы борьбы с ним во многом зависели от степени веротерпимости конкретного монарха.

2. личности обер-прокуроров

Возможность влияния на политику в отношении сектантов была также у обер-прокуроров. По сути своей эта должность являлась «противовесом», позволяющим сохранить баланс между интересами духовенства и светской власти и организовать согласную работу столь разных институтов. Личный доступ к царю так же способствовал усилению влияния данной должности.

3. личности иерархов церкви

Еще одним важным фактором, влиявшим на мнение монарха, и, соответственно, на государственную политику в отношении сектантства, были взгляды авторитетных иерархов церкви. Влиятельные представители церкви более всего разбирались в вопросе религиозного инакомыслия и, вместе с тем, зачастую имели возможность напрямую общаться с монархами.

В русле общецерковной политики государства, учитывая вышеприведенные субъективные факторы, можно составить следующую классификацию этапов борьбы с сектантством:

1. Недооценка проблемы сектантства – XVIII век.
2. Лояльность к инакомыслию, наказание только за активную проповедь – первая треть XIX века
3. Метод подавления и репрессий – вторая треть XIX века
4. Политика компромиссов, совмещение репрессий и свободы вероисповедания – последняя треть XIX века

Рассмотрим каждый из этих этапов подробнее.

§1. Недооценка проблемы сектантства – XVIII век.

Государственная и церковная политика в отношении сектантов в XVIII веке была обусловлена следующими обстоятельствами:

1. церковный раскол Мы уже отмечали в Главе 1 влияние раскола на народ, а также то обстоятельство, что церковная смута подготовила почву для распространения сектантства. В течение всего XVIII века эта проблема продолжала остро стоять перед властями, количество старообрядцев росло, несмотря на жесткие меры и дополнительные налоги. Очень часто появлялись сообщения о самосожжениях и противостоянии местных властей и старообрядцев. Именно в расколе государство видела основную идеологическую угрозу. Сектантство в данных обстоятельствах отходило на второй план или воспринималось как составная, причем незначительная часть старообрядчества.

2. Малое количество дел связанных с sectами также сыграло важную роль в формировании политики в отношении сектантов в XVIII веке. Число сообщений связанных с расколом значительно превышает количество дел о ересях и сектах. Такое положение дел было связано с несколькими обстоятельствами. С одной стороны, сектантство в XVIII веке еще не получило массового распространения. С другой, поскольку оно было делом новым, власти на местах зачастую не знали, на что следует обращать внимание и либо вообще не замечали распространяющиеся учения, либо путали их со старообрядчеством. И, наконец, сначала получили распространение секты мистического толка, в уставе которых изначально оговаривалась неразглашение принадлежности к secte. Как мы уже отмечали в Главе 1, хлысты и скопцы продолжалиходить в церковь, нередко являясь образцовыми прихожанами.

В результате, на фоне активной борьбы с расколом единичные сообщения о появлении сектантов не были восприняты с должной серьезностью.

Прежде чем осветить характерные особенности политики государства и церкви в отношении сектантов в XVIII веке, остановимся на той

законодательной базе, которая уже была разработана к моменту обнаружения первых признаков религиозного вольнодумства.

При Петре, как и до него, действующим церковным правом служила “Кормчая книга”. По вопросу о принадлежности к сектам в ней было сформулировано на основании Евангелия «еретика – человека при двукратном увещевании отрицайся»¹⁶⁶ т.е. лицо отошедшее от церкви сначала увещевалось, а в случае упорства отлучалось от церкви и предавалось анафеме. «Но затем, как церковь анафемой заканчивала свой суд над еретиком и прекращала всякие к нему отношения, в силу сложившихся на христианском востоке отношений между церковью и государством...по отношению к необратимому еретику вступала в действие юрисдикция государства, признававшего ересь закононарушением...государственным, угрожающим государственному порядку...»¹⁶⁷

Помимо церковного к началу XVIII века в отношении инакомыслящих действовали следующие законы:

- пункт 1 главы 1 Уложения «Будет кто иноверцы какие не буди веру или и русский человек, возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа или на рожвшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию или на Четный Крест или на Святых Его Угодников иproto сыскывать всякими сыски накрепко; да будет сыщется про то допряма и того богохульника, обличив, казнити, сжечь»

- Артикул 3 главы 1 Воинского Артикула 1715 года «Кто имени Божих хуления приносит и оное презирает и службу Божию поносит и ругается слову Божию и Св. Таинств, а весьма в том обличен будет, хотя сие в пьянстве или в трезвом уме учинится, тогда ему раскаленным железом прожжена, а потом отсечена глава да будет.»

- пункт 16 Духовного регламента о делах епископских. «Аще кто явственно хулит имя Божие или Св. Писание или церковь или явно грешник есть, не стыдяся дела своего, но и паче, том чванятся или без правильной вины

покаяния и Св. Евхаристии больше года не приемлет; или что-либо иное творит с явным закона Божия ругательством и посмеянием, таковой, по повторном наказании упрям и горд пребывает, достоин судится толикой казни (т.е. анафеме)...»¹⁶⁸

Таким образом, согласно закону светские власти стояли на страже единоверия и жестоко наказывали отступников. Однако, когда эти законы создавались, речь шла о единичных случаях еретичества, а не сектантстве, как массовом явлении. Уже с появлением раскола стало очевидно, что невозможно «казнить» такое количество народа. Поэтому как в отношении раскольников, так и в отношении сектантов светским властям пришлось вырабатывать формы наказания.

Можно выделить следующие определяющие черты политики в отношении сектантов в XVIII веке:

1. решение отдельных дел на местном уровне без привлечения центральных властей
2. ведение дел в рамках уголовного законодательства без выделения их из числа остальных
3. отсутствие каких-либо продуманных мер борьбы с сектантством, а именно миссионерской деятельности, изучения особенностей сект и причин их возникновения.
4. Постепенное осознание серьезности проблемы
5. Общая непоследовательность политики в отношении сектантов.

Свое выражение данные черты нашли в соответствующих законодательных актах и распоряжениях властей.

Характерным примером может служить дела об обнаружении хлыстов. Первому делу против сектантов не было уделено должного внимания. 13 июня 1717 года один из главарей секты хлыстов Лупкин и еще 20 человек были отправлены в Углицкое духовноеправление, однако дело не вышло за пределы

губернии и вскрылось только в 1733 году, когда начался первый крупный антисектантский процесс. В этом году некто Караполов донес, что в Москве “имеются четыре дома, где чинятся непотребства и куда собираются, в праздники по ночам разных чинов люди, старцы, старицы и прочие, из иных некоторые выбираются начальниками и садятся в передних местах, а другие по лавкам и, приходя к ним, кланяются в землю, целуют у них руки, собирают для них деньги, а иные пророчествуют.”¹⁶⁹ В 1734 году вышел закон об открывшейся новой ереси и новых лжеучителях. Было уличено 78 человек. По результатам расследования, открылись «многия богомерзкия чинимыя оними людьми противности».¹⁷⁰

В Синоде была учреждена «высшая комиссия» для исследования учения и богослужения хлыстов состоявшая из трех архиепископов, графа Остермана, генерала Ушакова и князя Черкасского. Состав комиссии свидетельствует о стремлении государства контролировать борьбу с религиозным инакомыслием.

Характерной чертой явилось предложение Синода Анне Иоанне для пресечения и искоренения христовщины: «не соизволит ли она распубликовать во всей Российской Империи от Синода, указами, дабы оной богопротивной ереси участницы...явились в Синод в Санкт-Петербург или Москву с объяснением вины своей без боязни, но с полной надеждой на прощение?».¹⁷¹

Данные действия Синода иллюстрируют наше утверждение о том, что церковь и государство не анализировали причин появления сектантства. Поскольку отход от православия был серьезным, обдуманным шагом, ни один из хлыстов не явился добровольно. Вместо этого секта продолжила развиваться. В результате, когда через 10 лет возник очередной процесс, следствие обнаружило, что «число хлыстов в Москве не только не ограничилось, но увеличилось в три раза»¹⁷². В это же время хлысты быстро распространялись и в других губерниях.

На очередном процессе уже во времена правления Елизаветы было выявлено уже 416 хлыстов. Экстракт данного дела после 10 лет следствия был

зачитан в Сенате, который постановил: 34 человека «жестоко бить кнутом и, заклепав в кандалы, отправить в Рогорвик для употребления в тяжелые работы...содержать их особо, порознь. Женщин после кнута в кандалах отослать в Мануфактур-коллегию, чтобы она определила их на фабрики». ¹⁷³

При этом власти приняли во внимание то, что сектантство распространялось и давало о себе знать уже не первый раз, и приказали содержать женщин-сектанток отдельно от православных. Однако, издав такой указ, государство не позаботилось об условиях его выполнения. Фабриканты вскоре указали, что у них нет возможности содержать сектантов в надлежащих условиях.

В результате, наказано было больше сотни человек, а 167 человек по подсчетам Синода продолжали скрываться. Часть арестантов была отпущена. Над ними был организован бдительный контроль «через духовных и светских персон», а «в посадах и уездах через старост выборных сотских и десятских».

Итак, в XVIII веке перед государством остро стояла проблема борьбы с расколом. На этом фоне незначительное количество сообщений о сектах не было воспринято всерьез. Для борьбы с сектантами не было создано специальных методов, его особенности не изучались. Анализ решений по сектантским делам позволяет сделать вывод, что власти не осознавали глубинных причин отхода от РПЦ и не видели разницы между старообрядцами и сектантами. Итогом политики в отношении сектантства в XVIII веке стало его распространение по всей России. Сформировались и приобрели большое количество сторонников основные русские секты – хлысты, скопцы, духоборы, молокане.

И, тем не менее, в этот период наметились некоторые тенденции в политике по отношению сектантов:

- изоляция сектантов, позволявшая не допустить дальнейшее распространение сектантства в местах ссылки

- представление о том, что основная причина отхода от православия — невежество

§2 Политика лояльности – первая треть XIX века

На первом этапе было выявлено наличие массового распространения сект, однако в течение XVIII века четкой политики и законодательства отвечающего имеющимся проблемам не появилось. В то же время число сектантов продолжало расти, начиная с 90-х годов XVIII века, сообщения об обнаружении сект стали появляться регулярно. Такое положение дел обусловило более активную позицию властей на следующем этапе. Хронологически данный период охватывает правление Павла I и Александра I.

С приходом к власти Павла «в отношении к расколу и старообрядчеству была проявлена чрезвычайная веротерпимость»¹⁷⁴ Царь был беспощаден к «коноводам» сектантства, однако сочувственно относился к совращенным в раскол. С раскольниками предписывалось действовать «не строгостью или принуждениями, но сообразно апостольскому учению со всякою кротостью и пастырской любовью, да и в случае несклонности их никаких огорчений и видов грубых отнюдь не показывать, а стараться через благопристойное и ласковое с ними обращение сыскивать средства к непринужденному разговору с ними.»¹⁷⁵

В то же время, как и при Екатерине II, главарей и активных проповедников сект ссылали на рудники, чтобы они «восчувствовали чрез сие, как следует то, что суть на земле власти Богом определенные на твердую защиту добрых злодеям же подобным на страх и наказание»¹⁷⁶

Однако законодательно политика в отношении сектантов оформлена все еще не была. Каждое дело рассматривалось особо. Таким образом, по существу курс Павла можно считать переходным, он во многом схож с политикой екатериненского времени. Изменившиеся условия и активизация деятельности сектантов вынудили власти обратить на него особое внимание, однако никаких оригинальных механизмов борьбы с ним выработано не было.

При Александре I лояльность к сектантству и поиск наиболее мягких путей решения проблемы достиг максимального развития. Политика данного периода была обусловлена следующими причинами:

1. активное распространение сект

Уже при Павле I число дел, связанных с появлением и распространением сект резко возрастает. Данное обстоятельство стало причиной появления отдельной системы мер, применявшейся именно к сектантам, а не к старообрядцам. В то же время государственная власть ищет иные пути решения проблемы и сменяет жесткие меры на более лояльные в надежде на то, что это примирит сектантов с государством.

2. личность монарха

Выработка специфических форм антисектантской борьбы стала необходимостью. Однако то, какие именно меры были выбраны, во многом определялось личностью Александра I. Царь был веротерпим, он с уважением, но без особого почтения относился к церкви, придерживаясь мнения, что у каждого человека должна быть своя «внутренняя церковь», а уж каким путем он придет к Богу, в каком храме, православном, католическом или ином, будет молиться — вопрос менее существенный. Такой "либерализм" в вере был порожден не только влиянием новых идей того времени, но и отсутствием у императора каких-либо систематических религиозных знаний, прочных убеждений.

3. личность обер-прокурора Синода А.Н. Голицына

Решение вопросов связанных с церковью Александр поручил упомянутому А.Н. Голицыну. Влияние обер-прокурора было чрезвычайно велико. Все церковные дела он докладывал царю лично, ни один из православных иерархов в этот период времени не имел серьезного влияния на монарха. Большинство авторов сходится во мнении, что Голицын был склонен к мистике, которая была популярна в то время в России. В то же время, он, в частности, разделял идею некого универсального нового христианства надконфессионального типа.

Используя власть обер-прокурора, он во имя веротерпимости способствовал проникновению в русское общество различных течений протестантского толка.

Государственная политика по отношению к сектантам в данный период имела следующие характерные черты:

1. Сектантство перестает считаться явлением политическим и переходит в разряд чисто духовных дел, как результат этого – преследование сектантов ослабляется. Религиозное свободомыслие наказывалось отныне только в случае, если сектант нарушал полицейские или уголовные постановления.
2. Отказ от миссионерской деятельности и явного увещевания сектантов.
3. Попытка изолировать сектантские общины, не уничтожая всю секту
4. Отсутствие продуманного плана действий, противоречивость мер.

Данные черты нашли свое отражение в соответствующих законодательных актах, указах и постановлениях правительства.

Когда Тамбовский губернатор написал о появившихся духоборах, ему было сказано, что общее правило правительства состоит в том, что бы не вмешиваясь в дела внутри исповедания веры не допускать никаких отступлений от церкви и строго запрещать нарушения общего благочиния и порядка. Губернатору предписывалось связаться с епархиальным архиепископом, чтобы в селах, где замечены духоборы, были назначены «предпочитительно краткие и благонравные священники, которые старались бы обратить их на путь истины не состязаниями и принуждениями, а кратостью примера и святостью жизни». А гражданскому начальству наблюдать, «чтобы раскольники не дозволяли себе оказывать к священникам презрения или грубости»¹⁷⁷

Сообразно со взглядами монарха, государственные власти искали максимально бесконфликтные пути решения проблемы. Первая принципиально новая мера была осуществлена уже в 1802 году. Сенаторы Нелединский, Милецкий и Лопухин предоставили Александру I проект удаления духоборов в особенные колонии. Понимая, что число сектантов слишком велико и всех их наказать не представляется возможным, царь хотел отделить их от

православного населения, чтобы они не имели возможности проповедовать и смущать умы правоверных прихожан.

В результате, духоборам Слободско-украинской губернии разрешили переселяться в Мариупольский уезд, давая при этом по 15 десятин на душу и заем на 30 лет в размере ста рублей. Кроме того, они были освобождены на 5 лет от всех государственных податей.

В Высочайшем указе на имя Херсонского военного Губернатора говориться, что меры насилия, которые применялись к духоборам в течение 30 лет до 1801 года, не дали никакого эффекта, поэтому Александр призывал не ущемлять мелитопольскую общину. Духоборы были освобождены от присяги при поступлении на службу, однако им все же запретили избираться на общественные должности. То есть мы видим, что император пытается соблюсти и свободу личности и вероисповедания, и одновременно защитить государственные интересы.

Условия, на которых переселялись духоборы, казались многим православным благоденiem и признаком особого расположения императора. «Народ тогда думал, что молоканы пользуются особым покровительством»¹⁷⁸ Сектанты были трудолюбивы и большое количество земли вкупе с освобождением от налогов позволило им в короткие сроки наладить образцовое хозяйство и начать привлекать к себе новых членов, соблазняя их выгодными условиями. Достаточное количество земель «несравненно большее, чем у православных крестьян»¹⁷⁹ и освобождение от пошлин позволяли помогать вновь прибывшим, поэтому крестьяне из соседних деревень легко соблазнялись и переходили к сектантам.

Характерен факт, что к военнообязанным сектантам, относились намного жестче, чем к простым крестьянам. Так, двух казаков, которые были уличены в духоборчестве, строго наказали – они были сосланы на Соловки. Правда на предложение наказать их телесно (высечь и выдрать ноздри) Великий князь Константин Павлович отказал «ибо всякое публичное телесное наказание

будет их более утверждать в заблуждении и подаст им о себе мысль как о страждущих невинно за веру...»¹⁸⁰ Это еще один пример охранительной в отношении государственных интересов политики Александра.

В отношении скопцов власти тоже проявляли необычайную терпимость и вместе с тем непоследовательность. С одной стороны, в этот период принадлежность к скопчеству преследовалась не как уголовное преступление, а как заблуждение вредное для общества. Властям было предписано избегать новых оскоплений, но уже оскопленных по возможности не трогать. Такое отношения подтверждается и тем, что лидер секты Кондратий Селиванов с приходом к власти Александра был выпущен из сумасшедшего дома, где содержался со времен Павла и спокойно проживал в Москве долгое время не подвергаясь никакому наказанию.

В 1801 году в Калужской губернии были открыты пять скопцов, и царь повелел «оставить от суда свободными поелику они подобным невежественным и вредным поступком сами себя довольно наказали»¹⁸¹ В это же время сектантам, содержавшимся в Шлиссельбурге, были смягчены условия наказания, их разослали по монастырям и постригли в монахи. Александр повелел найти наказанных скопцов и отпустить всех, кроме оскопителей.

Все вышеприведенные случаи явно свидетельствуют о смягчении отношения к данной секте. Но уже в 1806 году проявляется непоследовательность властей – скопцов обнаруженных в Херсонской губернии велено было признать «врагами человечества, развратителями нравственности, нарушителями законов Божьих и Гражданских»¹⁸² В 1812 года постановлено всех скопцов «отдавать на военную службу, а неспособных к военной службе отсылать на казенные заводы»¹⁸³ «С 1816 года самооскопление тоже стало считаться уголовно наказуемым, однако обратной силы закон не имел... Зная, что за кастрацию, если ее произвели до 1816 года не преследуют или если доказать, что человек оскопил себя сам, скопцы отвечали следователям соответствующим образом»¹⁸⁴ Объективных причин изменения

политики по отношению к скопцам на данном этапе не обнаружено, поэтому действия властей можно объяснить отсутствием продуманной тактики.

В рассматриваемый период времени Синод в области борьбы с сектантством практически бездействует – миссионерская деятельность в сектантской среде не велась, самых представителей сект не преследовали. Только в 1824 году, когда политика в отношении сектантов начала меняться, Синод обратил внимание на усиление духовно-нравственного воздействия на раскольников и «к синодальным членам и прочим епархиальным преосвященным архиереям послал печатные указы, чтобы они обращали особое внимание на священников тех приходов, в коих особенно сильны сектанты, имели по пастырскому своему долгу неослабное попечение, чтобы в таковых приходах священники были жизни благочестивой и в благоразумии и кротости испытанные и искусные в обращении на стезю истинную»¹⁸⁵ (постановления от 7 мая и 9 июня 1824 года)

Мягкая позиция по отношению к сектантам, вопреки ожиданиям, не оправдала себя. Об этом явственно свидетельствует статистика – количество сектантов не только не уменьшилось, но и продолжало расти.

Причин этому несколько:

- Не были решены те проблемы, из-за которых многие люди уходили в сектантство – положение духовенства продолжало оставаться тяжелым, а его нравственный уровень и образования низкими. Тяжелое положение крестьян, пьянство и малоземелье большинства из них продолжали порождать недовольство и попытки найти лучший путь. В данном случае характерна привлекательность духоборческих общин для местного населения и постоянное их пополнение.
- Изоляция сектантских общин не решила проблемы. Полностью отсечь их от мира не представлялось возможным, а выделение им земель на льготных условиях было воспринято как признак особого расположения

- Антисектантское законодательство выработано все еще не было, поэтому политика представляла из себя разрозненный набор мер, принимавшихся в каждом отдельном случае и часто противоречивших друг другу.

§3.Период активной борьбы с сектантством – II треть XIXвека

С приходом к власти Николая I начинается новый этап политики в отношении сектантов. Влияние на изменение курса оказали следующие факторы:

1.неудача предыдущей тактики относительной веротерпимости и продолжающееся увеличение количества сектантов.

2.личность монарха Помимо различных объективных факторов на смену общеполитического курса, курса в отношении церковной политики вообще и актисектантской, в частности, повлияла личность Николая I. Император перенял от своего отца, помимо увлечения военными делами, и глубокие религиозные чувства. Он интересовался церковными делами, уделял много внимания церковной жизни, с уважением относился к иерархам. Вместе с тем, Николай был сторонником жёсткого стиля управления и беспрекословного повиновения подчиненных.

3. влияние митрополита Филарета (Дроздова) На выработку мер в отношении сектантов и раскольников особое влияние имел митрополит московский и коломенский Филарет (Дроздов). В течение всего царствования Николая I, а также значительную часть правления Александра II он играл доминирующую роль при выборе курса борьбы с инакомыслием. Например, некоторые из его «мнений и отзывов» целиком вошли в собрание постановлений по расколу и от МВД и от Синода.¹⁸⁶ Филарет пистально следил за положением раскола и борьбой с ним и давал советы иерархам. «Поэтому излагать историю противораскольничьей деятельности святителя Филарета, значит излагать историю раскола за время его деятельности»¹⁸⁷ Исходя из сказанного выше, нам представляется важным осветить взгляды митрополита по интересующему нас вопросу.

Филарет воспринимал не только сектантство, но и старообрядчество как «болезнь», «язву» и требовал «неотложного и серьезного врачевания».¹⁸⁸

Главное зло раскола в целом он видел в его ненависти к православной церкви. Существование и рост его могут осуществляться только в ущерб церкви, напоминал он. «Раскольники по духу своего прозелитизма никогда не разграничиваются с православием. Оттого существует значительное число (до 600 тыс.) колеблющихся между православными и расколом»¹⁸⁹

Он предлагал двоякий способ действий «врачебный» и «охранительный»¹⁹⁰ Филарет отмечал, что для успешного увещевания необходима не только «личная безупречная жизнь пастырей»¹⁹¹, но и «искренне беспрестанное желание познать истину Божию»¹⁹² со стороны сектантов. Для помощи тем, у кого нет своего желания исправляться церкви, необходимо содействие со стороны правительства. «Потому что без этих мер, они не могут выпутаться из сетей раскола»

Митрополит был против полной и безграничной свободы в делах веры, так как она ведет к размножению зла. «Правительство, отечески пекущееся о благе вверенных ему, должно поступать с народом, по своей необразованности не умеющим отличать истины от заблуждения, полезного от вредного, как с малыми детьми, которые редко научаются чему-либо полезному и добруму без понуждения, а после вспоминают о том с благодарностью.»¹⁹³ Филарет был убежден, что планомерными охранительными мерами сектантство возможно подавить.

Таким образом, жесткий курс, предложенный митрополитом хорошо сочетался с политическими пристрастиями Николая I. Тем более что Филарет предлагал вариант тесного взаимодействия и взаимной выгоды государства и церкви.

В то же время в деятельности по борьбе с сектантством явно просматриваются черты характерные для политики Николая по отношению к церкви вообще – стремление к упорядочению информации, бюрократизация и канцелярский подход к делу. Меры эти можно классифицировать следующим образом:

1. исследование вероучения сект
2. Классификация сект
3. Включение в свод законов антисектантских статей
4. Разработка мер борьбы с сектантами

1. Поскольку дел, связанных с обнаружением сектантов становилось все больше, необходимо было исследовать проблему, чтобы разработать адекватную систему мер.

Деятельность по изучению сектантства в данный период можно классифицировать следующим образом:

1. работа различных специально создаваемых комитетов.

Первый Комитет по делам о раскольниках был учрежден еще в марте 1825 года в Петербурге. Такой же комитет был создан в Москве в 1831 году, а в 1838 году принято решение постепенно учреждать губернские совещательные комитеты в местностях, где более всего распространено сектантство. Они должны были состоять из епархиальных архиереев, губернаторов, председателей палат государственных имуществ и жандармских штабс-офицеров. Таким образом, мы видим, что был задействован принцип тесного взаимодействия светской и духовной властей в деле борьбы с сектантством.

С 1840 года все дела перед передачей в суд стали попадать в комитеты на местах, а в 1849 году они стали выносить окончательные решения по делам о сектантах, хотя изначально им предписывались исключительно совещательные функции. Таким образом, власть их постепенно росла, а количество увеличивалось.

Примером работы особой следственной комиссии может служить изучение секты скопцов. В 1843 году по доносу некого Вавилова в Петербурге было открыто «сборище» сектантов, обнаружены их письма и иконы. В результате, решено было создать Следственную комиссию, целью которой было «полное раскрытие скопчества и главных виновников его распространения». Примечательно, что это дело было поручено светским лицам. Общего полного

отчета о деятельности комиссии не существует, но из дел видно, что она имела широкие полномочия: производить обыски, допросы, очные ставки, медицинские освидетельствования. Если комиссия получала сведения о скопцах в других губерниях она связывалась с губернским начальством, чтобы последнее уведомило о результатах следствия. Специальные чиновники занимались извлечением сведений о сектантах из дел за прошлые годы.

Изыскания комиссии не прошли даром: с этого времени положение секты резко изменилось, скопцы были удалены со всех выборных должностей, а утаившие принадлежность к секте при приписке в купечество или мещанство подвергались ссылке на поселение с лишением «прав состояния». Новые дела велись по всей строгости – все сектанты ссылались в Закавказский край или в Сибирь.

В 1845 году по результатам работы комиссии согласно указанию МВД было опубликовано исследование скопческой ереси Надеждина.¹⁹⁴

Итак, в период с 1825 по 1852 годы была проведена обширная работа по исследованию раскола, однако разработанные на ее основе меры не действовали. Между тем, правительство видело необходимость «усилить средства к предупреждению и пресечению зла»¹⁹⁵ Для реализации данной задачи в 1853 году по инициативе Министра Внутренних дел В.Д. Бибикова был создан особый комитет для пересмотра постановлений о раскольниках. Мы более подробно остановимся на результатах работы данного комитета, поскольку они характеризуют рассматриваемого периода.

В «Особый комитет» входили 5 чиновников – 2 из духовного ведомства и 3 из МВД. Меньше полугода понадобилось ему, чтобы предоставить проект мер, уже 10 июня 1853 года он был утвержден императором. Основная цель вновь созданной системы состояла в том, чтобы обратить всю строгость закона на тех «кто под личиною раскола нарушает общественный порядок», подчинить их государственным постановлениям. Однако критерии, согласно которым можно

причислять к нарушению общественного порядка, отсутствовали, что позволяло до бесконечности увеличить число виновных.

Характерно, что вновь повторялся запрет не утверждать раскольников на выборные должности. По всей видимости, это свидетельствует о том, что данное постановление не действовало.

Комитет четко распределил обязанности церковной и светской власти и предписал последней: издавать книги с обличение сектантства; удешевить цены на молитвенные книги; снабдить миссионеров книгами; по которым учат сектанты; печатать в журналах статьи призванные вразумлять сектантов; установить строжайший присмотр за духовенством в приходах, где есть сектантство.

Таким образом, духовной власти явно указывалось, что она может играть лишь ту роль, которую ей навязывает государство. Все законодательные, судебные и даже исследовательские функции оставались за последним.

Вторая часть мер предусматривала способы подчинения раскольников общим государственным постановлениям::

1. привести по возможности в точную известность современное положение раскола во всех отношениях

2. В местах, где живут раскольники усилить полицию городскую и земскую для ведения метрик. «Из чего они (раскольники) увидят, что из них не составляют какого-либо сословия, но подчиняют их общему порядку.»

3. предоставить МВД постепенно упразднить скиты, монастыри, кладбища и сектантские «сборища без всякого исключения».

Как мы видим, большая часть постановлений относилась к старообрядцам, но по их жесткости можно судить об общем настрое властей. К сектантам обычно относились значительно строже, но данное постановление по существу уравнивало репрессии по отношению к любым проявлениям отхода от православия.

1 января 1854 года Комитет, согласно принятому постановлению, предписал губернаторам предоставить полные сведения о положении дел. В числе новых требований было указание подробных сведений о местах существования инакомыслия.

Общие выводы из донесений губернаторов указывали на то, что сектантство поддерживается:

- несоблюдением правительственных постановлений
- небрежением православных к истинам христианского долга и обрядов церкви
- распространением рукописей противных православию книг
- упорным ожесточением и ненавистью к православию
- недостатком церковного вразумления со стороны духовенства, в некоторых местах его потворством расколу
- недостатком православных храмов
- слабым действием полиции

Данные выводы подтверждают названные нами причины стойкости сектантства, а также объясняют, почему многие постановления повторялись из раза в раз. Неудовлетворительное состояние приходов, вкупе с потворством расколу местных властей, сводило на нет любые предписания правительства и старания отдельных представителей церкви.

Но Особый Комитет сделал совершенно другие выводы. Вместо улучшения жизни приходов и строгого контроля за исполнением распоряжений законодательной власти, было решено еще больше ограничить права и увеличить наказание сектантам. То есть власти пошли по более простому пути, пытаясь репрессиями заменить назревшие реформы. Однако проблема религиозного инакомыслия только усугублялась.

Претендую на создание универсальной системы способной решить проблему в масштабах страны, Комитет оказался способным всего лишь ослабить позиции сектантства в Москве, и был распущен 17.04.1855 года,

2. Исследования чиновников МВД на местах.

Параллельно с работой комитетов, сведения собирались в МВД. Так, губернаторы должны были по-прежнему предоставлять туда все приговоры палат уголовного суда о раскольниках. В 1841 году министром внутренних дел становится граф Л.А.Перовский. С этого момента исследование сектантства становится систематическим.

Не прерывая доставления ведомостей из губерний и предложений из Губернских Совещательных Комитетов (они рассматривали как и прежде все предложения по делам раскола), Перовский рассыпал в разные места чиновников для изучения инакомыслия.

Как пишет историк И. Ю. Марков только «с 1842 по 1855 годы было проведено около 20 экспедиций в места «особо широкого распространения раскола». Эти экспедиции осуществлялись чиновниками МВД.»¹⁹⁶

Однако достоверность и полнота информации была весьма условной из-за некомпетентности чиновников, скрытности сектантов и отсутствия четкого разграничения полномочий в деятельности разных подразделений. Поэтому посылаемые в места «зараженные» расколом экспедиции давали лишь самую общую и приблизительную картину состояния дел в обследуемых губерниях.

3. Систематизация архивов

Одновременно пяти чиновникам было поручено разобрать дела по расколу и сделать по ним выписки. Известно, что первый чиновник рассмотрел 480 дел хлыстов и скопцов, второй 1147 дел духоборов и молокан в период с 1826 по 42 годы, но куда делись выписки до сих пор не установлено.

В 1847-52 годах продолжаются выписки из архива МВД, а в III-ем отделении Канцелярии министерства составлен систематический свод всех постановлений о расколе не вошедших в Свод Законов.

2. Изучение сект позволило составить их классификацию, которая имела важное влияние на законодательные и распорядительные мероприятия правительства. Разработал ее упомянутый Филарет (Дроздов). По его мнению,

не было необходимости вникать в обстоятельства каждой секты, поскольку главная их особенность не отличие в учениях, а общая вредность для государства и церкви. По такому признаку вся религиозная оппозиция была разделена на 3 категории:

а).Повреждающие веру, но менее вредные в гражданском отношении (поповцы).

б).Признанные в установленном для сего порядке особенно вредными (беспоповцы, молящиеся за царя и женящиеся).

в).Извергные, соединенные с проявлениями фанатизма или противоравственными гнусными действиями (все еретики и секты беспоповского толка не молящиеся за царя и не женящиеся).

Анализ данной классификации сект позволяет сделать следующие выводы:

- власти не делали различия между старообрядцами и сектантами, и, соответственно, не вникали глубоко в глубинные причины отхода от сектантства
- При распределении сект по типам определяющим фактором была не их догматика, а степень вредности для государства
- Формулировки согласно которым секты причислялись к той или иной категории могли толковаться по-разному, поскольку такие понятия, как, например, «противоравственные гнусные действия» в законе расшифрованы не были.

3. Законодательная система в России была развита слабо. Со времен Соборного уложения 1649 года полное собрание законов российской империи не перерабатывалось. Хотя при Екатерине II и Александре I кодификационная работа велась достаточно интенсивно, свод законов Российской империи был разработан только в 1832 году.

Составной частью кодификационной работы в I половине XIX века, явилось и приведение в порядок законодательства о сектах и старообрядчестве,

необходимость систематизации которого была очевидна. Основная часть законов данного направления вошла в третий раздел Устава о предупреждении и пресечении преступлений, который относился к уголовному праву.

Обратимся к «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» 1845¹⁹⁷ года, чтобы понять, каково было отношение к сектантам в период правления Николая I.

Наказанию подвергались «лица православного исповедания, уклоняющиеся от исповеди и причащения св. тайн, по нерадению или небрежению» (ст.219), а так же «родители, не приводящие к исповеди детей своих, достигнувших уже положенного на сие возраста (начиная с семи лет)» (ст.220). На данном примере явственно видно, что принадлежность к православию являлась обязанностью, и государство в вопросе его защиты действовало вместе, а иногда и вместо РПЦ. Статья 220 в качестве наказания предусматривала «особое внушение от духовного и замечанию от местного гражданского начальства.»

Раз даже проступки по нерадивости подлежали кодификации, естественно, что и более серьезные вопросы рассматривались со всей обстоятельностью. Статьи 190-196 налагали запрет на переход из православия не только в не христианские, но и другие в христианские исповедания. То есть сектанты изначально рассматривались, как преступники. Наказанию подвергался не только отступник, но и те «кто знал, что жена его или дети, или другие лица, за коими ему предоставлено законом наблюдение и попечение, намерены отступить от православного вероисповедания»¹⁹⁸ (ст.200)

«Принадлежащие к первой и второй группе [то есть старообрядцы обоих толков] не преследовались за саму принадлежность к расколу, т.е. за мнение их в вере и за совершение богослужения и духовных треб по их обрядам, если такие не воспрещаются законом публичным.»¹⁹⁹ Однако раскольникам запрещалось «совращать и склонять кого-либо в раскол свой...чинить какие-либо дерзости противу православной церкви» и вообще уклоняться от законных правил. Положение, сформулировавшее таким образом взаимоотношения

государства и раскола, синтезирует в себе всю ту двойственность и неопределенность, которая была в целом свойственна политике государства по отношению к расколу. В законодательстве не раскрыто, какой конкретно смысл вкладывается в слова «совращать и склонять в раскол» или «чинить дерзости противу православной церкви», а тем более «уклоняться от общих правил благоустройства».

Суровое наказание согласно ст.197 грозило тем, «кто в проповеди или сочинении будет привлекать и совращать православных в иное, хотя христианское, вероисповедание, или же еретическую секту, или раскольнический толк.»²⁰⁰

Принадлежащие же к особо вредным sectам согласно статье 207 за попытку склонить в таковую ересь и за проповедь подвергались лишению всех прав, состояния и ссылке на поселение в Закавказье. Равным образом они привлекались и за скрытие принадлежности к sectе. (ст.212)²⁰¹

Отягчающими обстоятельствами считалось насилие и нанесение увечий даже по собственной воле. Таким образом, sectа скопцов оказывалась в самом невыгодном положении.

Суровая кара грозила и тем из sectантов, кто повторно покидал православную церковь. Это было сделано для того, чтобы избежать притворного раскаяния.

4. Итак, законодательство, наконец, четко определило статус sectантов. С точки зрения государства они считались преступниками, их преследовали за одну принадлежность к вере. Однако мера их преступления, и, соответственно, наказание были разными.

Анализ постановлений, касающихся sectантов, которые были изданы в период правления на протяжении всего правления Николая I, позволяет заключить, что на протяжении рассматриваемого периода меры правительства ужесточались.

Данная тенденция прослеживается как в законах о религиозном инакомыслии вообще, так и в формах борьбы с отдельными сектами, в частности. Проиллюстрируем данное утверждение анализом изменений в законодательной политике по отношению к двум сектам разного типа – духоборам и скопцам.

Сделав вывод о неудаче отселения духоборов на Молочные воды, правительство решило найти иные пути решения данной проблемы. Ланской, например, предложил отсылать сектантов свободных сословий в Западную Сибирь, в отдельные селения, не более чем по 100 душ. При этом указывалось, что сектантские селения должны находиться на ближе чем в 25 верстах от православных. Проповедников предполагалось предавать уголовному преследованию и ссылать в Восточную Сибирь на работы. Однако губернаторы Западной и Восточной Сибири затруднились выделить для духоборов земли на таких условиях. В результате, в 1830 году было решено «всех означенных выше раскольников т.е. духоборцев, молокан, иконоборцев, субботников и последователей других ересей, признанных особенно вредными, если они изобличены в распространении их ересей или привлечении к ним других, а также в соблазнах, буйстве и дерзостях против церкви и духовенства Православной веры, предавать суду»²⁰² (ст.1) А статьей 13 объявлялось, что “переселение раскольников этого рода в Новороссийский край прекращается, поэтому из назначенной для них земли 79.000 десятин, оставив находящимся на лицо по 15 десятин на душу, излишнюю землю обратить в казенное ведомство”²⁰³

В период с 1838 по 1841 годы сектантам запретили нанимать вместо себя рекрутов-православных. Призванных на службу духоборов, решено отправлять в отдельный кавказский корпус.

Репрессии в отношении скопцов также усиливались. Правительство предписывает губернаторам:

- секретно собрать сведения о числе сектантов

- усилить надзор за их действиями
- при следствии искать виновных в оскоплении
- дела о скопцах должны передаваться в МВД
- врачи должны сообщать о выдаче свидетельств о потере детородных органов по болезни

Кроме того, скопцам запретили выезжать из страны.

После исследования Надеждина была проведена параллель между скопцами и хлыстами, на них обратили особое внимание. В связи с тем, что последователи данных сект были склонны скрываться под православной личиной, был разработан ряд мер:

- в документах и приметах обязательно указывать оскопление
- не увольнять в отставку скопцов, не способных к службе
- скопцов, состоящих в гильдиях, не переводить в высшие
- всех вновь оскопившихся отдавать в арестантскую роту
- представлять скопцов в смешном виде и водить по селению «в женской одежде и дурацкой шапке»²⁰⁴

Таким образом, и без того строгое по отношению к скопцам законодательство еще больше ожесточается. Однако никаких реальных способов выявления сектантов предложено не было, а попытки высмеять скорее вызывали жалость по отношению к страдальцам за веру и создавали ореол мученика.

Еще одной особенностью законодательства была его недостаточная проработанность в вопросах, касающихся сектантов. Осталось множество моментов, вызывавших замешательство, при столкновении с сектантами исполнительных и судебных органов.

Так, после издания законодательства 1832 года возник вопрос, какие секты следует судить по ст. 197, то есть только за распространение своих заблуждений, а какие уже за одну принадлежность к секте. Данная проблема

возникла из-за того, что в законе не было раскрыто понятие «особо вредная секта». В результате, в разъяснение от 8 октября 1835 года было указано, что «кроме духоборцев, иконоборцев, молокан, иудействующих должно считать особо вредными: скопцов и не молящихся за царя, сверх того и тех из раскольников которые по местным сообщениям будут в равной степени признаваться вредными для общества: о сих последних испрашивать каждый раз разрешения МВД описывая обряды, мнения, правила и означать степень вреда от них происходящего.»²⁰⁵ Как мы видим данное пояснение лишь отчасти снимало проблему определения типа секты с местных органов власти, поэтому данная проблема еще будет подниматься в последующие периоды.

Итак, политика данного включала в себя:

- активное исследование и классификация сектантства;
- разработку соответствующих статей законодательства;
- выработку мер борьбы с сектантством.

Данная деятельность имела следующие характерные особенности:

- Постепенное ужесточение мер.
- Наличие непродуманных и мало разработанных вопросов; (Издавая законы, верховная власть не заботилась о том, каким образом они будут выполняться на местах. В результате, многие из них не продумывались досконально и зачастую не реализовывались вовсе.)
- Малая эффективность правительственные мер также объяснялась тем, что не были решены глобальные вопросы, такие как положение приходского духовенства.

Жесткие меры борьбы с сектантством не дали результатов так же, как и либеральные шаги 1801-1825 годов. Данное положение дел еще раз подтверждает наше предположение, что основная проблема крылась в более глубокой области взаимоотношений церкви и государства.

§ 4 Политика компромиссов – последняя треть XIX века

Очередной этап антисектантской политики относится к последней трети XIX века. Он был обусловлен следующими обстоятельствами:

- наличие законодательной базы и исследование сектантства в предыдущие периоды. В отличие от предыдущих этапов, последний начался, когда уже существовала классификация сект и было выработан значительный комплекс законопроектов по вопросу борьбы с сектантством. Данное обстоятельство способствовало активизации поиска новых, более эффективных способов борьбы с сектантством.

- неудачи прежнего курса «Как ни плох свод законов, но даже и он не исполнялся».²⁰⁶ При восшествии на престол Александр II вынужден был признать это, хотя и указал, что считает курс министра внутренних дел Бибикова верным и понимает, что его неудача объясняется «неточным и неправильным исполнением оной, происходящим или от неблагонамеренности исполнителей в низших инстанциях или, может быть, и от неумышленности по недостаточному знанию, многочисленности и разнообразию различных узаконений насчет раскола, в различное время по разным ведомствам изданных»²⁰⁷ Так или иначе, продолжавшийся рост числа сект и их приверженцев требовал применения новых методов борьбы с данным явлением. Помимо этого, начатое исследование сектантства не было завершено.

- изменение политической обстановки в стране, реформы общественной жизни государства. О влиянии реформ 60-70-х годов на положение церкви в целом, говорилось в предыдущем разделе. Все большее число общественных деятелей высказывалось за необходимость введения свободы вероисповедания и недопустимость уголовного преследования людей за их взгляды.

С другой стороны, после судебной реформы начали высказывать свое мнение представители данной ветви власти. Такие известные адвокаты, как А.Ф. Кони и А.М. Бобрищев-Пушкин, указывали на невыполнение исполнительной властью постановлений, необъективность суда.

- личность обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева. Общественному мнению и, в частности, Стаховичу оппонировал обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, пользовавшийся доверием Александра III. Он отстаивал идею единства церкви и государства, о чем уже было сказано выше.

Личность обер-прокурора сыграла важную роль в формировании антисектантской политики последней трети XIX века. Он отстаивал интересы церкви в борьбе с инакомыслием в условиях, когда назревал кризис отношений между судебной и законодательной властями.

- изменения положения внутри сектантства. Начиная с 60-х годов XIX века, все большее влияние приобретает новая рационалистическая секта – штунда. Большое число сторонников и быстрое распространение ее идей по всей России, вызвали серьезное беспокойство как церковных, так и светских властей и обусловили появление многих законопроектов.

В то же время в Россию начинают активно проникать различные протестантские конфессии. Сложившаяся практика, согласно которой иноверцев не преследовали по закону на штундистов, которых зачастую было сложно отличить от баптистов, не распространялась.

Данный период государственной политики в отношении сектантов имел следующие характерные черты:

1. доработка уже имеющихся законов относившихся к сектантству;
2. выработка законов в отношении вновь появившихся сект;
3. большая работа вне законодательной области, по поиску мер борьбы с религиозным инакомыслием;
4. стремление светской власти отмежеваться от наказания сектантов;
5. кризис взаимоотношений государственной власти и церкви, судебной и исполнительной властей;

Рассмотрим подробнее, как вышеперечисленные особенности политики государства в отношении сект отразились на законодательстве последней трети XIX века.

Сообразно с изменениями, происходившими в других областях общественной жизни, в этот период происходят перемены и в политике правительства в отношении сектантов. «В 1860-70-х годах местные власти и суд воздерживались от преследования штундистов и подобных им движений. Указывалось, что инаковерцы не нарушают гражданских законов, государственному порядку не угрожают, что гонения с одной стороны ожесточают «сектаторов» и спровоцируют конфликты, а с другой – окажутся бесполезными, создадут вокруг инаковерцев ореол мученичества.»²⁰⁸

В сложившихся условиях церковь вынуждена была подчиняться решениям правительства. Но вместе с тем она старалась осуществлять самостоятельную политику, которая подчас расходилась с государственной. С одной стороны она тесно сотрудничала с местными исполнительными и судебными органами, а с другой – обращалась за помощью к своему «единомышленнику» обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву.

Противостояние духовных и светских институтов по вопросу отношения к религиозному инакомыслию стало источником большинства законов последней трети XIX века. Рассмотрим как оно протекало.

В 1879 году местные власти стали распространять на русских протестантов права дарованные государством баптистам. Через 4 года местная инициатива была узаконена. Закон от 3 мая 1883 года²⁰⁹ наделил всех инаковерующих рядом гражданских прав, прежде всего правом устраивать общественные богослужения. «С тем лишь непременным условием, чтобы при этом не были нарушаемы общие правила благочиния и общественного порядка.»²¹⁰

Согласно данному закону паспорта на отлучки внутри империи выдавались раскольникам всех сект, за исключением скопцов, на общем основании. Всем

вообще раскольникам дозволялось производить торговлю и промыслы, с соблюдением «общедействующих по сему предмету постановлений.»

Льготы не были распространены лишь на принадлежащих к изуверским сектам, т.е. на тех, кто по выражению закона «соединены с фанатическим посягательством на жизнь свою и чужую и с противонравственными, гнусными действиями.»²¹¹

С этого времени стандартное разделение сект на вредные и более вредные было признано неудобным и решено было рассматривать каждую секту в отдельности сначала в МВД, а потом в Синоде.

Закон 1883 года, был принят вопреки мнению церкви и прямо противоречил многому из того, что было наработано с начала века. Сектантам и старообрядцам были даны большие послабления. Однако, как и в предыдущие периоды, указы по существу оставались на бумаге. На практике все упиралось в «узкие личные взгляды и вкусы столоначальников»²¹²

Кроме того, основная часть русских сект относилась к разряду «особо вредных» и на них данный закон не распространялся. В архивах и воспоминаниях современников сохранилось множество сообщений о том, что местные духовные и светские власти продолжали относиться к сектантам жестоко и несправедливо.

Вот несколько примеров из архива Короленко, который хранится в ОР РГБ:

В 1875 году произошла большая «война» по случаю «жеребьевки» т.е. сдачи в рекрутты. Власти волоком тащили рекрутов в церкви за волосы, за ноги...За отказы от службы «жгли» рекрутам уши...клали на горячую каменку... много было мучений»

Несколько неплательщиков решились публично обвинить священника и обличать духовенство. В результате, «обличителей сгребли, били до полусмерти и посадили в волость. Следователь допросил и отправил их в Красно-уфимскую тюрьму» там они были 5 мес. до суда. «Во время подследственного заключения и отсидки с неплательщиками обращались очень

жестоко...били ежедневно...до бесчувствия. Старики скончались в тюрьме от побоев... На беседу к миссионерам или в церковь приводили силой со стражей»

«Держа в Пермской пересыльной тюрьме, их сильно притесняли в продолжение всего времени, но особенно вначале. Четверых из сектантов сажали по несколько раз в карцер...Карцеры не отапливающиеся, каменные, пол, стены постоянно сырье, воздух спрятый, подстилки никакой не дают. Один из неплательщиков рассказывает, что когда посадили его на третий день у него стали тухнуть ноги, а к вечеру четвертого дня он совсем лишился чувств...Несколько раз принимались бить, рассаживали по два человека в камеры каторжан и бродяг и научали арестантов бить их...но большинство арестантов запрещало своим бить неплательщикам.²¹³

А вот другой пример. К крестьянам Самарской губернии Бузулукского уезда Алексеевской волости деревни Антоновки принадлежавшим к молоканской секте пришел священник вместе со старшиной волости и потребовал крестить детей – они отказались и получили повестки явиться к судебному следователю. После очередного отказа приставы отобрали детей.²¹⁴

Данные примеры свидетельствуют о том, что положение сектантов на местах в большей степени зависело не от указов правительства, а от местных особенностей – активности духовенства, настроя и отношения к сектантам населения и, в особенности, гражданского начальства.

Подобные ситуации встречались постоянно. Это еще больше обостряло и без того непростой диалог между государством церковью и сектантами. Тогда как «честное и разумное отношение к ним [духоборам] местной власти и хорошие миссионеры несомненно устранили бы существующие между духоборами разногласия и религиозные предрассудки и никогда бы не довели до разорения как самих духоборов так и части Ахалакского уезда.»²¹⁵ – писал помощник начальника тифлисской губернии жандармского управления полковник Е. Тарановского своему начальнику генерал-майору В.О.

Янковскому. Характерно, что подобные заявления делались только в личной переписке, но не в официальных рапортах.

Но даже и те секты, которым закон 1883 года значительно расширил права сталкивались с массой проблем. Штундисты пытались открыто проводить свои службы, но местная администрация требовала прекращения молитвенных собраний и в некоторых случаях разгоняла молящихся силою.

Приведем пример, который характеризует ситуацию в целом. Вопреки постановлению Сената генерал-губернатор Юго-западного края издал распоряжение о запрещении штундистам общественных молений. Кассационный суд встал на сторону закона, но его решение нигде не было озвучено и, в результате, притеснение сектантов продолжалось.

То есть возник конфликт всех ветвей власти. Законодательная власть предписывала одно, местная исполнительная власть давила на суд и он утверждал прямо противоположное, а высшие судебные инстанции отменяли принятые решения. «В действиях и распоряжениях против сектантов не было надлежащего единства между административной и судебной властью. Весьма часто царил так называемый начальнический субъективизм... Наконец, судебная власть сплошь и рядом оправдывала тех, кого обвиняла административная и наоборот, усматривала преступление там, где последняя никакого преступления не видела. Более того, отсутствие единства в отношении к сектантам отмечалось также между духовной властью и административно-судебной»²¹⁶

Несмотря на то, что закон 1883 года практически не работал, церковь в лице обер-прокурора добивалась его официальной отмены. Уже в 1889 году по требованию К.П. Победоносцева министр внутренних дел издал циркуляр, предписывающий губернской администрации и полиции не допускать снисхождения к сектантам и содействовать духовенству.

К началу 90-х открытая борьба двух ведомств – судебного и духовного, поддерживаемого местами административным, достигла небывалой остроты.

«Судебная власть встала в страшный антагонизм с властью церковной» – писал в 1892 году «Церковный вестник».²¹⁷ Дело в том, что «нередко приходилось встречать судей всех рангов, спорящих о самом существовании штунды, а еще чаще – недоумевающих о ее вредоносности»²¹⁸. Между тем, церковь «считала себя чуть ли не единственной поборницей государственных интересов и требовала от судей преследовать исключительно ее интересы не стесняясь ни законами, ни рамками исследований, ни даже принципами судебной этики»²¹⁹. Представители судебной власти возражали на это, что «в задачу юриста отнюдь не входит забота о распространении православия».²²⁰

Свою «лепту» в конфликт вносила также законодательная власть, которая стремилась по возможности отмежеваться от всех вопросов связанных с сектантством. «Генерал губернатор... нарочно ездил в Петербург, чтобы лично разъяснить положение штунды в Херсонской губернии, но в министерстве отнеслись к его сообщениям с полнейшим равнодушием; что даже вопросы этого в министерстве не допускают, полагая, что он касается исключительно духовного ведомства...»²²¹

Министр внутренних дел сообщил, что «находит самой действенной против распространения этой секты мерою – назначение в местности зараженные штундой способных и благонадежных священников» – т.е. светская власть решила переложить всю ответственность на церковь и по возможности не вмешиваться.

На заявление министра херсонский архиепископ Никанор в своем письме обер-прокурору Синода объяснил, что мера эта испытана им еще в 1867 году и не имела эффекта, так как при разбросанности на далекое расстояние деревень, священникам трудно охранять свою паству от ревностной пропаганды штундистов. Более действенной мерой, по его мнению, было бы удаление распространителей секты из мест ими заселяемых в более отдаленные.

Таким образом, церковные власти стремились подключить к решению проблемы государство. Однако МВД призвало священников работать активнее,

а хозяйственное управление выдать 2 тысячи экземпляров Евангелия. То есть светские власти проигнорировали просьбы архиепископа.

Данный эпизод свидетельствует о том, что государство старалось, как можно меньше вмешиваться в чисто догматические распри. Тем более что повсюду раздавалось мнение интеллигенции и общественности о необходимости прекращения преследований за веру.

Вообще, большая часть обращений к светской власти не имели никакого эффекта, так как судебное решение проблем требовало доказательной базы, которой обычно не хватало. При недостатке формальных доказательств наличия преступления, власти ограничивались признанием невиновности и административными мерами в виде полицейского надзора или формального запрещения распространять раскол, которое лишь побуждало их быть осторожнее.

В 1894 году в Комитет министров была внесена записка министра внутренних дел «О признании штундистов более вредной сектой и об отсутствии в борьбе с нею единства между действиями суда и администрации». В результате, 4 июля 1894 года штунда была признана «более вредной сектой», и, соответственно, ей были запрещены собрания как способствующие соблазнению правоверных.

Чуть позже вышел циркуляр министра внутренних дел, который пояснял, что «учение их [штундистов] в корне подрывает основания начала православной веры и русской народности, я, согласно состоявшему и сообщенному ныне мне статс-секретарем Победоносцевым определению св. Синода, я со своей стороны признаю секту штунды одною из наиболее опасных в церковном и государственном отношениях.

Сообщая об этом Вашему Превосходительству, во исполнение вышеприведенного Высочайшего повеления для подлежащего руководства, считаю необходимым пояснить, что за сим права и льготы, дарованные законом 3 мая 1883 г. раскольникам менее вредных сект, не могут быть

применяемы к штундистам и что всякие общественные молитвенные их собрания отнюдь не должны быть допускаемы на будущее время под опасением привлечения виновных к строгой судебной ответственности в установленном для сего порядке.»²²²

А еще через месяц, 10 октября 1894 года, в очередном циркуляре он разъяснил, что запрет касается и кавказских баптистов, которые по сути своей являются штундистами.

Рассмотрим случай, характеризующий то, как данные постановления реализовывались на практике. Владикавказская духовная консистория просила прокурора окружного суда привлечь ряд баптистов к уголовной ответственности за «публичное оказательство сектантства», выразившееся в том, что они пели и шли процессией на похоронах. Следователь счел поступок подсудным мировым установлением как неисполнение распоряжения властей. Мировой судья признал всех виновными в нарушении ст. 29 устава о наказаниях и назначил взыскания. Владикавказский мировой съезд, куда дело перешло по апелляционному отзыву, отменил приговор и признал всех сектантов по суду оправданными, прокомментировав циркуляр от 10 октября 1894 года следующим образом: «министрам не предоставлено право распространительно толковать ограничительные законы.»²²³ Дело дошло до Сената и он подтвердил, что баптисты невиновны.

Как мы видим, в действиях властей не было согласованности. Министр внутренних дел под влиянием обер-прокурора выпускает циркуляр, который с юридической точки зрения не является правомочным. Местные органы подведомственные МВД (в данном случае следователь) подчиняются указу, а судебные органы его отвергают. Подобное положение вещей встречалось постоянно.

Однако далеко не каждое дело попадало в кассационный суд, поэтому в целом с 1894 года начинается еще более активное преследование штундистов. «Так, во многих случаях стали, например, считаться общественными

богомолениями частные молитвы штундистов у себя на дому в присутствии близких лиц, собрания нескольких родственников штундиста в его доме для погребения умершей дочери...простое чтение вслух св. писания и пение псалмов или присутствие трех гостей в семье штундиста для беседы.»²²⁴

В вопросе борьбы со штундой выявились многие недостатки существовавшей антисектантской системы. Помимо противоречий между законодательными исполнительными и судебными органами, государство столкнулось с последствиями недооценки исследований в области сектоведения. «При малейшем прикосновении к сектоведческой литературе поражает царствующая по отношению к термину «штунда» неопределенность.»²²⁵ – отмечает адвокат Бобрищев-Пушкин А.М.. Объективных, не церковных исследований штунды не проводилось, а церковные антисектантские настойчиво указывали на пронемецкий политический характер учения, его завоевательные цели. На втором миссионерском съезде в 1891 году специально разбиралась штунда, однако четкости это не прибавило, штундизм отождествляли одновременно и с баптизмом, и с пашковцами, и с толстовцами. Соответственно, в законе 1894 года не было точного определения данной секты. По мнению властей, штунда «выражалась в отрицании всех таинств и обрядов, непризнании никаких властей, отрицании присяги и военной службы и направлена на подрыв основных начал православной веры и государственного строя.»²²⁶

Это определение было настолько неконкретным, что вышедшее в 1900 году решения кассационного суда о том, что чтобы осуждать за проведение штундистских собраний надо, чтобы учение секты соответствовало представлением власти о штунде, по сути своей означало, что сектанты могут не бояться преследования. Однако, как и в других случаях, несогласованность государственных институтов порождала бесполезность их постановлений. Закон направленный против штундистов, например, был ослаблен не сильно, так как уже с 1889 года с введением института земских начальников и

предоставлением им судебной власти, область нравственного и юридического воздействия кассационного сената сузилась и, в результате, ограничилась 3-4 губернскими городами, столицами и Прибалтикой. На местах были образованы свои кассационные учреждения, не имеющие ни связи между собой, ни юридического авторитета.

Но даже эта временная победа РПЦ не остановила общую тенденцию отхода светской власти от вмешательства в религиозные дела. В Высочайшем манифесте 26 февраля 1903 года, было высказано «неуклонное душевное желание охранять освященную основными законами Империи терпимость в делах веры»

Точка в этом вопросе была поставлена 17 апреля 1905 года в Манифесте, где шестым пунктом было постановлено: «Признать, что постановление закона дарующего право совершать общественные богослужения объемлют последователей, как старообрядческого согласия, так и сектантских толков.» Это положило конец преследованиям штундистов и прочих сектантов.

Подведем итоги. Преследование оппозиционных к православию конфессий приводили к обратным результатам, создавая вокруг них ореол мучеников. Против религиозных гонений подняла голос и либеральная печать и новые суды, стоявшие за законность.

Сенат и кассационный суд регулярно оправдывали представителей рационалистических сект и раскольников. При этом позиция церкви остается неизменной, а власти на местах действуют по существу по собственному разумению. Законы, благоволящие к сектантам, оставались на бумаге, поскольку обер-прокурор запретил публиковать в широкой печати результаты оправдательных решений кассационного суда. При этом по отношению к «особо вредным» сектам применялись даже противозаконные и чересчур жестокие меры.

Выводы

Итак, мы рассмотрели политику государственной власти в отношении сектантов. Исследованные факты позволяют нам сделать следующие выводы.

- Факторы влиявшие на государственную политику в отношении сектантства. Государственная политика в отношении церкви являлась составной частью внутренней политики России. В числе прочего, она решала вопросы религиозного инакомыслия. Соответственно, на политику в отношении сект влиял целый комплекс обстоятельств. С одной стороны, факторы, обуславливавшие внутреннюю политику страны в целом, с другой – те, которые имели непосредственное отношение к политики государства в отношении церкви, и, наконец, обстоятельства, влиявшие на антисектантское законодательство. Выделим основные факторы, сохранявшие свою значимость на протяжении всего рассматриваемого нами периода и напрямую касавшиеся проблемы борьбы с сектантством:

- абсолютистский характер власти;
- экономические факторы, а именно потребность государственной власти в секуляризации доходов церкви;
- необходимость идеологической поддержки монархии;
- нравственная функция церкви;
- личное мнение царя, особенности его характера и взаимоотношений с церковью;
- влиятельные иерархи церкви, такие как Платон (Левшин) или Филарет (Дроздов), способные повлиять на монарха;
- личные качества обер-прокуроров Синода как связующего звена между духовным и светским ведомством.

- Особенности политики в отношении церкви. На протяжении всего рассматриваемого нами периода продолжался процесс огосударствления церкви обусловленный множеством объективных факторов.

С другой стороны, монархия нуждалась в идеологической поддержке РПЦ в деле поддержания стабильности государства. Хорошо осознавалась и роль церкви в нравственном воспитании общества. Именно поэтому государство стремилось преодолеть проблему замкнутости сословия, поднять уровень образования и значимость священнического сана. На решение данных задач был направлен целый ряд мер. Чем дальше, тем больше осознавалась потребность улучшения социального положения священства. И все же в полной мере означенные проблемы решены не были.

Подчинение РПЦ светской власти стесняло церковь, являясь одной из причин кризиса. Последний выражался в снижении заинтересованности в религии и доверия к православию и священству. Налицо было противоречие – политические и экономические интересы государства разрушали его идеологическую и нравственную основу.

- Неполное совпадение интересов церкви и государства по вопросам религиозного инакомыслия. Несмотря на видимую поддержку властями церковного курса борьбы с сектантством, цели духовного и светского институтов далеко не всегда совпадали. Мнение церкви оставалось неизменным: она считала и раскол и секты «безусловно вредными в церковном и государственном отношениях, злом нарушающим единомыслие церковное и повреждающим общественную жизнь в православной России».²²⁷ «Расхождение между гражданской и духовной властью имело глубокую трудно преодолеваемую основу: церковная власть стремилась преследовать саму принадлежность к инаковерию, государственные же органы могли наказывать лишь конкретные нарушения закона».²²⁸

Таким образом, у государства и церкви были не в полной мере совпадающие цели и способы деятельности. Но так как церковь была подчинена государству,

неизбежно происходило смешение этих целей. «Насколько для представителей церкви слово убеждения и непосредственное нравственное влияние является главным средством, настолько для светской власти оказалось немыслимым идти по пути насильного вразумления и побуждения притеснениями ради целей религиозных, стоящих все-таки не на первом плане его политических и нравственных задач».²²⁹ «Без исключения во всех царствованиях, везде звучит один и тот же мотив по отношению к раскольникам; призыв к осторожности, неспешности и умеренности действий, а вмешательство духовных лиц в судебные дела энергически устраниется... »²³⁰

Обозначив основные тенденции во взаимоотношениях церковь-государство, обратимся к проблеме борьбы с сектантством. На протяжении всего рассматриваемого периода она имела общие черты и проблемы.

- отсутствие последовательной политики

Одним из обязательных условий успешности политики в отношении сектантов являлась ее продуманность и последовательность, поскольку «меры принятые и невыдержаные нередко бывают вреднее, нежели бы оных совсем не было предпринято»²³¹, так как возбуждают упорство и самонадеянность.

Государственной политике не хватало звезды. На протяжении двух веков отношение светских властей к сектантам менялось от лояльного до резко отрицательного, однако результат оставался один – число сектантов продолжало возрастать.

- попытка борьбы с сектантством без решения глобальных проблем

И все же, несмотря на отсутствие последовательной политики, власти были едины в стремлении бороться с сектантством, не решив те проблемы, которые во многом способствовали его устойчивости и популярности в народной среде. В реформах, касавшихся положения приходского духовенства, замкнутости духовного сословия, образования священников и народа, так же недоставало звезды и законченности.

- несогласованность действий законодательных и исполнительных органов

Анализируя антисектантскую законодательную базу, мы установили, что многие государственные постановления повторялись из раза в раз. Это свидетельствует о том, что они плохо выполнялись. То есть законодательная и исполнительная власти плохо взаимодействовали между собой. Местные чиновники больше зависели не от находящегося далеко Сената, а от своего непосредственного начальства или, даже, от дававших взятки сектантов.

Вследствие этого, законодательные власти на протяжении всего рассматриваемого нами периода не могли изменить ситуацию в лучшую сторону, что сильно осложняло приведение в исполнение постановлений и являлось одной из причин безрезультатности мер борьбы с религиозным инакомыслием.

- отсутствие подробного исследования идеологии сект. Власти не пытались вникнуть в причины появления сектантства и разобраться в идеологии сект. Свидетельством этого можно считать факт смешения понятий секта и раскол. Почти до середины XIX века власти не имели представления об учении скопцов и хлыстов и, соответственно, не могли с ними эффективно бороться. Во второй половине XIX века те же проблемы возникли со штундизмом. Данный подход нашел свое отражение и в классификации сект, которая лишь приблизительно соответствовала реальному положению вещей.

- непонимание причин отхода от православия. Следствием невнимания к догматической стороне сектантства, стало непонимание причин отхода от православия. Ссылаясь исключительно на невежество, власти не обращали внимание на нравственный аспект сектантства. В результате, они были не способны осознать причины устойчивости взглядов сектантов.

Таким образом, государство различными способами боролось не с причинами отхода от православия, а со следствием, уже свершившимся фактом. Результатом этого стала безуспешность предпринимаемых мер, выражавшаяся в росте числа сект и их приверженцев.

3. ФОРМЫ БОРЬБЫ С СЕКТАНТСТВОМ

В предыдущей главе мы выяснили, что законодательная власть не учитывала ситуацию на местах и то, каким образом принятые ею постановления будут применяться. В данной главе мы проанализируем то, как реализовывалась борьба с религиозным инакомыслием, какие формы она принимала и насколько была эффективна.

3.1 Церковные способы борьбы

Существовал громадный и наиболее важный пласт мер, доступных только духовенству. Церкви отводилась роль увещевателя, который действует в сфере нравственности и духовности. Для этих целей она использовала приходское духовенство, как наиболее близкое к верующим, а также специальных миссионеров.

В данной главе мы рассмотрим, насколько эффективной была работа миссионеров и приходских священников в деле борьбы с сектантством, и каким образом церковь взаимодействовала со светскими властями в данном вопросе.

§1 приходское духовенство

Приходским священникам в деле борьбы с сектантством была отведена особая роль. Они первыми сталкивались с проявлением инакомыслия, их деятельность зачастую становилась одной из причин отпадения от церкви (см. главу 1), и в тоже время именно на приходских священников, прежде всего, рассчитывали и церковные, и государственные власти в вопросе вразумления заблудших.

Таким образом, анализируя методы борьбы с сектантами, мы в первую очередь должны остановиться на положении приходского духовенства. Для того чтобы оценить его подготовленность к борьбе с сектантством, сравним черты усредненного священника с образом идеального представителя низшего духовенства, максимально подходящего на эту роль. Последний должен был

обладать определенными личными качествами и работать в особых условиях. Расположим их в порядке возрастания важности. Он должен:

1. Иметь не слишком большой приход, чтобы священник знал свою паству, принимал участие в их духовной жизни, мог вовремя заметить появление сектантов.

2. Иметь должный достаток и уважение окружающих, которые бы, с одной стороны, поднимали священника в глазах окружающих, а с другой – давали возможность сосредоточиться исключительно на духовной деятельности не заботясь о хлебе насущном.

3. Должен быть примером добродетели и личных качеств.

4. Действовать мирными, не полицейскими методами, чтобы снискать доверие простых прихожан.

5. Иметь образование, позволяющее разбираться в расколе и особенностях сект, вести проповеди и миссионерскую работу

Очертив необходимые условия, обратимся к реальному положению дел.

1. В XVIII веке из-за уменьшения количества священнослужителей по всей России «в церковном служении учинилась всеконечная остановка...»²³² Исследователь Нижегородского инакомыслия С.А. Архангелов отмечал: «Почва для возникновения раскола в этом крае была самая благодатная. В старые годы обширные лесные пространства нижегородского Заволжья почти не имели церквей. В редких, отдаленных одна от другой деревнях жил тамошний люд как отрезанный от остального мира»²³³

На приход в 100-150 дворов полагалось иметь одного священника с дьячком и пономарем, в 200-250 дворов - двух, а в 300 дворов - трех священников. На деле получалось иначе: «г. Ананьев с 16 тысячами православного населения имеет лишь две малых церкви и 4 священника... Церкви в Липняжке и Тишкове деревянные, человек на 300-400. Но как в них поместится народонаселение прихода 6-7 тысяч душ?... В селе

Новгородке, раскиданном на несколько верст принадлежало к одной церкви 12 тысяч душ...»²³⁴

Сведения о большом количестве прихожан можно найти и в отчетах исследователей раскола, которые ездили по губерниям в середине XIX века. Они сетовали на то, что приходы настолько велики, что им не хватает отведенного времени на должное их исследование.

На ту же проблему сетовал епископ Никанор в переписке с обер-прокурором Синода Победоносцевым: «При многолюдстве приходов наши священники часто вовсе не знают своих прихожан в лицо, не говоря уже о том, что не знают их по убеждениям их не по склонности и правилам жизни ни вообще по душевному состоянию»²³⁵ Данный пример относится к концу XIX века, что явно показывает, что положение дел в данной области не улучшалось.

Итак, значительное число приходов были многолюдны. Данное обстоятельство отрицательно сказывалось на качестве работы приходского священника. Он не мог установить личные, доверительные отношения с прихожанами и, соответственно, влиять на них, следить за их настроениями.

2. Материальное положение священнослужителей зависело от прихода и, как правило, было неудовлетворительным. На протяжении всего XVIII века материальное положение духовенства не улучшалось. В царствование Павла I ему были предоставлены и некоторые сословные привилегии. Однако самый многочисленный слой церковнослужителей – приходское духовенство по-прежнему оставался на иждивении своей паствы. Правда, в его пользу собирались штрафные деньги, кладбищенские и ставленнические доходы, но их размер был не велик.

11 января 1798 г. вышел указ об обработке церковных земель прихожанами, предписывавший присоединять церковные земли к крестьянской, с тем, чтобы священники получали от крестьян натурой по средней пропорции урожая с этих земель или деньгами. Эти выплаты шли сверх треб. Мотивация данной законодательной меры сводится к тому, что священникам самим обрабатывать

землю "не по сану". Таким образом, защищая честь сана, правительство Павла I одновременно пыталось улучшить материальное положение приходского духовенства за счет крестьян. 26 июня 1808 был издан указ «Об усовершенствовании духовных училищ, о начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание духовенства». Во второй части законоположения «о содержании церковных причтов» содержится признание комитета, создававшего законоположение, что доходы православных церквей не только недостаточны, но даже в основном скучны. В частности в нем говорится: «В некоторых, доход показан от 5 до 10 рублей в год, а в самой большой части составлял от 50 до 150 рублей в год....Факт существования большой части церквей в России на доход в 100 рублей и менее в год наглядно обнаруживает не только бедственное положение приходского общества и его причта в материальном отношении, но и духовное оскудение этого общества равнодушно относящегося к своим важнейшим обязанностям».²³⁶

Итак, доход приходских священников в основном был невелик и напрямую зависел от прихожан. Данное обстоятельство порождало целый ряд последствий. С одной стороны, священнослужителям было невыгодно служить в тех местах, где был велик процент сектантов, поскольку это напрямуюказывалось на их благосостоянии. С другой стороны, священники были вынуждены искать дополнительный источник дохода. Они либо проводили большую часть времени в поле, пренебрегая своими обязанностями, либо старались заработать на отправлении служб, а то и вымогали деньги у крестьян. Последнее обстоятельство подрывало доверие к церкви, однако, было явлением весьма распространенным. О нем свидетельствуют как официальные лица, в частности епископ Херсонской губернии Никанор: «Преступлений особенно по склонности к наживе и послаблений консистории относительно их усмотрения столько и таких, что это меня поразило...»²³⁷ Так и сектанты: «Дите у нас умерло. Говорят, надо хоронить, отпевать надо, – без этого,

говорят, на том свете в царство небесное не примут. Ладно, хорошо. Пошел я к попу. – «Похорони, говорю, батюшка...» – «Ладно, говорит, давай полтинник». – «Нельзя ли, мол, поменьше?» – Не соглашается. А денег у меня в ту пору всего-навсе тридцать копеек серебром было... Не согласился. Ушел я домой и думаю про себя: как так?.. За пятьдесят можно, а за тридцать нельзя? За пятьдесят примут, а за тридцать не примут?.. Не может этого быть!.. И увидел я тогда, что грешен я кругом.

- В чем же ты грешен?

- Да нешто можно о Божьем благословении торговлю заводить?.. Нельзя покупать, думаю, Божьего благословения. Коли сам не заслужишь, ни за какие деньги его не купишь... Ни за какие тысячи не купишь!.. А коли заслужишь, то и безо всяких денег получишь, что следовает... раздумал я все это, взял дите и сам похоронил – без попа, без дьячка, безо всего... Под полом похоронил!»²³⁸

Небольшой достаток и близость приходских священников к крестьянам сказывалась и на их общественном положении. В течение всего XVIII века оно оставалось приниженным. Во времена Петра I и его приемников к священникам применялись телесные наказания не только за уголовные преступления, но и за служебные нарушения. Битье плетьми и употребление на унизительных черных работах в пользу архиерейского дома подрывали должное уважение к духовному сану. Священнослужители должны были «дежурить на съезжих дворах, являться к офицерам для работ и посылок, исправлять пожарную повинность и ходить в наряды с рогатками.»²³⁹

В период правления Анны Иоанны, в связи с особенностями внутренней политики, священство и вовсе признавалось «политически неблагонадежным и подвергалось ожесточенным нападкам»²⁴⁰

Изменения к лучшему начали происходить при Елизавете. «Императрица поспешила принять под свое высокое покровительство униженное и находящееся в опале духовенство». Были расширены личные права духовенства, вышел указ «о нечинении обид и притеснений со стороны

губернаторов и воевод...и привлечении сих светских лиц к ответу за такие действия.»²⁴¹ Но, несмотря на некоторые послабления, положение священников оставалось приниженным. Один иеромонах в 1745 году жаловался преосвященному Антонию на архимандрита Гедеона, что он посадил его «в большую цепь в пекарню», где тот и сидел около недели, а «потом велел привести в той цепи в трапезу пред себя и велел конюхам в той трапезе положить и приказом было бить плетьми, от которого бою братия едва меня упросила.»²⁴²

В дальнейших указах относящихся к положению приходского духовенства мы можем проследить тенденцию к увеличению его прав. Она нашла свое выражение в соответствующих законах. В период правления Екатерины вышел целый ряд соответствующих указов. Так 7 июня 1767 было приказано, чтобы «священникам и иеромонахам как пристрастных расспросов, так и телесных наказаний через побои в духовных командах отнюдь чинимо не было, а единственно б исправляемы были, вместо телесного наказания приличными духовенству трудами и отрешение от дохода и от прихода.»²⁴³ Чуть позже вышел также указ о запрете притеснений духовенства помещиками. Однако в крепостных селах священство продолжало оставаться бесправным. Помещики обращались с ним, как с крепостными людьми, подвергая телесному наказанию.

20 мая 1771 года вышло предписание протодиаконов, иеродиаконов и диаконов не подвергать телесному наказанию. Священники были освобождены от консistorских тюрем и унизительных работ в пользу консistorских домов.

Александр I указом 22 мая 1801 г.²⁴⁴ восстановил полную свободу священнослужителей от телесного наказания, распространив её на монашествующих священнослужителей. В 1808 г. – эта свобода была распространена на семьи священнослужителей²⁴⁵. Указ 1805 г. позволял всем "праздным детям духовенства" и лишним церковнослужителям "записываться во всякий род жизни, как они изберут по желанию и способностям"²⁴⁶. Это была

попытка открытия духовного сословия. Однако указ не конкретизировал, как именно должен происходить переход из одного сословия в другое, кроме того, государство не предоставляло никаких социальных и материальных гарантий лицу, покинувшему духовное сословие.

В 1850 г. была предпринята еще одна попытка открытия духовного сословия. Воспитанникам духовных училищ было дано право увольнения в военное и гражданское ведомство.

В обстановке общественно-политического подъема в России на рубеже 50 – 60-х годов XIX в. в церковной и светской прессе развернулось оживленное обсуждение проблем, связанных с положением православной церкви в государстве, ее ответственности перед обществом, повышения материального и нравственного уровня духовенства. Были также поставлены вопросы о преодолении бюрократизации в управлении церковью, предоставления ей большей самостоятельности, т.е устранения опеки над нею со стороны светской власти, о преобразовании приходской жизни, совершенствовании системы духовного образования и даже о введении веротерпимости.

Само правительство осознавало настоятельную необходимость разрешения этих назревших проблем, особенно в контексте и под влиянием проводившихся в то время других реформ. Разработка преобразовательных мер в управлении Русской православной церковью, статуса церковного прихода, состояния духовного образования и прочих сторон церковной жизни была возложена на центральные светское и духовное ведомства – Министерство внутренних дел и Святейший Синод. В конце 1861 г. под председательством министра внутренних дел П.А. Валуева был образован специальный комитет для проведения церковных реформ.²⁴⁷

Решено было начать с преобразования статуса приходского духовенства. Для этого в конце 1862 г. при Синоде было учреждено из духовных и светских лиц "Особое присутствие для изыскания способов к большему обеспечению быта духовенства". На основе разработанных им проектов в 1864 г. был издан

ряд постановлений о церковном приходе и приходском духовенстве. При приходе создавались выборные органы из прихожан, руководимые приходскими священниками, — низшее церковное управление, подобное только что введенному реформой 1861 г. сельскому. В их задачу входили сбор средств на нужды прихода и урегулирование конфликтов между прихожанами и церковным причтом. То есть государство попыталось переложить заботу о приходах на прихожан.

Однако задача, оказать материальную поддержку духовенству и сблизить его с народом, выполнена не была. Тогда было принято решение уменьшить количество приходов: «Средняя численность прихода по России увеличилась с 1600 до 2200 душ, а число служащего духовенства уменьшилось с 113815 в 1860 году до 98465 в 1880 году. Но одновременно уменьшилось и кружечное пожертвование прихожан на содержание духовенства»²⁴⁸

При Александре II также был сделан ряд попыток, раскрыть духовное сословие. Так, указом 1867 г. отменялось старое правило наследственной передачи приходских церковных должностей, а указом 1869 г. и само наследственное духовное звание от отца к детям. Детям священников и дьяконов предоставлялась полная свобода выбора профессии и поступления в государственную и общественную службу. С другой стороны, в священники и дьяконы могли быть рукоположены и выходцы не из духовной среды, если они окончили духовную. Однако на практике традиция замещения этих должностей по наследству продолжала сохраняться.

Вместе с тем, были приняты меры к повышению материального уровня духовенства: на 67% было увеличено казенное пособие приходскому священнику, введены были небольшие пенсии священникам, вышедшим по старости "на покой" (в отставку), а также и их вдовам. Но оставшиеся не у дел церковнослужители не получили никаких пособий.

Однако с приходом на место обер-прокурора К.П. Победоносцева положение изменилось. При нем были восстановлены упраздненные в 60-70-х

годах церковные приходы и открыты новые. В годы царствования Александра III ежегодно возводилось до 250 церквей и основывалось по 10 монастырей, на 22% увеличилась численность священнослужителей и на 30% монашествующих.²⁴⁹

3. Осознавая громадную роль местного духовенства и светские, и духовные власти раз от разу в своих постановлениях отмечали, что священники «должны быть «корткими и примером для прихожан», им не следует явно обличать отступников, а только «кортко увещевать»²⁵⁰. В течение всего XIX века регулярно появлялись указы, предписывающие в места, «зараженные сектантством, посыпать «кортких и благонравных священников...которые старались бы обратить их [сектантов] на путь истины не состязаниями и принуждением, а кротостью примера и святостью жизни.»²⁵¹(7 мая 1824²⁵², 12 апреля 1836²⁵³, 23 мая 1853²⁵⁴ и др.) На такое поведение духовенства власти возлагали большие надежды в деле исправления отступников.

Однако частота появления подобных предписаний свидетельствует о том, что проблема продолжала оставаться актуальной. «В приходы, зараженные расколом, шли обыкновенно худшие из кандидатов священников. Многие сельские места с раскольническим населением долгое время оставались праздными, что, конечно, вредно оказывалось на состоянии прихода»²⁵⁵

Такое положение дел было связано не только с особой бедностью приходов, в которых были сильны сектанты, но и с тем, что, выявляя инакомыслящих, священники одновременно рисковали навлечь на себя неудовольствие начальства. «Появление сектантов в каком-нибудь приходе всегда сопровождается крупными неприятностями для местного духовенства...Их лишали хороших приходов и ссылали в самые отдаленные и беднейшие деревни. Иных посыпали в монастырь на послушание. Третьим – делали выговор, ставили на вид их небрежность и беспечность... Конечно,...каждый пастырь стремился к тому, чтобы скрыть появившихся в его приходе сектантов, показать в отчетах все в наилучшем виде.»²⁵⁶ Возможные неприятности

отбивали у многих пастырей охоту заявлять о сектантах, в особенности, если появлялась возможность поправить свой достаток за счет взяток. О том, что священнослужители часто скрывали наличие в их приходе сектантов, свидетельствуют различные источники - сектантские, государственные, а также церковные на низшем и высшем уровнях.

Следующий вывод сделал статский советник Стенбок, который по заданию МВД исследовал сектантство в 50-х годах XIX века: «Все меры, которые могут быть приняты правительством для ослабления раскола, будут безуспешны при происках раскольников и тайном противодействии лиц служащих, не желающих терять источник доходов»²⁵⁷

«Духовенство наше страдает великим пороком – привычкою покрывать всякие грехи друг друга и не выдавать своих ни в каком случае и всякую грязь скрывать и замазывать.»²⁵⁸, докладывает епископ Никанор обер-прокурору Синода Победоносцеву.

А вот что пишет касимовский священник миссионер о. Доронкин: «Равнодушие к делу миссии у некоторых пастырей поразительно. Они не только сами не защищают своих пасомых от духовных волков, но не дают знать вовремя о... миссионерах. Есть священники, намеренно скрывающие появление в их приходах сектантов. Был случай намеренного противодействия со стороны священника помощнику уездного миссионера в ведении им бесед в его приходе, который, по мнению священника, напрасно де ездить и беспокоить его приход.»

4. Приходские священники ближе всего находились к народу, поэтому государственная власть стремилась через них влиять на простых прихожан.

Для осуществления данных обязанностей приходское духовенство наделялось следующими функциями: ведение приходских книг (в которые записывались данные позволявшие сделать выводы о том насколько часто тот или иной прихожанин посещает церковь, крестит ли детей и т.п.); штрафы;

доносы; увещевание в повиновении власти и верности православию; тесное взаимодействие с представителями светской власти.

Стремление навязать священнослужителям полицейские обязанности отразилось в соответствующих постановлениях разных лет. При Петре I клир был обязан быть «Верным, добрым и послушным рабом и подданным» императора, доносить о всяком вреде и убытке для интересов царской власти и об открытых на исповеди «воровстве, измене или бунте на государя».²⁵⁹

О тесной связи священников и светских властей в деле борьбы с сектантством свидетельствует следующий случай. В 17 ноября 1768 года благодаря донесению местных священников была открыта секта духоборов. Синод приказал увещевать отступников сначала через «учительных священников», а потом и епископу в присутствии воеводы.

Согласно указу 1774 года, священникам предписывалось найденных сектантов «за крепким караулом приводить в канцелярию»²⁶⁰

Павел I в манифесте от 29 января 1797 г. всенародно определил роль служителей церкви в обеспечение «должного послушания». «Духовные наипаче же священники приходские, имеют обязанность предостерегать прихожан своих противу ложных и вредных разглашений и утверждать в благонравии и повиновении господам своим, памятуя, что небрежение их в словесном стаде, им вверенном, как в мире сем взыщется начальством их, так и в будущем веке должны будут дать ответ пред страшным судом Божиим».²⁶¹ В то же время Павел приравнял духовенство к чиновникам – за личные заслуги священнослужители стали награждаться государственными орденами.²⁶²

«Проповедь о повиновении власти помещиков провозглашенная с церковного амвона, конечно, роняла в глазах народа значение говорившего такую проповедь священника.»²⁶³ Возлагая на священников не свойственные их сану розыскные и полицейские обязанности, правительство этими мерами сильно способствовало разобщению народа с духовенством.

5. В Духовном Регламенте 25 января 1721 года, Петр I указал на необходимость открытия архиерейских школ и просвещения белого духовенства. Был введен образовательный ценз для кандидатов на должность приходского священника. . Тем не менее, поневоле приходилось ограничиваться самым низкими требованиями: прохождением курса элементарного духовного училища или просто домашним образованием. Данная деталь явно свидетельствует о наличии проблем в сфере образования духовного сословия.

При господстве после Петра немцев образованию приходского духовенства не уделялось должного внимания. Только в 1737 году Синод предписал архиереям доставлять сведения о том, есть ли в епархии школы, сколько учащихся, какого звания, на какие средства содержатся. Но все семинарии и школы должны были содержаться за счет богатых монастырей, которые не спешили раскошевливаться. В результате, «многие священники с большим трудом подписывали свои имена и фамилии, плохо читали и по-русски и по-церковнославянски и вместе с народом разделяли различные суеверия заражались расколом и даже ересями»²⁶⁴

Жаловалась на крайне плохое образование духовенства и на отсутствие должного влияния на народ Екатерина II: «В некоторых местах... не знают ни церковной, ни гражданской, ниже положения круга земного (географии) и мест, на которых в рассуждении других народов живут»²⁶⁵.

В это же время митрополит Платон в своих проповедях укорял белое духовенство не только в лепоти и небрежности, но и в неведении самых элементарных истин богословия. По его словам, некоторые священники «самого отеческого учения, т.е. катехизиса, не знают, да и не хотят знать... еще своим невежеством хвалятся... в церквях учительства нет, истина Христова не сохраняется, христианские стада ходят неимущие пастыря, некому поставить, поувершевать, утешить, обличить, а есть кому собирать, обольщать, обольщаться.»²⁶⁶

Благодаря деятельности митрополита и поддержке Екатерины II была преобразована Московская академия, стали лучше функционировать семинарии и духовные училища на местах.

Большое внимание уделяло духовным учебным заведениям правительство Павла I. В 1800 г. открылись семинарии в Калужской, Оренбургской, Пермской, Саратовской и Слободско-Украинской епархиях. В то же время существенно увеличилось денежное содержание академий. Если духовные семинарии при Екатерине II в подавляющем большинстве получали 2.000 рублей годового содержания, то по штатам 1797 г. для семи семинарий эта сумма удвоилась, как и общая сумма содержания духовных учебных заведений по сравнению с екатерининским временем²⁶⁷. Было улучшено качество подготовки учащихся, переработаны программы, уточнены задачи: академии готовили наставников для семинарий, а последние – проповедников.

Работа по усовершенствованию духовного образования велась и в период правления Александра I. Был разработан план по изысканию средств для содержания духовных школ. Предлагалось создать специальный капитал духовного ведомства, за счет которого можно было бы полностью содержать духовные школы, а также церковных причетников. Но эти расчеты не оправдали себя главным образом из-за начавшейся вскоре войны с Наполеоном. К 1815 г. вместо ожидаемых 24 миллионов рублей капитал составил только 15. На проценты от него можно было содержать (и то с трудом) только учебные заведения, от выдачи окладов причту пришлось отказаться.

Однако вышеперечисленные меры не прошли даром, они позволили повысить ценз при выборе приходского священника до обязательного школьного образования.

И все же уровень образования приходских священников в среднем был не высок. Священники часто не умели читать и не знали как правильно вести службу. «Современная проповедь и вообще научение христианской вере стоит в нашей церкви на очень низком уровне. Если проповедь церковная молчит, то

и богослужение православной церкви мало научает ее членов, будучи совершаю не языке мало для них понятном... Нужно иметь много любви и привязанности к церкви, чтобы простоять зимою в очень холодном, а летом душном храме подряд несколько часов не понимая ни того, что говорят в нем, ни того, что делают»²⁶⁸, – сетует в «Миссионерском обозрении» св. Кальнев. «Нельзя без стыда и смущения слушать нашего церковного чтеца даже в городской церкви»²⁶⁹, – вторит ему св. Введенский. Оба приведенных свидетельства относятся к концу XIX века и являются типичными для этого времени.

Низкий уровень образования приходского духовенства особенно отрицательно сказывался в вопросе борьбы с сектантством, поскольку для увещевания заблудших, требовалось не просто знать Писания, но и уметь вести беседу, разбираться в том, во что верят оппоненты. То есть уровень образования должен был быть выше среднего.

Подведем итоги. По всем пунктам приходское духовенство не было близко к образу «идеального священника». Недостаточный уровень доходов и образования, большая занятость из-за величины прихода, необходимости заниматься обработкой земли – с такими проблемами как правило сталкивался священник. Без их решения не представлялось возможным не только наладить миссионерскую работу духовенства, но и просто обеспечить должное соблюдение культа.

Отрицательно влияло на миссионерские усилия священства и совмещение миссионерской и полицейской функций. Данное обстоятельство увеличивало недоверие сектантов и их стремление скрывать свои взгляды. Духовенство, в свою очередь, чувствуя отрицательный настрой оппонентов, шло наиболее простым путем сверх меры, пользуясь своими полицейскими возможностями.

Служить в приходе, где велико было число прихожан-сектантов, было невыгодно, поскольку он приносил меньший доход при больших усилиях и

временных затратах. Дальнейшее распространение сектантства могло повлечь неприятности со стороны начальства. В результате, в подобных «невыгодных» приходах оказывались худшие представители духовенства. Последние зачастую старались скрыть сам факт наличия сектантов, будучи подкуплены или просто равнодушно относясь к своим обязанностям.

Между тем, государственная власть, осознавая необходимость в «благонравных и кротких» священниках предлагала назначать таковых в приходы, где было велико количество сектантов. Однако при этом она никак не разрабатывала механизмы, с помощью которых можно было бы сделать подобные приходы привлекательными для духовенства. Дополнительных денег для поощрения священников также не выделялось. Результатом такого положения дел, явилось невыполнение предписаний правительства.

§ 2 миссионерская деятельность

Мы проанализировали положение приходского духовенства и определили комплекс причин, по которым его миссионерская функция не могла иметь успеха. Справедливость данного вывода подтверждается фактом создания специальной миссионерской службы. В данном параграфе мы проанализируем историю развития внутренней миссии, ее особенности и результаты работы миссионеров.

Миссионерской деятельности в среде сектантов может быть разделена на следующие этапы:

1. наличие только старообрядческой миссии – XVIII век;
2. отказ от насильственного увещевания сектантов – первая треть XIX века;
3. период «казенной миссии» – вторая треть XIX века;
4. развитие противосектантской миссионерской деятельности – вторая половина XIX века.

Рассмотрим данные этапы подробнее.

1. В течение всего XVIII века миссионерские обязанности целиком лежали на приходском духовенстве. Специальные миссионеры в это время проповедовали в основном иноверцам и в незначительной мере старообрядцам.

Однако, «при таких неблагоприятных условиях для просвещения белого духовенства трудно было ожидать развития проповедничества среди него. Бывали случаи, что не только в селах, но и в некоторых губерниях и городах нельзя было встретить ни одного проповедника, ни среди белого, ни среди черного духовенства.»²⁷⁰

Синод, лишенный средств для решения основных проблем приходского духовенства, своими способами пытался поднять уровень миссионерской работы священнослужителей. В 70-80-х годах XVIII века он издает и рассыпает их по всем епархиям сборники поучений, чтобы священники читали их в воскресенные, праздничные и высокоторжественные дни. Такие сборники были изданы в 1775, 81, 95 годах.

Кроме того, некоторыми преосвященными издавались особые сборники применительно к различным нуждам. Например, митрополит Платон, получив из консистории сведения о значительном количестве лиц, не ходящих к исповеди и причастию, издал в 1783 году сборник своих поучений на тему необходимости этих таинств и приказал разослать его по церквям своей епархии.

Но данные меры не имели особого успеха. В том же 1775 году после рассылки сборников Синод сообщил, что он «с сожалением усмотрел, что во многих церквях и в воскресные и в праздничные дни службы не бывает и тем самым поучения не читаются»²⁷¹ Он предписал архиереям следить за исполнение его распоряжений.

Однако кардинальным образом изменить ситуацию не удавалось. Приходское духовенство в его положении не годилось на роль проповедников.

2. С приходом к власти Александра I, был взят курс на невмешательство в дела инакомыслящих, что отразилось и на отношении к миссионерским функциям священства. В 1801 году Высочайшим указом на имя Слабодско-Украинского гражданского губернатора касательно Мелитопольских поселенцев-духоборов было сказано: «и опытом и разумом давно уже доказано, что умственные заблуждения простого народа прениями и народными увещеваниями в мыслях его углубились, единственным забвением, добрым примером и терпимостью мало помалу изглаживаются и исчезают...увещевания никак не должны иметь вид допросов, состязаний и ...насилия, но должны сами собою и неприметно изливаться к ним из добрых нравов духовенства, из жизни их, из поступков и наконец, из непринужденных к случаю и с видом ненамеренности разговором.»²⁷²

Соответственно, диспуты и прения с сектантами были признаны неэффективными и на время преданы забвению. При Александре I «заметно обозначился упадок миссионерской и литературной деятельности против раскола»²⁷³

3. С началом правления Николая I вновь начали увещевать отступников. В 1835 году в «Наставлении священнику относительно заблуждений от истины веры» на приходское духовенство возлагается роль миссионеров. Синод советует им не избегать споров и «для большего успеха в деле обращения их [сектантов], употреблять особых действователей, где есть миссионеры, там их, а где нет оных, – других благонадежных духовных особ.»²⁷⁴ В обязанность священнослужителей вменялось «настойчиво убеждать родителей – с детства приучать детей к покорности, к исправной молитве и хождению в храм, не оправдывать детей, когда их в чем-либо худом застанут и будут по правде обличать.»²⁷⁵ Священникам «зараженных» приходов разрешили обучать на дому, если человек не ходит в храм, «увещевать их, совестить, призывать на помочь в этом деле и других родственников или соседей увещеваемого.»

То есть основная роль проповедника все еще оставалась за приходским священником, но уже отмечалось, что он может привлекать на помощь более компетентных людей.

Следующим шагом на пути становления профессиональной внутренней миссии стало повеление Николая I 1837 года: «Святейшему Синоду продолжать наблюдение и напоминание по усмотрению, чтобы епархиальные архиереи максимально пользовались возможностью вступать в сношения с уклонившимися от церкви и посевать между ими понятия и чувствования, которые бы сближали их с церковью. Для того необходимо будет, хотя, впрочем, для избежания толков и соблазна, без гласного о том обнародования, отменить повеление духовным властям избегать встречи с раскольниками и уклоняться от всякого повода к спорам, а также заняться изысканием средств для скорейшего приведения в действие...мысли об образовании особого класса миссионеров.»²⁷⁶

Одновременно, даже опередив официальные постановления стали появляться специальные миссии. В 1828 году – в пензенской и пермской епархиях, 1833 – в саратовской, 1835 – в дерптском уезде, в 1838 – в

черниговской епархии, в 1839 году – в иркутской епархии и т.д. К 1855 году редкая из епархий не имела своих «казенных», т.е. работающих за жалование миссионеров.

Миссионеры избирались местными преосвященными из приходского духовенства, причем преимущественно «заслуженного». К просветительским задачам были присоединены обязанности надзора за причтами, в приходах коих находился раскол. Миссионер должен был следить за нравственностью духовенства, за умственным его развитием, за школьной деятельностью, за отправлением треб и отношениям с прихожанами. В случае надобности он мог «требовать», «побуждать», «внушать» причтам. Естественно, что при такой постановке вопроса миссионеры не были желанными гостями. По свидетельству саратовского миссионера К.А. Попова духовенство в те времена даже подучивало раскольников, как отвечать, чтобы к ним больше не приходили.²⁷⁷

Синод запрещал миссионерам «принимать на себя название миссионеров»²⁷⁸ и действовать слишком открыто. Миссионеры должны были «всемерно стараться скрывать, что присланы обращать раскольников»²⁷⁹ В то же время из-за плохой подготовленности и отсутствия пособий по обучению публичные собеседования проводились крайне редко.

Понимая, что «казенным» миссионерам не хватает знаний, власти предпринимают попытку решить данную проблему. 14 октября 1853 года Синод определил вызвать из зараженных епархий по 1-3 священника с целью их миссионерского образования под руководством преосвященного Григория²⁸⁰ Но данный опыт кончился ничем. С открытием миссионерских отделов в семинариях и академиях дело также не сдвинулось с мертвой точки. Они выпускали богословов-теоретиков, а не миссионеров практиков, а из семинарий выпускались посредственные знатоки раскола.

Как результат плохой подготовленности миссионеров к работе с сектантами их число не только не уменьшалось, а наоборот продолжает неуклонно расти.

Таким образом, статистические данные свидетельствуют о безуспешности предпринимаемых мер. Об этом же говорилось в постановлениях по ведомству православного исповедания: «Раскольники при первоначальном обращении к ним миссионеров не хотели слушать их и старались убегать даже самого собеседования с ними»²⁸¹

«Некоторые миссионеры при виде бесплодности своих миссионерских усилий не прόчь были заменить последние и действительно заменяли мерами гражданскими, прибегая для этого к пособию полицейских властей»²⁸² И такие их действия поддерживались епархиальным начальством. В инструкции пензенскому миссионеру поручалось «во всякое потребное время просить помощи светского начальства»

В 60-х годах «казенные» миссии «как-то совершенно незаметно прекратили свое существование, чтобы уступить место новым, которые за исключением названия и цели не имели ничего общего с теми»²⁸³

4. В то же время начали появляться миссии нового образца. Причем характерно, что учреждение братств занимавшихся миссионерской деятельностью было инициативой светских, а не духовных властей. Указом 31 июля 1864 были объявлены основные правила для учреждения оных. Первое из братств было открыто в 1865 году в Саратове при Спасо-Преображенском монастыре. Вскоре они начали открываться в других городах. В их задачи входило «искоренение предрассудков, суеверий у населения, возвращение на истинный путь заблудших и уклонившихся в раскол.»²⁸⁴ Учреждались братства духовенством совместно с активными прихожанами. Именно они финансировали работу миссионеров.

Постепенно в районах зараженных расколом и сектантством начало действовать все больше миссионеров. Однако, по-прежнему, большая часть усилий направлялась на увещевание старообрядцев. Это связано с тем, что взгляды раскольников отличались от ортодоксальных не очень существенно, и миссионеры действовали по заученной схеме.

До середины XIX века раскол практически не преподавался. Лишь 1853 году²⁸⁵ после постановления Синода в учебных заведениях были открыты миссионерские отделения.

Чтобы понять, что из себя представляло преподавание «раскола», обратимся к «Обозрению предметов преподаваемых студентам Московской Духовной Академии в течении 2-ой половины 1860 – 1-ой половины 1861 учебного года»²⁸⁶.

В рамках «учения о вероисповедании» давались следующие знания: понятие о вероисповеданиях ересях и расколах, общее понятие о русских сектах и условиях могущих им благоприятствовать, меры полезные к предотвращению их распространения. Однако подробно изучалось только старообрядчество. Кроме того, был специальный «миссионерский класс», но и в нем полемике с сектантами время не уделялось.

В исключительном положении была Казанская духовная академия. Из-за того, что в Казанской епархии было велико количество инородцев и иноверцев с самого зарождения в 1723 году Казанская Духовная Школа готовила кадры преимущественно для миссионерского служения. В академии, кроме общих для всех семинарий предметов, преподавать особые, а именно: полную систему философии и богословия, высшее красноречие. На миссионерском отделении, вновь открытом в 1854 году преподавались этнография, вероучение инородцев и миссионерская педагогика.

При академии выпускался богословский журнал “Православный Собеседник”, благодаря которому российская общественность могла знакомиться с новейшими исследованиями церковных деятелей. Помимо этого в ее стенах было создано большое количество учебных руководств и пособий, которые использовались во многих Духовных Учреждениях. К их числу можно отнести труд профессора Н.И. Ивановского “Руководство по истории и обличию старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических”.

И все же, даже в Казанской академии основная роль отводилась внешней миссии и проповедям в старообрядческой среде.

Изучение раскола, вообще, не пользовалось большой популярностью ни в студенческой, ни в преподавательской среде. Это было связано с тем, что данный предмет отличался особой сложностью и предполагал доскональное знание Священного Писания, а также умение вести полемику. В глазах преподавателей кафедра раскола имела ряд существенных недостатков: в отличие от других на ней не был предусмотрен отпуск при том, что нагрузка была существенно больше. В свободное от занятий время преподаватели раскола должны были проповедовать сектантам и раскольникам.²⁸⁷

Тем не менее, в течение второй половины XIX века миссионерство развивалось.

25 мая 1888 года были учреждены «Правила об устройстве миссий».²⁸⁸ В них разграничивались обязанности миссионеров и приходских священников. На должность епархиального миссионера предполагалось назначать священнослужителей «основательно знакомых с расколом и местными сектантскими лжеучениями, обладающих даром слова и вполне благонадежных по своим нравственным качествам». (ст.2) Согласно ст.4 «Епархиальные миссионеры освобождаются от обязанностей приходских священников и других служебных по епархиальному ведомству занятий... Епархиальные миссионеры состоят в непосредственном распоряжении местных преосвященных, действуя по ближнему их указанию.»

Независимо от епархиальных миссионеров могли назначаться уездные или окружные миссионеры из местных приходских священников и из мирян. (ст.6)

Духовенству вменяют в обязанность помогать миссионерам, а последним - поддерживать авторитет местного настоятеля. На деле пастыри далеко не всегда радовались, когда в их исконную вотчину с поучениями вторгался еще один, обычно более образованный священник, который к тому же регулярно докладывал о реальном положении дел в приходе их общему начальству.

«Духовенство же наше нередко и до сих пор холодно относится к этому делу [миссионерству]»²⁸⁹, – свидетельствует в конце XIX века миссионер Рязанской губернии.

Кроме того, в Правилах говорилось о том как должен вести себя миссионер, то есть повторялись прописные истины о кротости и смирении.

Анализ данных правил показывает, что в развитии миссионерской деятельности был сделан значительный шаг вперед за счет разграничения функций священника и миссионера. С другой стороны, пункты, касающиеся нравственного состояния, как причта, так и миссионеров не были подкреплены никакими необходимыми для их реализации реформами. В качестве миссионера власти все еще видели священнослужителя.

Еще одним важным шагом в развитии миссионерской деятельности РПЦ стали *миссионерские съезды*. Они позволили скоординировать деятельность разрозненных братств, обсудить назревшие вопросы, вынести совместные решения. В 80-90-х годах прошли 3 всероссийских в 1887, 91 и 98 годах. Анализ проблематики данных съездов позволяет сделать вывод о состоянии миссионерской деятельности в интересующей нас области. Так, два первых съезда занимались в основном проблемой старообрядчества и не затрагивали вопросов сектантства. Этот факт отражал положение дел на местах – полемике с сектантами внимание практически не уделялось. Однако к третьему съезду очевидной стала именно сектантская угроза. Активное развитие штундизма вынудило духовенство обратить внимание на сектантство. На третьем съезде вопросам, относящимся к миссионерской деятельности в сектантской среде, было отведено больше половины времени.

Съезд проходил в Казани 22 июля – 6 августа 1898 года. Общее число участников составило 198 человек (в 1887 году было 72 человека, в 1991 году – 133 человека) На первых двух съездах в основном были лица «причастные к епархиальному управлению, священники и начетчики.»²⁹⁰ На третьем съезде же

не менее $\frac{3}{4}$ составили лица получившие богословское образование, в том числе 74 члена с высшим академическим образованием. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что число людей заинтересованных в борьбе с сектантством росло, однако данная проблема все еще оставалась в рамках церкви и высших богословских заведений, к ее решению не привлекались широкие массы активных православных прихожан.

От каждой епархии должны были приехать по 2 представителя со сведениями о деятельности в епархии противораскольничих миссий, о существующих толках и сектах, с указанием числа их последователей и о предпринятых начальством мерах борьбы. Но собрать такие сведения за отведенный срок (около 2-х мес.) было нереально.

На съезде обсуждались способы борьбы с инакомыслием, вопросы правового положения миссий, а также «разоблачались гнилые язвы сектантства».

Однако несмотря на активное обсуждение реальных последствия данный съезд не имел. Не было даже выработано четкое определение штундизма.

Уже в самом конце XIX века постепенно начали проходить местные съезды миссионеров. Ранее действовавшие обособленно проповедники православного учения стали делиться опытом и пытаться, систематизировав уже накопленные знания, выработать единый план действий. Однако в связи с политическими изменениями в стране, данная практика не успела развиться.

Миссионерские диспуты. Мы рассмотрели, как развивалась миссионерская деятельность среди сектантов на протяжении XVII-XIX веков и выяснили, что несмотря на наличие множества проблем она двигалась по пути все более эффективной работы с этой категорией инакомыслящих. Однако помимо организационных вопросов, не менее важным для оценки миссионерской деятельности является рассмотрение самого механизма проведения бесед.

Стандартная схема работы миссионеров подразумевала, что проповедник перемещался из одного места в другое, оповещая о проведении диспутов. Спорщики собирались в церкви или другом месте и прилюдно полемизировали. «Предметы для собеседования назначались самим миссионером, потому что он занимал господствующее положение.»²⁹¹ Однако миссионерские словопрения чаще всего ничем не заканчивались. По свидетельству сектанта (баптиста) Павлова «нравственные последствия таких бесед пока ограничились тем, что возбудили в массе сильный религиозный интерес стремление к разумному усвоению религиозных понятий»²⁹²

Полемики с сектантами была неудачной по многим причинам:

- Отсутствие реального плана дискуссии. «В области противосектантской полемики нет никакой системы»²⁹³ Данная проблема была настолько насущной, что необходимость планирования своей работы была даже прописана в ст.15 «Правил устройства миссий» в 1888 году: «миссионерам надлежит являться на беседу с точно определенным предметом и с хорошо обдуманным планом собеседования.»

- Непонимание мотивов сектантской веры. Миссионеры пытались апеллировать к разуму и к Евангелию, тогда как для религиозных отщепенцев они не были авторитетом. «Обыкновенно в полемических беседах миссионеров преобладает догматический элемент, они на основании священного писания стараются доказать законность, а следовательно и необходимость для спасения догматов, отвергаемых сектантами, тогда как сектанты необходимым условием спасения признают лишь нравственные учение понимаемые ими в самом узком смысле.»²⁹⁴ Сектанты часто понимали Евангелие не буквально, а иносказательно, поэтому не имело смысла указывать на конкретные стихи Писания. Более эффективным было бы раскрытие перед прихожанами зараженных приходов «лжи и несостоятельности такого истолковательного приема»²⁹⁵ Всегда легче обличать, чем защищаться, поэтому выбор тактики оправдания православных догматов был изначально ошибочным.

- Частая невыдержанность миссионеров и их отрицательный настрой. Во всех официальных наставлениях и миссионерской литературе говорилось, что миссионеры должны быть максимально выдержаными. Например, в вышеупомянутых Правилах в ст.13 декларировалось: «во время собеседования миссионеры по отношению к сектантам совопросникам должен соблюдать потребные проповеднику и защитнику истины душевное спокойствие, краткое обращение и снисходительное терпение...»²⁹⁶ К тому же призывал на открытии III-его миссионерского съезда товарищ обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблер: «во время бесед миссионер не должен никого злословить, быть сварливым, но тихим и оказывать всякую кротость ко всем человекам»²⁹⁷

Однако в реальности так получалось далеко не всегда. Миссионеры часто изначально воспринимали сектантов не как больных нуждающихся в лечении, а как порождение дьявола и своих худших врагов. Вот как воспринимал свою работу миссионер св. Остроумов. «Мы ныне со всех сторон окружены врагами, с которыми призваны беспрерывно бороться»²⁹⁸ Часто проповедники считали благом иронию, смотря на своих оппонентов свысока. «Многие миссионеры не умеют в достаточной степени владеть собою, они часто выходят из себя, часто нервничают, волнуются, горячатся.», отмечал исследователь внутренней миссии РПЦ св. Введенский.²⁹⁹ А должны они быть «прежде всего, спокойствие, хладнокровие и вместе с ним внимательность и доброжелательность.», продолжал он.³⁰⁰

«В православной миссионерской практике нередки печальные примеры столкновения проповедников православия с поборниками раскола и сектантства на почве ничего не имеющей с религией. Один из примеров: беседа г. Рамадановского с Мельниковым. После первой беседы Рамадановский при всех объявил, что бесед больше не будет, так как он находит Мельникова недостойным собеседования и оскорблял его, не позволял говорить дольше 15-20 минут, а сам вешал два часа подряд.»³⁰¹

А вот другой пример беседы, которая была записана корреспондентом газеты «Оренбургский край»: «Миссионер вкратце воспроизвел содержание беседы прошлого зона и приступил к изложению православного учения о таинстве крещения, подтверждая это учение чтением соответствующих мест из Библии... На возражения баптиста миссионер отвечал с должной основательностью и знанием православного учения. Единственное, что можно поставить в упрек господину Головкину то недостаток деликатности в обращении с оппонентами. Так г. Головкин не раз замечал Павлову, что последнему надо поучиться в начальной школе, если он не понимает того-то и того-то, вопросы противника иногда назывались пустыми и лукавыми».³⁰² Если так проходили «показательные» беседы в присутствии прессы, то остается только догадываться, какова была основная масса проповедей в сектантской среде.

Мы коснулись технических аспектов ведения миссионерского диспута. Они безусловно влияли на успешность миссионерской работы. Однако не менее важную роль играло общее положение внутренней миссии РПЦ в России. Она имела следующие отличительные черты:

Тесная связь со светскими и духовными властями. О последствиях своих действий миссионеры должны были «обстоятельно доносить» епархиальному преосвященному, который в свою очередь помещал эти сведения в годовом отчете или доносил особо в Св. Синод. (ст.5 «Правил» 1888 года) Соответственно, все недовольство властями и церковью в полной мере переносилось на миссионеров. Народ воспринимал их не как людей, несущих свет своей веры и стремящихся поделиться им с окружающими, а как чиновников от православного ведомства. К сожалению, очень часто этому находились реальные подтверждения. После вышеописанного случая беседы с баптистом Павловым, когда слова миссионера не произвели на сектанта должного эффекта, местный архиерей обратился к полиции, чтобы его прогнали.

В народе укоренилось мнение об агрессивном отношении церкви и отсутствии реального желания вступать в диалог. Это озлобляло и миссионеров. Чувствуя за спиной поддержку властей, они часто более деятельно доносили на сектантов властям, требуя расправы, чем проповедовали. «Принятие насильственных мер только возбуждает в сильнейшей степени формализм...»³⁰³, отмечал исследователь миссионерской работы св. Введенский.

Вред от такого положения вещей светским властям был очевиден. Так, в 1837 году был издан Наказ Гражданским Губернаторам, в котором 2 параграфа было посвящено сектантству. В §240 миссионерам было приказано не доносить гражданским властям. А в 1888 году в «Правилах об устройстве миссий...» в ст.13 указывалось «...К содействию полицейских властей для собственной защиты или охраны на собеседованиях порядка и тишине миссионер может прибегать лишь в крайних случаях.»³⁰⁴

Однако как и многие другие, данные постановления остались на бумаге. Например, в 1873 году миссионер иеромонах Владимир Терлицкий, не успев обратить в православие ни одного сектанта, лично подал заявление генерал-губернатору о необходимости выслать главных руководителей штунды. На это МВД ответило, что «высылка сектаторов из одной местности в другую в прежние времена всегда приносila один только вред: сектатор благодаря своей высылке приобретал в глазах своих последователей еще большее значение...и в то же время...не прерывал сношений с ними. Кроме того, в месте ссылки он обретал новых последователей»³⁰⁵ В результате, в том же году в село Чаплинку был назначен для надзора за штундистами полицейский чиновник Попов. Вот, что писал о нем бывший следователь г. Шугаевский:³⁰⁶ «Я не мог не выразить своего удивления относительно такого выбора: представьте себе пожилого человека, почти беспрерывно пьяного, неразвитого, грубого самодура, да вдобавок еще нечистого на руку...Скоро «патриарх штунды», как прозвали его потом, проявил свои доблести. С суровостью начал он преследовать собрания

штундистов, разгонял их, был агрессивен, арестовывал, кого и на какой срок вздумается»

Другой пример: в Херсонской губернии в середине 70-х годов священник местечка Любомирки отец Казакевич увещевал сектантов, а если видел нарушения закона тут же доносил властям. Естественно никого привлечь он не смог.

Вполне естественным после таких случаев звучит признание одного штундиста православному миссионеру: «я вам имени не открою, чтоб вы не повредили мне. Теперь, говорят, за нашим братом следят, особенно миссионеры...Многие ваши собраты по службе пьют»³⁰⁷

Само духовенство отмечало сложившуюся полицейскую «славу» миссионеров. В «Петербургских ведомостях» св. Черкасский задается горестным вопросом: «Сопоставляя деятельность миссионеров отдаленного прошлого...с деятельностью или точнее со службою граждан миссионеров настоящего времени, щеголяющих в фуражках с кокардами, невольно приходит в голову: что-то становится с нашей православной церковью в недалеком будущем?»³⁰⁸

Постепенно в миссионерской среде зрело понимание того, что необходимо отделить миссию от церковной администрации. Еще в 1836 году в обращении к приходским священникам Синод рекомендует «Для более успешной борьбы...— пастырю лучше действовать не одиноко, а вместе с исправными прихожанами. Их объединить около себя, их сплачивать и побуждать к усердной и разумной борьбе со всяkim распадом и распутством в приходе. Пусть это будут лучшие и уважаемые в приходе, их постыдятся все беспутники...постесняются их авторитета и их сплоченности...Таких во всяком приходе найдется много, все они скорбят и возмущаются падением нравов и распадом жизни, и однако, оставаясь разрозненными, нередко и сами должны опасаться хулиганства и разнузданности деревенской вольницы, которая и делает что хочет, никого не боясь и не уважая.

Вместе с тем нужно помнить, что все эти недостатки – пьянство, разгул, хулиганство и пр. – развиваются часто потому, что не знают люди куда свои силы приложить. Посему весьма следует призывать и воодушевлять прихожан на какие-либо общественные работы и дела... Таким путем возродятся добрые обычаи, а с ними облагородится приходская среда... Личное воодушевление священника поднимет волну народного воодушевления, а она захватит собою и равнодушного... Проповедь – одно из самых могучих средств в деле нравственного возрождения прихода. Наш народ потому собственно не духовен и нечист, что он совсем не знает Евангелия, не знает веры своей.»

Однако все эти рациональные предложения оставались в области высокой риторики. Первые шаги в сторону отделения миссионерской деятельности от духовного сана были сделаны этом направлении были сделаны только в 1864 году, когда в больших городах, начиная с Саратова, учреждаются братства для подбора миссионеров-добровольцев. В 1875 году в Вятке основана школа для крестьян, желающих бороться с расколом.

Временами инициатива поступала снизу и тогда эффект был на порядок лучше, чем от любой проповеди штатного миссионера. «Крестьяне одной деревни избрали из своей среды 5 человек для наблюдения за тем, чтобы штундисты не собирались вместе и особенно за тем, чтобы не посещали деревню заезжие сектанты, после чего пропаганда в деревне прекратилась.»³⁰⁹ И действительно, «наибольший успех имели проповедники простецы не иерархи... самый сан духовный и принадлежность к духовным ведомствам и духовному начальству, сам по себе являлся элементом раздражающим сектантов»³¹⁰

И все же миссионеры из народа оставались редкостью, а многие необходимые меры (организация чтения, особенно в зимнее время, общечерковное пение для объединения народа, анализ сектантского опыта проповеди), так и остались нереализованными.

Индиферентность общества. Борьба с сектантством практически не находила отклика ни в образованном обществе, ни в крестьянской среде. Это было связано с общим упадком религиозности и с внутрицерковным кризисом. «Народ, кажется, вовсе не имеет представления о существовании у нас каких-либо миссий. Людей по призванию готовых идти на миссионерский подвиг почти не слышино. Особенных учреждений для приготовления к миссионерскому служению совсем нет», писали сами миссионеры.³¹¹ «Вот в чем заключается вся беда и вся скорбь нашей миссии... – в равнодушии и к миссионерскому делу со стороны христианского общества, не исключая и духовенство...»³¹², сетует миссионер св. Н.А. Остроумов.

В образованном обществе из-за близости проповедников с властью о них сложилось представление, как о «вольных художниках духовного ведомства занимающихся бесплодными словопрениями о вере» или даже как об «опричниках духовного ведомства»³¹³. Чем дальше, тем меньше поддержки вызывало отношение к сектантам со стороны РПЦ в интеллигентской среде. Все чаще слышались слова о свободе вероисповедания и неправомерности претензий ортодоксальной церкви. Сектантов защищали публицисты (например, А.С. Пругавин, первый поднявший вопрос о бесчеловечности монастырских тюрем), писатели (скажем, Лев Толстой активно общался с духоборами) и адвокаты (А.Ф.Кони, А.М. Бобрищев-Пушкин и др.)

На первом миссионерском съезде, выражая мнение общественности, М.А. Стакович прочитал речь о свободе совести, которая вызвала бурную полемику и протест со стороны РПЦ. Он упрекал церковь в том, что она пользуется насилием и помощью государства для решения религиозных вопросов: «Законодательство вправе говорить любому подданному: «Ты можешь верить во что хочешь и как хочешь или совсем не верить, – мне все равно. Но церковь не может повторять за ним тех же слов. Больше, она может сказать государству: нет! Представь мне, мне единой на то уполномоченной, ведать

дела совести... Если церковь верует в свою внутреннюю духовную силу, то не нуждается она в содействии земной силы»³¹⁴

Свой ответ чаяниям общественности церковные иерархи донесли через высказывания митрополита Филарета. Последний считал неудобным для церкви, а значит и для государства т.к. они союзники, «избыточествующую веротерпимость» т.е. свободу вероисповедания. По его мнению «оказывать чрезмерную терпимость злу, значит подавать ему орудие против добра»³¹⁵ Поэтому мысль об охранении церкви должна стоять выше мысли о веротерпимости.

Таким образом, церковь в своей борьбе с сектантами осталась практически без поддержки. Образованная часть общества осуждала насилие в вопросах веры, а большая часть простых прихожан относилась к православию как к обязанности и не проявляла активности в вопросе чистоты веры. Такое положение вещей было одной из причин того, что миссия развивалась в основном усилиями священнослужителей, а не активных прихожан.

Неопределенность статуса миссионера. Несмотря на очевидную взаимосвязь между миссионерами и властью, их статус был весьма неопределенным. Согласно ст. 7 «Правил об устройстве миссий...» все миссионеры «пользуются содержанием в размере определяемом епархиальным преосвященством». Источники содержания изыскивались из местных епархиальных средств. В случае недостатка оговаривалась возможность «испрашивать пособие у Св. Синода». Вот как охарактеризовал положение миссионеров священник и миссионер Н. Ивановский: «Они не имеют одного существенно важного для будущности миссии – сплоченной организации, действуют особняком... Труды их, положим, оплачиваются, – но оплачиваются неравномерно, а главное положение их неопределенное... что они такое в епархиальном управлении, чем гарантированы они в своей деятельности, какова их будущность...об этом нельзя сказать ничего ясного и определенного; все зависит от личных взглядов и отношений представителей епархиальных властей и других случайных

обстоятельств. И самая деятельность их недостаточно определена даже местными инструкциями, а общих инструкций и совсем нет. Это какая-то частная наемная служба зависимая всецело то от советов разных, братств, то непосредственно от консисторских распоряжений.»³¹⁶ Чтобы легализовать положение миссионера иногда лица с высшим образованием определялись простыми псаломщиками в городские церкви.

Итак, все вышеперечисленные особенности делали миссионерскую работу тяжелой и малоэффективной. Поддержка государства часто вела к формальному исполнению миссионерами своих обязанностей.

У светских и духовных властей не было четкого и продуманного плана развития миссионерской деятельности. Все рациональные предложения упирались в отсутствие базы для их реализации и оставались на бумаге. Общецерковный кризис и необходимость реформирования приходской жизни мешали оздоровлению паствы. Народ в своей массе был индифферентен к религиозным проблемам и относился к любой оппозиции власти сочувственно.

3.2 Государственные формы борьбы

В предыдущем разделе мы рассмотрели церковные формы борьбы с сектантством, а также указали на то, что по ряду причин их эффективность была низкой. Однако поскольку отход от православия считался преступлением, то нераскаявшиеся и не поддавшиеся увещеваниям сектанты подлежали наказанию светскому. В данном разделе мы проанализируем те меры, которые применялись по отношению к ним со стороны государства.

§1. Особенности суда над сектантами

Отношение к делам о сектантах, в сравнении с остальными уголовными делами, имело несколько особенностей.

1. выделение дел о сектантах из общего делопроизводства. Дела о принадлежности к сектантству на протяжении всего рассматриваемого периода тем или иным способом оказывались в особом положении. До Екатерины II они входили в число политических преступлений, которые карались особо жестоко. Даже после того как императрица повелела рассматривать дела о сектантах, как обычные гражданские, они рассматривались отдельно. Причиной такого положения вещей были:

- новизна проблемы, с которой столкнулось государство, не разработанность механизмов наказания таких преступников;
- необходимость совместного расследования с представителями церкви;
- возможность изучения догматики сект путем тщательного проведения расследований особыми следственными комиссиями.

Был создан специальный механизм работы с подобными делами. Во-первых, местные власти обязаны были сообщать о случаях обнаружения сектантов в вышестоящие инстанции. Кроме того, работу над делами о сектантах брали на себя многочисленные секретные комиссии, создававшиеся на протяжении всего XIX века.

В результате, сектант за ту же вину, что и православный преступник, мог получить меньшее наказание, поскольку его судили прежде за преступление против веры. Такое положение вещей существовало до середины 50-х годов, когда особому комитету было приказано дела о сектантах вести как обычные уголовные. И тем не менее ст 1009 уложения о наказаниях 1885 года издания гласила, что «все дела прежде чем быть приведенными в исполнение предоставляются в МВД для внесения через комитет министров на высочайшее усмотрение.»³¹⁷

2 Сложность возбуждения дела. Согласно ст.1006 уложения о наказаниях «предварительное следствие по делам о совращении от православия начинаются по требованию духовного начальства. При этом судебный следователь не вправе отказать в заведении дела.»³¹⁸ Кроме того, причиной возбуждения дела мог стать донос. Однако расследование проводилось не всегда. Причиной этого были:

- скрытность сектантов За годы жизни вне закона сектанты научились конспирации, они имели темные комнаты, не выходящие на улицу, тайники и были связаны клятвой о молчании. Зачастую инакомыслящие занимали видные должности в деревни и в церкви, были прилежными прихожанами. Например, при расследовании дела о скопцах, которое было основано на доносе священника села Бахачева, выяснилось, что главою секты был церковный староста Илья Пахомов, а еще один скопец был церковным попечителем.³¹⁹
- отсутствие должных знаний у местной исполнительной власти. Большую роль играло и то, что местные власти чаще всего не знали, что искать, по каким признакам определить принадлежность к секте. Вот типичный случай: урядник, проводивший дознание по делу об обнаружении скопцов в Вышневолоцком уезде, «имел слабое представление о сути сектантства, поэтому называет задержанных то скопцами, то хлыстами, а то и просто сектантами.»³²⁰
- взятки, которые давали сектанты, чтобы дело не было пущено в ход.

В результате, многие секты годами не были обнаружены даже при наличии доносов со стороны православных граждан. Примером может служить все та же секта скопцов Вышневолоцкого уезда. Дело начато в 1886 году по прошению крестьянина деревни Знаменки Петра Фадеева. Полиция, проведя дознание, выяснила, что «прощение Фадеевым подано было из мести»³²¹, и лишь при повторном возбуждении дела была выявлена секта скопцов. Прокурор Тверского суда, более компетентный в вопросах сектантства по прибытии на место следствия установил, что: «Скопцы появившиеся в деревне Федотово около 25 лет назад, ни разу за весь этот период времени не подвергались преследованию. Только в последние 4-5 лет, когда они значительно увеличили число своих единомышленников и начали уже стеснять своих соседей не скопцов, частные лица стали подавать жалобы. Но произведенные по ним дознания, всякий раз заканчивались ничем и прокурорскому надзору передаваемы не были.»³²² При более тщательном расследовании выяснилось, что за двадцать лет скопцы распространились во многих соседних уездах.

З.произвол местных властей. Со времени появления антисектантского законодательства государство обратило внимание и на то, как должны действовать в данных обстоятельствах местные власти. Так, в 1837 году был издан Наказ Гражданским Губернаторам, в котором 2 параграфа было посвящено сектантству. §32 обязывал их содействовать духовному начальству в охранении православной церкви и веры и наблюдать, чтобы сектантство не распространялось. §240 предписывал приговоры Палат уголовного суда о сектантах представлять в МВД до приведения в исполнение приговоров.

В марте 1841 года появилось законодательство о системе призванной следить за расколом на местах (духовная власть и гражданское начальство).¹⁸³ О состоянии раскола священники доносили епархиальному начальству. Если же возникала угроза оскорблений церкви, то действовали гражданские власти, причем характер их действий статьями не оговаривается.

Гражданское начальство должно было вести подсчет сектантов и затруднять их общение с православными. При этом, как это сделать, не пояснялось. Таким образом, перед местными властями открывалась возможность либо полного равнодушия к постановлению, либо произвола.

Последнее было существенной проблемой, осложнившей попытки вернуть сектантов в лоно церкви. Произвол выражался в создании невыносимых условий существования представителям тех сект, которых не судили за принадлежность к оной, а также в жестоком обращении с обвиняемыми. Эти довольно распространенные по отношению к преступникам действия в данном случае наносили непоправимый вред, в отличие от остальных, осужденных сектантов государственная власть и церковь хотели не просто наказать, но надеялись вернуть к нормальной жизни. Поэтому жесткое отношение к ним местных властей шло вразрез с общей политикой государства в данном вопросе, озлобляло сектантов, подрывало веру в возможность диалога и мешало миссионерской деятельности церкви, а иногда, даже толкало сектантов на отчаянные поступки.

Приведем несколько примеров. Секта павловцев устроила крестный ход, в результате которого произошло столкновение с властями и был осквернен храм. Данная история обратила на себя внимание общественности. Достоянием гласности стали обстоятельства, которые подтолкнули сектантов к таким отчаянным действиям. Вот что свидетельствовали сами павловцы: «соседа к соседу не пускали, не только чтобы пойти к соседу, но и на работу не позволяли, если пойдешь на работу не только куда в сторону, а даже в своем селе не дозволяли и прогоняли с работы...

И начал нас разгонять урядник и становой пристав приказывать стал, чтобы урядник не только тех кто работал, но даже и тех которые позовут на работу, то и того придавать суду»³²³

Если что не так «сейчас сотский и десятский идет и докладывает становому, а становой передает земскому начальнику. А земский начальник приговаривает

к денежному взысканию и тогда дают десятским деньги за что от предавал суду и похваливает начальство...»³²⁴

Данные сведения подтвердили свидетельствовавшие на суде приставы: «Люди находятся в исключительном положении, у них нет храма, им нельзя собираться на молитву, нельзя читать вместе Евангелие. Вот может быть источник. Все утверждают, что павловские сектанты люди скромные, трудолюбивые, не волнующиеся, не бунтари»³²⁵

Другой пример невыносимых условий существования, толкавших на конфронтацию с властями представляет из себя секта духоборов в Закавказье. Внутри нее произошел конфликт, связанный с разделом имущества умершей главы секты. За его разрешением духоборы обратились к местным властям. Однако последние решили дело не по закону, а руководствуясь собственной материальной выгодой. «Власти планомерно подрывали веру в себя в рядах духоборов сговорами с богатой их частью новым... поборами, назначением в их села полиции из числа туземцев – армян, имертин, грузин.»³²⁶ Данные действия привели к расколу секты и разорению общины, которое отрицательно сказалось на экономике всей области, а также к острому конфликту между сектантами и властями.

4. проблемы определения принадлежности к секте и официальной классификации сект

Но даже, когда власти действовали согласно законодательству, возникала масса сложностей, поскольку последнее было недостаточно разработано. В предыдущей главе мы сделали вывод, что отсутствие точной классификации сект и должного внимания к их доктрине мешало борьбе с ними. Данное обстоятельство особенно сказывалось на этапе расследования преступлений против веры.

Проанализируем, какие именно проблемы возникали в процессе следствия и как они отражались на деле борьбы с сектантством.

Экспертиза и классификация сект

Прежде всего, при обнаружении сектантов вставал вопрос об идентификации их принадлежности к той или иной секте, поскольку наказание могло быть различным. Наиболее строго закон относился к скопцам. Это выражалось в запрете получения паспортов и приема в свои семьи чужих детей³²⁷ Остальные секты по тяжести наказания можно разделить на две группы – одни преследовались за одну принадлежность к секте, а другие только за ее распространение.

В судейской практике экспертами обычно выступают лица компетентные, но не заинтересованные. В делах о принадлежности к сектам ситуация была иной.

Ст.1009 уложения о наказаниях гласила, что «судьи и чины прокурорского надзора должны быть православными, так же как присяжные.»³²⁸

Для производства экспертизы вызывались местные священники и миссионеры, а также командированные состоящие при обер-прокуроре чиновники или запрашивалось заключение консистории. Образование священников и миссионеров, как правило, не позволяло разбираться в тонкостях учений. В результате, в расчет принимались в т.ч. ходящие в народе слухи. В определении сект не было точности, особенно плохо обстояло дело со штундистами, которых часто путали с духоборами, адвентистами и баптистами. «Все ограничивалось обыкновенно голословным повторением цитат из закона без всякого соотношения с обстоятельствами дела или перечислением задержанных книг и других вещественных доказательств...»³²⁹

Во время процесса эксперт не перечислял фактические нарушения. В результате получалось, что «если эксперт-богослов ошибся в причислении известного вероучения... присяжные заседатели лишены возможности проверить это...»³³⁰

С каждым годом дел, связанных с сектами становилось все больше, росло число толков и согласий, а независимой экспертизы так и не появилось и

поскольку четкости в законах не было, представители судебной власти констатировали: «С каждым новым процессом все яснее сказывается полная невозможность сколько-нибудь, не только юридически, но и просто с общей точки зрения разумно и толково проводить такие процессы.

Мы присутствуем...при полном декадансе, в котором нельзя обвинить судей и не только юридических форм и юридических понятий, но даже юридической этики...горький опыт часто заставляет судей обходиться совсем без экспертизы и только ради того, чтобы не запутать окончательно дело.»³³¹

Однако проблемы были не только в том, что эксперты давали заключение только по доктринальской стороне преступлений. Даже в тех случаях, когда присутствовала и независимая экспертиза не всегда удавалось четко согласно закону установить принадлежность к секте. Так, медицинская экспертиза в деле об обнаружении секты скопцов в Вышневолоцком уезде обнаружила, что из 11 мужчин оскоплены были 9, а из 36 женщин ни одна не признана оскопленной, но у большинства из них на разных частях тела усмотрены разные знаки искусственного происхождения, у двенадцати – дефект малых половых губ.

Судебный следователь Московского окружного суда Глушановский, изучая дело, пришел к следующим выводам: «цельного систематического учения скопцов нигде не имеется, все ранее обнаруженные дела о скопцах представляют большое разнообразие вероучений и несомненным признаком установлено в настоящее время только извращенное толкование некоторых мест Евангелия от Матфея 19 главы 12 стиха и V главы 28-30 стихов, а потому по всем бывшим делам главной уликой являлись признаки оскопления, хотя...самое проявление оскопление имеет весьма растяжимое толкование.»³³²

После определения принадлежности к секте, необходимо было причислить ее к той или иной категории. Тут тоже возникали проблемы, причиной которых были:

- недостаточная квалификация экспертов и следователей;
- нечетко прописанные в законе критерии классификации сект.

Приведем пример. В 1869 году встал вопрос о том, какие именно секты судить по 197 ст. переизданного в 1866 году уложения о наказаниях, а какие по ст. 203 – вредные настолько «что самая принадлежность к оным без распространения и совращения должна повлечь за собою наказание определенное 197 статью».

Прокурор московской полицейской палаты в своем письме окружным судьям указывает, что в МВД постоянно приходят запросы о том, можно ли судить их по ст.203 за одну принадлежность так как «скакунская и хлыстовская секты не были еще до сих пор пречислены установленным порядком к числу особенно вредных ересей, поименованных в 197 ст.³³³ Он предложил в законодательном порядке причислить скакунов, хлыстов и шелапутов к «особо вредным сектам». В качестве аргумента он выдвигает следующие признаки данных сект: «1. Все поименованные секты, имеющие в главных своих основаниях одни и те же начала – мистицизм, таинственность, вредны как...замкнутые кружки со своими стремлениями и целями, выделяющие себя из общей гражданской жизни и хотя не заявляющие открыто протеста против существующих законов государственной жизни, но во всяком случае чужды уважения и сознания их необходимости и пользы...

2. Исполняя только для видимости таинства и обряды православной церкви последователи этих сект в своей жизни остаются совершенными отступниками от оной...они должны быть признаны вредными господствующей в государстве религии и пропагандистами мечтательных и суеверных религиозных мнений во вред священной законами православной нашей веры.

3....подрывают главные основы семейной и общественной жизни

4...тесная связь этих сект с sectой скопцов...не оставляет никаких сомнений в том, что они должны быть судимы по всей строгости закона...должны быть признаны особенно вредными.»³³⁴

По запросу московского прокурора окружные прокуроры высказали свое мнение о том по какой статье следует судить данные секты и какие меры

применять, чтобы бороться с сектантством. Рассмотрим более подробно высказывания некоторых из них, поскольку данная информация поможет в полной мере осознать, насколько по-разному относились к сектантам на местах.

Итак, калужский окружной прокурор не имея в своей практике примеров означенных выше сект, обращается к схожей с ними секте скопцов и утверждает, что «учение скопцов, как антисоциальное, стремящееся к разрушению семьи и всего гражданского общества, посредством искажения физической природы человека, должно быть отнесено к учениям особенно вредным...Отдаляясь от общества, живя, не разделяя общих желаний и стремлений, оставаясь чуждыми интересам своего общества...скопцы делаются бесполезными членами того общества к которому принадлежат... Однако обряд оскопления хотя и противоестественен, не может быть назван «противонравственным и гнусным»[такое определение давалось сектам последователей которых следовало осуждать за одну принадлежность к ним], так как все таки цель оскопления есть стремление к духовному совершенству, обряды скопцов...не содержат в себе ничего противонравственного и гнусного»³³⁵ Поэтому, делает вывод прокурор, скопцов нельзя осуждать по статье 203. Распространители секты должны преследоваться по 197, а оскопленные и оскопители по 201, а не оскопленные вообще уголовному преследованию не подлежат. Он добавляет, что «нельзя не обратить внимание на то, что преследование в уголовном порядке не приводило и не приводит к желаемому результату.»³³⁶

Прокурор Каширского окружного суда напротив считал, что скопцы, хлысты и скакуны должны привлекаться по 203 статье так как «нельзя не признать, что обряды их соединены с противонравственными гнусными действиями, предусмотренными именно в 203 статье Уложения о Наказаниях»³³⁷

Прокурор Рыбинского окружного суда отмечал, что «учение означенных сект...носит в себе зародыш антирелигиозного и антиправительственного

учения... и они, несомненно, должны быть причислены к сектам вреднейшим.»

338

Прокурор Смоленского окружного суда считал, что «хотя последователям этих сект, как известно, приписывается совершение, при этих радениях некоторых действий, противных нравственности..., но одного этого недостаточно для преследования по указанной статье закона ибо уголовный суд может подвергать уголовному или исправительному наказанию только за те противонравственные деяния, которые прямо воспрещены под страхом таково наказания... Потому, если будет доказано, что хлысты, скакуны или шалопуты допускают при своих совершение преступлений предусмотренных в этих статьях Уложения, то они, очевидно, и должны быть подвергаемы наказанию по тем статьям закона, которые ими будут нарушены.»³³⁹

Данный, в принципе частный случай, подтверждает сделанный в предыдущей главе вывод о недостаточной проработанности законов, касающихся сектантства, а также указывает на то, что на местах не было единого мнения по этому поводу. В условиях слабости закона местные исполнительные и судебные органы действовали, исходя из личных представлений обличенных властью чиновников.

Но путаница с классификацией сект существовала не только на местах, но и в органе, от которого данное разделение сектантов исходило. Так, в 1871 году в Козельском уезде была обнаружена секта хлыстов. Департамент Общих дел МВД в отношении своем к судебному следователю «дал положительное заключение, что секта эта...принадлежит к особо вредным, так как, между прочим, ее обряды при бессмысленности своей и безнравственности, ведут нередко к уголовным преступлениям, совершенным в припадке сильнейшего раздражения нервов, совершенного опьянения и экстаза.»³⁴⁰

Затем, в 1872 году у того же следователя Козельского уезда возникло дело. По отзыву Департамента Общих Дел МВД сектанты были признаны хлыстами, но департамент дал уклончивое заключение о вреде хлыстов ссылаясь на

кружения и радения служащие департамента считали «весыма возможным совершение противонравственных поступков, а значит «секту следовало бы признать особенно вредною»³⁴¹ В результате, неопределенных ответов Департамента, а также того факта, что хлысты не были указаны в статьях 197 и 203, прокурор Калужского окружного суда отписал Козельскому следователю, что последователей секты преследовать не стоит и наказанию подвергать следует только распространителей³⁴²

Государственные власти, по-видимому, осознавая, что имеющаяся классификация сект является неудачной, попытались решить данный вопрос. Закон 1883 год признал стандартное разделение сект на «вредные» и «более вредные» неудобным. Решено было рассматривать каждую секту в отдельности сначала в МВД, а потом в Синоде.

Однако в реальности данное постановление не действовало, что подтверждается указом от 4 июля 1894 года, по которому штунда была признана «более вредной сектой».

Такое положение вещей было выгодно, прежде всего, православной церкви, которая автоматически относила все секты к «особо вредным» и, соответственно, преследовала их по максимуму. Детальное рассмотрение догматов конкретных сект могло привести к тому, что многие рационалистические секты государство перестало бы преследовать за принадлежность к вере, как оно попыталось сделать со штундистами.

§ 2 Виды наказания сектантов

Рассмотрим особенности наказания сектантов.

Изоляция от общества через ограничение прав и ссылку Основной опасностью, исходившей от сектантов, было их стремление проповедовать и обращать с свою веру православное население. По этой причине в первую очередь государство стремилось изолировать их от общества. Постепенно для этого была выработана целая система мер, которая включала в себя как гражданские меры:

- ограничение передвижения по стране;
- запрет занимать общественные должности;
- запрет приписываться к гильдиям и городским обществам;
- запрет жить в имениях населенных православными. Имения брались под опеку государства.

Так и уголовные меры:

- строгий присмотр за сектантами в ссылке;
- В случае продолжения проповедей усугубление наказания;
- Ограничение общения с православным населением в местах ссылки;³⁴³

Возможность отмены наказания в случае раскаяния Поскольку основная цель государства была не столько наказание сектантов, сколько возвращение их к прежней жизни, государство стремилось сделать привлекательным переход в православие. Поэтому вновь обращенным в православие разрешено было возвращаться во внутренние губернии. При этом сектантам предоставлялись льготы по уплате налогов, которые ставили их даже в более выгодное положение, чем остальных православных.

Попытки вернуть в лоно церкви Другой особенностью были попытки вернуть отступников в лоно церкви путем увещевания и примера. Для этого государство использовало особый вид наказания – монастырскую ссылку

В «Извлечение из отчета обер-прокурора Синода за 1837 год» содержатся данные, которые могут дать представление о количестве заключенных содержащихся в монастырях (см. приложение 5)

Анализ этих данных свидетельствует о том, что в масштабах страны количество монастырских заключенных было невелико. Подтверждает приведенные сведения и исследователь сектантства А.С.Пругавин. Согласно его данным с 1766 по 1902 год общее число заключенных в монастыри политических и религиозных преступников составило 400 человек. Тем не менее, данный вариант ссылки интересен нам, как феномен, показывающий одну из сторон совместной политики светской и духовной властей по отношению к сектантству.

Для того чтобы понять, почему государственные власти считали монастыри подходящим местом для содержания особо опасных преступников проанализируем, в чем заключалось монастырской ссылки. На примере двух самых популярных монастырских тюрем – Соловецкой и Спасо-Евфимьевской мы проследим насколько оправдывались ожидания светских и духовных властей относительно эффективности данной меры.

Итак, монастырская ссылка отвечала следующим требованиям:

1. Тяжелые условия существования. Жизнь в монастыре отличалась такой суровостью, что многие предпочли бы обычную каторгу. Так, в своей челобитной в 1743 году бывший секретарь Михаил Пархомов просил, чтобы «вместо сей ссылки в каторжную работу меня отдали, с радостию моей души готов на каторгу, нежели в сем край светлом, заморском, темном и студеном, прегорьком и прескорбном месте быти»³⁴⁴

Условия содержания в монастырях-тюрьмах, определяли следующие обстоятельства: предписания сопроводительного указа, поведение заключенного и, наконец, воля архимандрита. От последнего зависело ослабление или усиление многих режимных строгостей.

В монастырских тюрьмах был очень высок процент безумных, это связано с тем, что не все люди выносили тяжелые условия содержания с одиночных камерах на хлебе и воде в течение 20, 30, а то большего количества лет. Известен случай, когда один сектант просидел монастырский тюремме 65 лет и был отпущен в 90 летнем возрасте.

Женщинам-колодницам так же не делали послаблений. Их ждали такие же тяжелые условия жизни, скучная еда, тяжелая работа, суровое «смирение» в случае непослушания железами, батогами, шелепами. Женских тюрем-монастырей, было также немало. Примером могут служить Ризоположенский и Покровский монастыри в Суздале.

Однако на протяжении XVIII-XIX веков явно просматривается тенденция к улучшению качества содержания узников. Так, с начала XIX века арестантов стали помещать в более светлые и сухие помещения. Некоторых из них даже запирали только на ночь. Однако инструкции 20-30-х годов XIX века определявшие порядок содержания и надзора отличаются большой строгостью. Арестантам запрещалось с кем-либо общаться, писать или получать письма. Также предписывалось хранить место содержания преступника в тайне, как и саму переписку по этому поводу.

Таким образом, содержание в монастырских тюрьмах было действительно тяжелым. Но достигались ли через испытываемые сектантами мучения цели покаяния и изоляции?

2. Невозможность распространять свои идеи. В монастыри, как правило, отправляли главарей сект, а так же тех сектантов, которые не просто отпадали от православия, но и активно проповедовали свои взгляды. Соответственно, это были люди убежденные, фанатичные и стремящиеся во что бы то ни стало обратить окружающих в свою веру. Поэтому для их содержания применялись особые меры предосторожности.

Монахи следили за сторожами, чтобы тех «не совратили» колодники. «Шпионство в монастыре было развито до крайних пределов, каждый шаг, каждое слово были известны настоятелю»³⁴⁵

Особое внимание обращалось на то, чтобы «колодники ни с кем не разговаривали и никогда о вере никаких разговоров...иметь не могли, но пребывали бы в покаянии...»³⁴⁶ Такой мерой власти стремились оградить от соблазна православных. И не зря. Сохранились свидетельства того сколь убедительны могли быть сектанты. В 1849 году в связи с предложением обер-прокурора Протасова было признано «что содержание лиц в заключении арестанском несообразно с древним характером сих чисто духовных учреждений...они (арестанты) нарушают тишину и безмолвие обителей и своим примером сеют плевелы неповиновения и разврата в малоопытных молодых послушниках и церковнослужителях»³⁴⁷

Подтверждает эти сведения и исследователь раскола П.И. Мельников, указывая на то, что «соловецкие монахи к скопцам относились сочувственно»³⁴⁸ Соловецкий архимандрит Александр в 1855 году жаловался Синоду, что ему некому поручить увещевать сектантов так как «глупые и невежественные» монахи к этому неспособны, «а ученые и умные не только не имели успеха, но сами увлеклись еретичеством.»³⁴⁹ В результате, скопцы получали значительное послабления: «Солдаты-скопцы содержались в одной комнате, свободно собирались вместе, совершали радения в казематах и столько же свободно общались с другими арестантами.»³⁵⁰

Приведенные данные свидетельствуют о том, что задача изоляции сектантских проповедников решалась лишь отчасти. Безусловно, они оказывались оторваны от общества и не могли широко распространять свои взгляды. Однако своим присутствием инакомыслящие превращали монастыри из места святого подвига в места мучений и распространения чуждых православию идей. Помимо этого, заключенные в монастыри сектанты, становились для оставшихся на воли символом страданий за веру.

3. Благотворная среда и возможность увещевания и раскаяния

Немаловажно так же выяснить давали ли такие тяжелые условия какой-то результат в смысле исправления сектантов.

«Обыкновенно в первое время арестант горячо защищал свою веру, горячо спорил с увещевателем, но после, увидев бесполезность и вред для себя этого, хладнокровно выслушивал все, что ему говорили, но крепко держался своих убеждений.»³⁵¹ Но если узник не выдерживал тягот и раскаивался, то его признания записывались и посыпались в Синод и после некоторого времени арестант присоединялся к церкви и выпускался из тюрьмы. Свободу давали через год или два. Чаще всего раскаяния были ложными. «Почти из 200 ссыльных [в Соловецкий монастырь] найдутся единицы, которые под влиянием монастырских увещеваний добровольно, чистосердечно раскаялись, несколько более изъявили притворное раскаяние...»³⁵²

В сузальском Спасо-Евфимьевом монастыре соедражались менее опасные по сравнению с соловецкими преступники. «Однако и сузальская монастырская тюрьма не выполнила своего назначения, которое заключалось в пробуждении совести и в возбуждении раскаяния»³⁵³ поскольку, находясь в остроге, еретики не только не отрекались от своих вероучений, но и вовлекали в свои секты монахов, послушников, охрану и богомольцев. Уголовные меры не смогли принудить религиозных вольнодумцев исповедовать веру, которая противоречит их убеждениям»³⁵⁴

«Обычная характеристика сектантов, составляемая архимандритом состояла из выражений типа «увещеваниям не внимает» «к обращению к Господу Богу надежды не подает», «напитан самыми вредными мнениями»³⁵⁵

Исследователь монастырской ссылки Кокарева Т.В. приводит любопытную статистику заключенных в Спасо-Евфимьевом монастыре сектантов. (см. приложение 4). Ее анализ свидетельствует, что из 47 заключенных раскаялось 16 человек. Причем из них 5 человек не были сектантами. Следует также

отметить, что из раскаявшихся довольно большой процент составляют скопцы (6 человек), которые были известны своим лицемерием перед властями. Для них не являлось делом принципа отстаивать свои взгляды перед православными священниками, куда важнее было оказаться на свободе и продолжить распространять свои идеи. Таким образом, процент действительно пожалевших о своих заблуждениях оказывается совсем незначительным.

Итак, раскаивалось меньшинство, а из них большинство лукавили. С чем это было связано? Заключая сектантов в монастыри, власти не учитывали, что имеют дело с фанатиками, которые глухи к каким-либо увещеваниям. Возможно, на них мог бы повлиять пример праведной жизни, но не в условиях насилия над их волей.

На основе анализа мер, применяемых государственной властью в борьбе с сектантством, мы можем сделать следующие выводы:

1. Меры, применяющиеся к данному типу уголовных преступников, имели свои особенности. Сектанты могли вернуться к нормальной жизни до истечения срока наказания, если раскаются.
2. Из-за принадлежности к сектантству преступники зачастую оказывались в более выгодном положении, поскольку их в первую очередь судили за преступления против веры.
3. Однако даже значительные послабления ради возвращения отступников не были действенными. Очень небольшой процент сектантов возвращался в лоно церкви искренне. Как правило, наказанные вероотступники в своей среде приобретали ореол мучеников. Они поддерживали сношения с оставшимися на родине единомышленниками и постепенно распространяли свои взгляды в отдаленных уголках России. В результате, перепись населения 1897 года

явственно свидетельствует о том, что в Сибири и на Кавказе число сектантов было значительно выше, чем в остальных регионах страны.

4. Монастырская ссылка также не давала должного эффекта. Изолированные от общества инакомыслящие продолжали упорствовать, одновременно разлагая монахов и охрану.

5. Заведение дел в отношении сектантов сталкивалось с большим количеством трудностей. С одной стороны, местным властям не хватало квалификации, чтобы обнаружить преступников, классифицировать их принадлежность и причислить к определенной статье закона в зависимости от типа секты. С другой - неумелые действия властей ожесточали сектантов и углубляли конфликт между ними, государством и церковью.

6. На протяжении всего рассматриваемого периода экспертиза не развивалась и оставалась догматической. Только по отношению к скопцам применялась также экспертиза медицинская. Однако и тут не было точных критериев позволявших считать сектанта осколенным.

3.3 Вопросы статистики сектантства.

Проблема статистики инакомыслящих крайне важна, поскольку помогает ответить сразу на несколько вопросов:

- каково процентное соотношение инакомыслящих к общему населению Российской империи, и, соответственно, насколько остро стоит данная проблема?
- Каким образом сектанты распределяются по толкам, регионам, возрасту и полу? Вышеперечисленные социологические данные могли бы помочь глубже понять причины отхода от православия.
- И, наконец, сравнение статистических данных собранных в различные годы позволяет судить об успешности мер борьбы с сектантством.

Таким образом, рассматривая политику государства и церкви в отношении сектантов, нам необходимо обратить внимание на положение статистики в интересующий нас период и дать оценку имеющимся данным.

Развитие статистики сектантства в России

Этап 1 Статистика раскола. В XVIII веке статистика сводилась к проведению ревизий, т.е. переписи крестьянского населения. Первые попытки подсчета числа сектантов можно отнести ко временам Петра I, когда в 1720 году раскольникам было предписано объявлять о себе в приказе церковных дел. Данная мера не имела никакого успеха. Параллельно священников обязали вести учет людей не бывших на исповеди и причастии. В 1782 году планировалось провести очередную их перепись, однако она была отменена. Следующая же была организована только в 1811 году. На данном этапе отдельного подсчета количества сектантов не проводилось, они входили в число раскольников. Результаты переписи показали, что многие номинальные православные были на самом деле тайными сектантами и теперь открыто регистрировались как раскольники.³⁵⁶

Этап 2. Ежегодные отчеты. Следующий этап статистики сектантства начался с 20-х годов XIX века, когда МВД начало заниматься вопросами

религиозного инакомыслия. Для данного этапа характерны следующие особенности:

- регулярность сбора информации;
- отделение сектантов от старообрядцев;
- выделение статистики основных, наиболее известных к тому времени сект.

Губернские власти по единой форме раз в год собирали данные, начиная с 1826 года. Всего же сведения к 1863 году имелись за 37 лет. Форма включала в себя следующие параметры: пол, положение, а также градацию на раскольников приемлющих священство, не приемлющих, субботников, скопцов и духоборцев. То есть большое количество сект, например, хлысты, не учитывались.

В 1834 году при МВД было создано статистическое отделение, в губерниях начали функционировать статкомитеты (1835 год). Они должны были уметь собирать, проверять и обрабатывать информацию по однообразным формам, установленным МВД. Ежегодно проводились отчетные собрания, а протоколы заседаний публиковались в губернских ведомостях. В качестве приложений к ним составлялись таблицы, в том числе и о количестве раскольников, к которым причисляли всех сектантов. Приложения и таблицы составлялись секретарями губернских статкомов на основании статистических данных, предоставлявшихся исправниками и духовенством. Однако губернские статистические комитеты не имели достаточного финансирования, поэтому они зачастую бездействовали.

Данные официальных отчетов за 1926 и в 1927 годы (см. приложение 1 таблица 1) указывают на уменьшение числа раскольников более чем на 2 тысячи. Такие результаты сложно объяснить чем-либо, кроме неточности сведений, поскольку в данный период времени не было зафиксировано массовых переходов в православие. Характерно то, что данное положение дел было обычным. Об этом свидетельствует тот факт, что еще через 10 лет в 1837

году духоборов и субботников якобы стало значительно меньше (см. Приложение 1 табл. 2), что не подтверждается данными судов. Маловероятным так же кажется уменьшение числа сектантов за три года с 1003816 в 1839 до 858204 в 1841 году.

Такую нечеткость данных можно объяснить тем, что «...собирание сведений о числе раскольников, производилось негласно...и следовательно не представляло никакой гарантии, хотя в приблизительной верности цифры.»³⁵⁷ Зачастую в сектанты зачисляли тех, кто не ходит в церковь, но бывало, что человек уезжал и не ходил в церковь, а бывало, наоборот, подобно хлыстам, постоянно посещал церковь и его принадлежность к секте оставалась незамеченной. В некоторые годы из отдельных губерний губерний сведения вообще не получались. Например, в 1839 году в отчете Каспийская область вообще не указана, а в 1841 году в ней обнаружено 3959 духоборов, 1215 субботников и 106 скопцов. В этих отчетах хлысты и многие другие секты вовсе не фигурировали, как будто их и не существовало.

Таким образом, можно сделать вывод, что данные статистики могут служить лишь дополнением к другим методам исследования сектантства.

Проиллюстрируем данное утверждение на примере скопцов. Еще в 1836 году были заведены именные списки скопцов, но в результате работы комиссии в 1842 году выяснилось, что они неполные и ошибочные. Комиссия пришла к выводу, что «официальные цифры статистики скопцов...были весьма далеки не только от точности, но даже от приблизительного правдоподобия.»³⁵⁸ Несмотря на строгие меры, которые начали применяться к скопцам с 1843 года, для улучшения составления их списков не было сделано ничего и, в результате, «показываемое ими число скопцов было постоянно и до очевидности неверно.»³⁵⁹ Так, по данным этой сомнительной статистики в 1842 году было – 1840 скопцов, а в 1852 году – 1862 человека, то есть в течение 10 лет число их уменьшилось на 138 человек, тогда как из записок внесенных МВД в Комитет министров видно, что в течение этого периода было вновь открыто 829 человек.

В результате, в 1862 году именные списки из-за их бесполезности были отменены. Далее статистику скопцов можно проследить только по губернским отчетам, где они стоят в единой графе с хлыстами, шалопутами и прочими оскопленными. Такое объединение сект не выдерживает критики, но и сами предоставляемые цифры явно неверны. (см. приложение 1 табл.3)

Сравнение данных губернского отчета за 1869 год и сведений, полученных от губернатора, подтверждает неверность официальных отчетов, поскольку одних скопцов было больше, чем скопцов и хлыстов вместе.

Списки скопцов, которые составляли губернаторы по особому требованию МВД, не учитывали скопцов, живущих на Кавказе, а также неоскопленных членов секты.

Губернаторы сами указывали на неполноту данных из-за скрытности сектантов. Кроме того, скопцы платили взятки местным обществам и помещикам. Мещанские и купеческие общества продолжали свободно принимать их в свои ряды. Иногда скопцы специально женились и признавали чужих детей, чтобы законспирироваться. Особенно сложным был вопрос об оскоплении женщин, так как общего правила освидетельствования не было.

Приведенный пример секты скопцов свидетельствует, что даже тогда, когда для подсчета количества представителей, какой-либо конкретной секты, предпринимались специальные усилия, хороших результатов не получалось.

Этап 3. Специальные экспедиции Неудовлетворительность данных заставила МВД в 1844 году начать ряд специальных исследований сектантства. Целью экспедиции было «приведение в известность существующих там раскольнических сект»³⁶⁰.

Однако исследователи натолкнулись на непредвиденные сложности. Каждому члену комиссии следовало в день обозреть по 2 прихода, которые нередко находились друг от друга на расстоянии 12 верст. «Производить исследования в самих деревнях оказалось невозможно, потому что деревни в рабочее время были почти пусты. Священники, у которых находились

приходские документы, нередко были в отлучке. Кроме того... в зараженных расколом селениях духовенство и полицейские служители зависят от раскольников.»³⁶¹ «Вообще всех приезжих чиновников жители подозревают в намерении открывать и преследовать раскол и оттого существовавшие принадлежности раскола скрывают в тайниках»³⁶² Хотя встречались и такие, кто давал показания со всей откровенностью.

Тем не менее, собранные данные доказали несостоятельность цифр ежегодных официальных ведомостей и существование огромной массы тайных раскольников. Официальные власти впервые обратили внимание на то, что помимо открытых раскольников, есть еще большое количество скрытых сектантов. Их обнаруживали разными способами:

По данным статского советника Синицына тайный раскол, к которому принадлежали люди ходящие в церковь только из приличия, представлял из себя три вида (данные приводятся в среднем за 10 лет):

1. не причащающиеся и не исповедующиеся – примерно 88124;
2. находящиеся в отлучке – 60187;
3. показанные бывавшими у причастия, но на самом деле не причащающиеся³⁶³

Мнение Синицына подтверждает и другой член экспедиции коллежский асессор Арнольди: «По отзывам священников в Костромской губернии много тайных раскольников, которые числятся в духовных росписях православными...а не пишутся раскольниками потому что каждый из них непременно 2 раза в продолжении своей жизни исполнил 2 таинства был крещен православным священником и был венчан в нашей церкви»³⁶⁴

Итак, статистические экспедиции не достигли своей основной цели. Однако были выявлены причины неудач предыдущих попыток подсчета инакомыслящих, а также показано, что реальное количество их намного выше официального.

Этап 4.Переписи населения В 1858 году Статистический комитет приступил к ежегодному собиранию различных статистических данных по всей империи. В этом же году была проведена перепись населения, в перечень вопросов которой был включен пункт о вероисповедании.

Однако следует отметить, что «списки народонаселения по вероисповеданиям не представляли достаточной верности...в отношении раскольников в особенности разных вредных сект, преследуемых правительством и нередко скрывающихся под именем православных»³⁶⁵ Под именем раскольников продолжали понимать всех несогласных с церковью без различия причин их протеста и докторов веры. «Между тем изучение раскола явно показало, что подобное воззрение не точно, что статистика, определяя цифру раскольников вообще, не может удовольствоваться подобным поверхностным признаком.»³⁶⁶

В 1897 году проходит первая всеобщая российская перепись населения. (см. приложение 3 табл.1) По ее данным «в России имелось 100 различных сект и толков, а общее число сектантов и раскольников составляло 2173733 т.е. 2,3% от общего числа православных.»³⁶⁷ Однако респонденты были вольны не отвечать на заданные вопросы и, естественно, многие предпочли скрыть свою принадлежность к сектам, боясь уголовного преследования. В результате, например, приверженцев мистических учений по всей России было обнаружено всего 5139 человек. И это при том, что еще за полвека до этого было известно, что «Хлысты и скопцы распространены почти повсюду особенно же держатся в губерниях Орловской и Курской, имея своих пропагандистов преимущественно в больших городах...Общую цифру их трудно определить, но по некоторым мнениям число их простирается за 110 тысяч»³⁶⁸

Эти расчеты подтверждаются судебными делами. В тех областях, где как считали власти, сектантов нет, вдруг оказывалось, множество инакомыслящих. Вот один из примеров таких «находок».

В 1886 году по прошению крестьянина Вышневолоцкого уезда, деревни Знаменки Петра Фадеева было начато уголовное дело. Полиция, проведя дознание, выяснила, что «прошение Фадеевым подано было из мести»³⁶⁹ Но при повторном расследовании была выявлена секта скопцов, появившаяся в данной области около двадцати лет назад. При более тщательном расследовании выяснено, что за это время скопцы распространялись во многих соседних уездах. «Средством распространения служили убеждения, обещания материальных выгод и даже подарки.»³⁷⁰

По окончании следствия были изобличены 156 человек. Было найдено три центра распространения скопчества, но это только благодаря стараниям следователя Московского окружного суда Глушковского и Тверского прокурора, так как местные урядники и дознаватели готовы были свести дело на нет. Вот что докладывает прокурор Тверского суда: «Скопцы появившиеся в деревне Федотово около 25 лет назад, ни разу за весь этот период времени не подвергались преследованию. Только в последние 4-5 лет, когда они значительно увеличили число своих единомышленников и начали уже стесняться своих соседей не скопцов частные лица стали подавать жалобы. Но произведенные по ним дознания, всякий раз заканчивались ничем и прокурорскому надзору передаваемы не были.»³⁷¹

Данный пример конкретного дела, возбужденного против представителей мистической секты свидетельствует, что сектанты десятилетиями оставались в тени, местные власти не замечали, а зачастую и не хотели их замечать. Естественно, сведения о таких сектантах не входили ни в ежегодные губернские отчеты, ни в данные переписей населения.

Неофициальная статистика

«Определить действительную величину всего раскольничего населения нет никакой возможности, что доказывается отчасти огромною разностью между отдельными оценками, колеблющуюся между 2 и 11 млн. душ обоего пола. Лучшие авторитеты близко знакомые с размерами раскола...во многих

губерниях определяют цифру его в 10% всего народонаселения или от 6 до 7 млн. душ обоего пола т.е. в 10 раз более официальных показаний.», признает один из руководителей переписи.³⁷²

По результатам переписи 1858 года было выявлено 875382 инакомыслящих³⁷³, однако это цифры явного раскола. Вероятная цифра настоящего раскола может быть приблизительно определена на основе ежегодных отчетов обер-прокурора Синода (см. Приложение 2 табл.1)

«Из этих шести категорий...открыто принадлежат к расколу шестая категория..., а тайно почти вся 2 и 5 категории. Наконец сюда следует отнести еще значительную часть тех, кто не исповедуется по причине малолетства и по различным уважительным причинам, принимая для этих двух последних категорий (3 и 4) только 10% показанной цифры, приходится причислить к расколу еще 1 млн. человек. Наконец, следует заметить, что при этом большую частью принадлежащие к сектам наиболее отступающим от православия, исправно бывают на исповеди и причастии...Не имея никаких средств судить о числе таковых ограничимся вышеперечисленной приблизительно цифрой»³⁷⁴
Итого 7-8 миллионов.

Альтернативные исследования давали совершенно другие, по сравнению с официальными цифры. Так В.Д. Бонч-Бруевич³⁷⁵ предполагал, что к началу XX века в России было 2,5 млн. раскольников и около 10 млн. – сектантов.

Публицист, исследователь раскола и сектантства А.С. Пругавин писал: «...у нас совсем не было никакой статистики раскола, так как сведения полиции о числе сектантов одно, сведения духовного ведомства – другое, сведения статистических комитетов – третье... Например, в Ярославской губернии по официальным сведениям числилось всего лишь 7454 раскольников. По исследованиям же статистической экспедиции их оказалось 278417 человек.»³⁷⁶

Данные, приведенные в табл. 1 приложение 4 показывают, что официальная статистика отличались от частных исследований более чем в 4 раза в сторону занижения данных.

Итак, в течение XVIII-XIX веков статистическая наука сделала огромный шаг вперед. Что касается подсчета количества инакомыслящих, то и тут государственные власти, заручившись поддержкой духовенства, старались найти оптимальное решение проблемы. На протяжении XIX века МВД применяет разные способы сбора статистической информации: ежегодные отчеты губернаторов, специальные статистические экспедиции, включение вопроса о вероисповедании в перепись населения.

Однако ни одна из мер не дала действенных результатов. Плачевное состояние статистики обуславливалось правовым и гражданским положением раскольников. Недоверие и взаимная недоброжелательность, которые разделяли религиозных отступников с официальной церковью и государством, не позволяли получить достоверную информацию. Сектанты скрывались под видом нерадивых православных, а зачастую, напротив, были самыми истовыми прихожанами. Отрицательную роль в данном вопросе играла также не заинтересованность многих местных чиновников в признании неуклонного роста числа сектантов. Раскрыв реальное положение дел, они рисковали своим положением.

Кроме того, на статистику религиозного инакомыслия влияло отношение к данной проблеме политиков. При ослаблении политики в отношении инакомыслящих их явное число возрастало, при усилении – уменьшалось.

Тем не менее, анализ сохранившихся статистических данных за XIX век позволяет сделать следующие выводы:

- Число сектантов увеличивалось год от году, причем во всех категориях. Например, согласно данным чиновника МВД Надеждина о скопцах: в 1827 году их было 1008 человек, а в 1843 – 1701³⁷⁷) Данные приведенные в таблице 2 приложения 3 также свидетельствуют о росте числа инакомыслящих во всех Российских регионах.

- Постоянно росло количество нерадивых и неактивных православных, это с одной стороны, свидетельствовало о кризисе в РПЦ, а с другой - косвенным образом подтверждало увеличивающееся число отступников.
- Официальные данные были занижены, но даже и они не могли скрыть роста количества сектантов.
- В состав сект входили в основном крестьяне и низшие городские и воинские слои. Это говорит о том, что инакомыслие было естественной потребностью, явлением действительно народным.
- Постоянный рост количества сектантов на протяжении всего рассматриваемого периода свидетельствует о безуспешности мер, применявшихся для его искоренения.

Выводы

Итак, на протяжении рассматриваемого периода формировались и развивались методы практического взаимодействия с сектантами. Их анализ позволяет сделать следующие выводы:

- Церковные и светские методы взаимодействия с сектантами значительно различались. РПЦ стремилась вернуть заблудших в свое лоно с помощью убеждения в их неправоте. На церковь также возлагалась охранительная функция, предполагающая тесный контакт с прихожанами. Государство, со своей стороны, обеспечивало наказание и изоляцию тех сектантов, которые отказывались изменить своим взглядам.

- Приходское духовенство, на которое возлагались большие надежды и обязанности в деле предупреждения распространения, полицейского контроля и увещевания заблудших, по ряду объективных причин неправлялось с ними должным образом. Недостаточное для миссионерской работы образование, необходимость отвлекаться на обработку земли, большие приходы и, соответственно, сильная занятость, не позволяющая уделять дополнительное время беседам с сектантами, – все эти черты сохраняются на протяжении XVIII-XIX веков. Действия правительства по улучшению образования и материального положения духовенства оказываются недостаточно продуманным и завершенным.

- Осознание факта невыполнения приходским духовенством обязанностей по работе с сектантами, вынудило государство и церковь создать отдельную внутреннюю миссионерскую службу. Первые опыты в данной области проводятся в 30-х годах XIX века, а более-менее серьезное развитие антисектантская миссия получила во второй половине XIX века.

- Однако, несмотря на довольно активное развитие миссионерской деятельности во второй половине XIX века, статистика свидетельствует, что количество сектантов продолжало расти. Можно выделить несколько причин неудачи миссионерской деятельности:

- Устойчивость сектантских убеждений;
 - Проблемы с финансированием;
 - Неопределенность статуса миссионера;
 - Отсутствие поддержки со стороны общественности;
 - Тесное взаимодействие с полицией и, как следствие, отрицательное отношение со стороны сектантов;
 - Миссионеры были из числа священнослужителей, и потому не вызывали доверия у сектантов.
- Государственные меры борьбы с сектантством сводились к изоляции последних путем заточения в монастыри, ссылки на каторгу, поселения отдельными общинами. В данной области, также был целый ряд проблем. Несовершенство законодательства и экспертизы, отсутствие должных знаний у исполнительной власти на местах создавали дополнительные трудности при производстве дел, касающихся принадлежности к сектантству.
- Уже сосланные сектанты могли вернуться к нормальной жизни до истечения срока наказания, если раскаются. Однако очень небольшой процент делал это искренне. Большинство настаивало на своем, и приобретало ореол мучеников. Сосланные сектанты продолжали общаться с оставшимися на родине собратьями и распространять свои идеи на новом месте.
- Таким образом, государственные формы борьбы с сектантством работали лишь отчасти. С одной стороны, они не были в состоянии своевременно обнаруживать преступников, с другой – осужденные оказались не полностью изолированными. Данные статистики свидетельствуют, что в тех областях, куда ссылали сектантов, количество обращенных было велико. Следовательно, своими мерами государственная власть добивалась лишь устраниния части проповедников из центральных областей России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Широкое распространение сектантства в XVIII-XIX веках превращает данное явление в важный фактор духовной жизни общества. Его основными формами стали секты мистические - хлысты и скопцы, и рационалистические – духоборы и молокане.

Религиозное инакомыслие стало одним из наиболее значимых следствий раскола и огосударствления церкви. Сектантство выявило имеющиеся в обществе проблемы - аграрные, социальные, образовательные, но самое главное, проблему нарастания на протяжении всего рассматриваемого периода духовного кризиса православного общества.

Недовольство состоянием православной церкви, «искание веры истинной» способствовало распространению и стойкости сектантских убеждений, и было присуще всем слоям общества. Попытки поиска своего духовного пути можно обнаружить на самых разных уровнях русского самосознания: в народных религиозно-утопических легендах, сектантских учениях и в философско-исторических идеях.

В то время как крестьянские массы находили свою правду в хлыстовских «кораблях» и духоборы в общинах, в интеллигентской среде так же шла напряженная работа мысли. Недаром в XIX веке активно развивается светское богословие.

Русское религиозное творчество при всем своем разнообразии имело общие черты, отдаляющие его от официального православия и приближающие к сектантству. Недаром охранитель начал византизма Константин Леонтьев, говорит про славянофилов, что они «есть нечто более опасное, чем всякое скопчество и всякая хлыстовщина...»³⁷⁸

Русская литература также была не чужда поиску духовного начала. Именно в литературной среде особенно заметен стык сектантской и интеллигентской религиозной мысли, их общая основа. В этом смысле особенно характерен

пример Льва Толстого, который ходатайствовал за духоборов, за свои религиозные искания был отлучен от церкви и сам имел сторонников - сектантов.

Сектантство с первых шагов своего существования стало антиподом официальной церкви, оно подрывало традиционные устои общества. Факт этот в полной мере осознавался государственной властью, признававшей важнейшую роль, которая принадлежала православию, как фактору, объединяющему общество в утверждении принципов высокой нравственности и в поддержке монархического строя. Поэтому светские и духовные институты были солидарны в борьбе с явлением сектантства.

Антисектантская деятельность государства и церкви показаны как процесс. Рассмотрение их политики на протяжении длительного времени, а именно XVIII-XIX веков, позволяет выделить те факторы, которые особенно сильно влияли на степень успешности борьбы против религиозных инакомыслящих.

В полной мере выявляется влияние государственных и церковных деятелей на характер и специфику борьбы с сектантством. Так, период, когда у власти был склонный к мистицизму Голицын А.Н., политика в отношении сектантов отличалась относительной либеральностью. Она была ужесточена с приходом к власти Николая I, когда значительным влиянием пользовался митрополит московский Филарет. Немаловажную роль в формировании политики в отношении религиозных инакомыслящих играли личности самих монархов, их отношение к религиозным вопросам.

Рассмотрение политики государства и церкви как процесса, позволяет полнее увидеть такую черту национального характера, как правоискательство, подчеркивает значимость религиозно-нравственных начал в жизни общества и отдельно человека.

Вместе с тем антисектантская политика государственной власти была лишь составной частью политики в отношении церкви в целом. Поэтому на ее

формирование также оказывали влияние абсолютистский характер власти и экономические интересы государства.

Процесс формирования антисектантской политики совершился на фоне огосударствления церкви. Государство поддерживало РПЦ в ее борьбе с отступниками. Но для эффективного противостояния им, церкви недоставало самостоятельности. Главным звеном антисектантской борьбы было приходское духовенство. Однако уровень его образования был невысок. А материальное положение ограничивало возможность заниматься этой сферой деятельности. К тому же в полной мере сохранялись социальные, экономические, аграрные и политические причины недоверия крестьянства к представителям церкви и светской власти.

В середине XIX века функции приходских священников по борьбе с сектантством были переложены на созданную внутреннюю миссионерскую службу. Однако последняя также не смогла наладить эффективную работу. Этому мешали неопределенность статуса миссионеров, отсутствие должного финансирования, а также то, что миссионеры набирались из числа священников и, соответственно, не вызывали доверия у сектантов. Многие миссионеры злоупотребляли полицейскими функциями, чем еще больше подрывали отношение в миссии.

Малой эффективности деятельности в сфере борьбы с сектантством способствовало и то, что она не была согласованной. Не уделялось должное внимание изучению вероучения сект, тщательному анализу причин отхода от православия. К тому же данные действия затруднялись скрытностью сектантов, их недоверием к представителям официальной власти. Недостаточная изученность сект мешала классифицировать их должным образом. Следствием этого стало отсутствиеной законодательной базы, касающейся сектантов.

Неясность законов и их оторванность от действительности, в свою очередь порождала произвол местных властей. Действие издававшихся законодательной властью постановлений нивелировалось, а сектанты либо еще

больше озлоблялись, либо с помощью денег задабривали священников и светское начальство.

Однако основным фактором малоуспешности антисектантской политики представляется другое – сохранение тех источников религиозно-нравственного плана, которые являлись причиной изначального распространения сектантства, устойчивость всего того, что касалось представлений о «вере истинной».

Таким образом, неуспешность антисектантской политики была обусловлена совокупностью обстоятельств, определяющих жизнь общества. Решение всего комплекса противоречий, мешавших должным образом противостоять религиозному инакомыслию, было возможным только при условии кардинальной перестройки российского общества, что является злободневным и поныне.

Приложение 1.**Таблица 1 Сравнительная таблица данных официальных отчетов за 1826 и 27 годы.³⁷⁹**

Пол	Субботник		Духоборы		Скопцы		Итого	
	и							
Год	1926 год	1927 год	1926 год	1927 год	1926 год	1927 год	1926 год	1927 год
Мужской	3576	2840	9458	12223	536	674	827721	82539
Женский	3262	2868	10268	12196	349	331		1
	6838	5708	19726	24419	885	1005		

Таблица 2 Официальные данные за 1837 год.³⁸⁰

Пол	Духоборы и молокане	Субботники	Скопцы
Мужской	10322	2852	1199
Женский	10000	2025	397
	20322	4877	1596

Таблица 3. Сравнение данных губернского отчета и сведений предоставленных лично губернаторами по запросу МВД касаемо количества скопцов.³⁸¹

Губерния	Данные губернского отчета за 1869 год	Данные о скопцах полученные от губернаторов
Иркутская	58	63
Калужская	95	139
Уфимская	3	65
Забайкальская обл.	8	7

Приложение 2

Таблица 1 Сравнение данных отчетов обер-прокурора Синода за 1836 и 1859 годы.³⁸²

	1836 год	1859 год	итог
1. Причастились и покаялись	28239996	3508109 7	+6841101
2. Покаялись без причащения	2014783	2196714	+181931
3. Имели важные причины	102853	819951	+717098
4. Малолетние	7126954	9232234	+2105280
5. Из них по нерадению	1486391 муж. 1347129 жен.	3417231 1	+1921471
6. Из них по наклонности к расколу	223897 муж. 269296 жен. 1,2 %	726982 1,4 %	+ 233789
Всего православных	40901299	51474209	+10572910

Таблица 2. Соотношение частных исследований и официальных цифр на 1863 год.³⁸³

Губерния	Официальные данные	Частные исследования
Московская	73.485	186000
Нижегородская	20246	172000
Саратовская	25834	125000
Самарская	28750	85194
Оренбургская	85150	145000
Ярославская	7454	278415
Новгородская	8436	68131
Олонецкая	385	18194

Приложение 3

Таблица 1. Распределение старообрядцев и сектантов по толкам по данным переписи 1897 года³⁸⁴

Регион	Общее количество			Рационалистиче ские секты		Мистические секты		Не указали толк		% от населения
	Муж.	Жен.	Σ	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Европейска я Россия	799218	928140	1727538	38645	38808	1811	2090	365702	411676	2,26
Привислин ская губ.	5947	3159	9106	166	11	17	-----	4559	2523	1,37
Кавказ	68241	67565	135806	39870	39117	173	171	22440	22547	2,95
Сибирь	114911	122700	237611	6461	6300	506	361	61730	65608	4,77
Ср. Азия	31066	32424	63490	906	761	5	5	6097	5904	9,8
Всего	1019675	1154063	2173738	85000	86060	2627	2512	508324	460778	2,49

Таблица 2 Сравнительные данные переписей населения 1858 и 1897 годов.³⁸⁵

Регион	Данные переписи 1858 года	Данные переписи 1897 года	Разница значений
Европейская Россия	759880	1727538	+967658
Кавказ	52814	135806	+82992
Сибирь	62538	237611	+175073
Общее кол-во:	875382	2100955	+1225573

Приложение 4.

Религиозные узники Спасо-Евфимьевого монастыря в г. Суздале³⁸⁶

Имя, фамилия	Социаль ное положение	Причина ссылки	Годы заточения	Раскаялся или нет
Алексей Еленский	камергер	член секты скопцов	1804— 1813	не раскаялся
Кирилл Разумовский	граф	«вольные мысли о нравственности и религии»	1808— 1822	раскаялся
Ириней	иеромон ах	«хула на святыни»	1815— 1818	- " -
Кондратий Селиванов	крестьян ин	основатель секты скопцов	1820— 1832	не раскаялся
Федор Уткин	рядовой	«отступление от православной веры»	1822— 1830	
Семен Дмитриев	- " -	член секты скопцов	1823— 1827	раскаялся
Филипп Федоров	- " -	- " -	- " -	- " -
Потап Копцов	- " -	- " -	- " -	- " -
Петр Савков	- " -	- " -	- " -	- " -
Федор Петров	- " -	- " -	1824— 1838	- " -

Алимпий Королько	подпоручик	«богохуление»	1826—1832	раскаялся
Авель	монах	пророчество	1826—1831	не раскаялся
Иван Балле	капитан	лютеранство	1827—1829	— " —
Сергей Михайлов	подпоручик	«заблуждение от чтения книг»	1827— 1833	- " -
Прохор Титов	крестьянин	член секты субботников	1828— 1837	- " -
К. Федоров	- " -	- " -	1828	- " -
Никифор Максимов	- " -	- " -	1828— 1831	раскаялся
Петр Федоров	- " -	член секты скопцов	1829	- " -
Ефим Гущин		член секты субботников	1830— 1831	не раскаялся
Евфимий	иеромонах	«неправильное толкование догматов веры»	1833— к 1850	— " —
Карп Петров	рядовой	«раскол»	1834	— " —
Досифей	иеромонах	член секты хлыстов	1834— к 1850	— " —
Семен Швецов	купец	член секты молокан	1835— к 1850	— " —
Александр Чернышев	священник	«юродство»	1835— к 1850	— " —
Михаил Тимофеев	крестьянин	«бессмысленное толкование	1838— 1870	— " —

		Апокалипсиса»		
Григорий Булгаков	однодворец	член секты молокан	1842— к 1860	— " —
Леонтий Круглоумов	мещанин	странныческий толк	1842— к 1850	— " —
Петр Поляков	унтер-офицер	«дерзость по расколу»	1843— к 1850	— " —
Федор Соловьев	священник	«венчание раскольничьих браков»	1848— к 1860	— " —
Василий Занегин	мешанин	«сектаторские толки»	1851— 1854	— " —
Иосиф Ленчевский	священник	«хула на православную церковь»	1850— 1872	— " —
Аким Усанов	мещанин	«сектаторские действия»	1854— 1870	— " —
Степан Ильин	пономарь	«религиозная мечтательность»	1855—1860	— " —
Арсений	монах	странник	— " —	— " —
Иван Лебедев	послушник	«побег к раскольникам»	1856— 1863	раскаялся
Осип Марков	купец	«раскол»	1856—1860	не раскаялся
Конон	священник	поповщина	1859—1860	— " —
Евфимий Кудряшев	мещанин	член сект молокан	1863	— " —
Иван Волков	крестьянин	ложное толкование священного писания	— " —	— " —

Максим Рудометкин	— " —	член секты духоборов	1874—1877	— " —
Василий Подгорный	— " —	член секты хлыстов	1892	— " —
Василий Рахов	— " —	шгундизм	1895— 1902	— " —
Федор Ковалев	— " —	убийство старообрядцев	1898— 1905	раскаялся
Федор Ганчез	— " —	член секты еноховцев	1901—1905	— " —
Алексей Калечин	— " —	— " —	1901—1905	— " —
Евфимий Егоров	— " —	— " —	— " —	— " —
Кузьма Мошков		— " —	1901 — 1902	

Приложение 5.

Таблица 1 Количество заключенных содержащихся в монастырях на 1837 год.³⁸⁷

Причина заключения	Количество человек
За вероотступничество	47
За богохульство	23
За непризнание власти	3
За нарушение присяги	2
За оскопление	1
За небытие у исповеди	190

Таблица 2 Сведения о числе преступников с 1822 по 1833 годы сосланных в Сибирь за преступления в вере предоставленные МВД.³⁸⁸

Вина	Mужч	Женщ	Итого
	ин	ин	
За богохульство, отступление от веры, ересь раскол	317	262	579
Святотатство	807	51	858
Оскопление	303	72	375

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ИСТОЧНИКИ

Опубликованные

- 1 Айвазов И.Г. Материалы для исследования мистических сект. Христовщина. Тт.1-3 М., 1916.
- 2 Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863.
- 3 Записка поданная духоборами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому М., 1871 год.
- 4 Записка с изложение извлеченных из дел святейшего Синода и канцелярии синодального обер-прокурора за последнее десятилетие сведений о действиях и распоряжениях духовного начальства по отношению к расколу. СПб., 1874 года.
- 5 Кельсиев В.И. Сборник правительственных сведений о расколе. Лондон., 1861 вып. 3
- 6 Материалы для статистики Российской Империи Министерства Внутренних Дел. СПб., 1839.
- 7 Материалы к истории изучения русского сектантства и раскола. Вып 1-5. СПб., 1908- 1909.
- 8 Материалы к истории русского сектантства и старообрядчества, 4 под ред. В.Д Бонч- Бруевича., СПб, 1872.
- 9 Надеждин Н. Исследование о скопческой ереси б.м. 1845;
- 10 Переписка К.П. Победоносцева с епископом Никанором // Русский архив 1915 №№7-8
- 11 Письма К.П. Победоносцева преосвященному Иллариону архиепископу Полтавскому // Русский архив 1916 год №№ 1-6
- 12 Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Царствование императора Павла I Петроград 1915

- 13 Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к сектантам. Вязники, 1888.
- 14 Российское законодательство X-XX веков. М., 1987. Т.6
- 15 Сборник законов о расколе. Чичинадзе 1890
- 16 Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре ведомства православного исповедания с 1720 по 1870 гг. СПб., 1870.
- 17 Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по Ведомству св. Синода. Кн.1 1714-1800. М., 1880.
- 18 Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858
- 19 Статистические таблицы Российской империи изданные по распоряжению МВД. б.м., 1863.

Неопубликованные

- 20 ОР РГБ ф.135/III к.14 ед.35 Короленко В.Г. Неплательщики.
- 21 ОР РГБ Ф.135/III к.32 ед.37 Короленко В.Г. Сектантство
- 22 ОР РГБ Ф.369 Бонч-Бруевич В.Д. к.44 ед.1 Движение среди русских крестьян так называемых духоборцев сосланных царским правительством в Закавказье с 1886 по 1902 год.
- 23 РГАДА ф.1431 ед.хр.1044,1045
- 24 РГАДА ф.1431 ед.хр.949
- 25 РГАДА. ф.7 ед.хр.334 ч.1-3
- 26 ЦИАМ ф. 131 оп. 9 д. 114 Переписка прокурора московской судебной палаты по делу о распространении скопческой секты
- 27 ЦИАМ ф. 131 оп. 9 д.131 Переписка прокурора московской судебной палаты о сектантстве.
- 28 ЦИАМ ф.131 оп.27 д.142 Переписка прокурора московской судебной палаты о лицах принадлежащих к sectam хлыстов, скакунов и шелапутов. 1870 год.

ЛИТЕРАТУРА

- 29 Абрамов А.Я. Статистические экспедиции 1850-х годов. Эпизод из истории раскола. СПб., 1883.
- 30 Айвазов И.Г. Материалы для исследования мистических сект. Христовщина. тт.1-3 М., 1916.
- 31 Айвазов И.Г. Миссионерская полемика изд.2, Харьков, 1907.
- 32 Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.
- 33 Акты исторические. СПб., 1842. тт.1,3,4,5.
- 34 Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
- 35 Андерсон В. Старообрядчество и сектантство СПб.
- 36 Анисимова Е. "Дыба и кнут".М.,1999.
- 37 Антонович В.Б. Колдовство. Материалы, процессы, исследования. СПб., 1877.
- 38 Аргентов А. Из беседы с молоканами. Нижний-Новгород, 1884
- 39 Архангелов С.А. Среди расколов и сект Поволжья. Историко-бытовые очерки раскола и сектантства СПб., 1899 год.
- 40 Архимандрит Израиль Обозрение русских раскольничих толков. Харьков, 1850.
- 41 Баженов Н.В. Историческая записка о скопческой секте в России в 1843-1870 гг // МО 1905,1
- 42 Базарянинов Н. Основные причины и сущность нашего сектантства // Миссионерское обозрение 1904, 1-5
- 43 Бальмонт. К. Радения белых голубей // Весы 1907, 9.
- 44 Барсов Е.В. Акты относящиеся к истории раскола в 18 столетии //Чт.ОИДР 1889 год кн.2
- 45 Барсов Н.И. Существовала ли в России инквизиция? СПб., 1892.
- 46 Барсов Н.И Духовные стихи (распевцы) секты людей Божьих. СПб., 1870.

- 47 Беликов В. Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу Казань 1895
- 48 Белокуров С.А. Дневальные записки Приказа тайных дел, 1765-1783 гг. М., 1908.
- 49 Беседы православного христианина с молоканами ч.1. Казань, 1877
- 50 Бирюков П.И. Духоборцы. Сборник статей, воспоминаний, писем и других документов. М., 1908.
- 51 Бобрищев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902 год
- 52 Бодянский А.М. Духоборцы. Сборник рассказов, писем, документов и статей по религиозным вопросам. вып. 1, Харьков 1907
- 53 Бонч-Бруевич В.Д Избранные сочинения т.1 М., 1959
- 54 Бонч-Бруевич В.Д. К истории русского духовенства // Образование 1905, окт-дек..
- 55 Буткевич Т.И Обзор русских сект и их толков. СПб 1915.
- 56 Буткевич Т.И Секта хлыстов // Миссионерское обозрение 1901, 11-12.
- 57 Были ли когда-нибудь в Соловецком монастыре подземные тюрьмы или погребы для колодников? // Архангельские губернские ведомости. 1872. №55.
- 58 Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863.
- 59 Введенский А. Борьба с сектантством. Одесса, 1914.
- 60 Вебер Макс Протестантская этика. М., 1987
- 61 Венедиков Д. Палачи в рясах. М., 1923.
- 62 Викторовский С.К. История смертной казни в России. М., 1912.
- 63 Виноградов И.Г. К статистике старообрядцев и сект в Тверской губернии // Тверское общество любителей истории, археологии и естествознания. вып. 1 Тверь, 1903.
- 64 Высотский Н.Г Критический обзор мнений по вопросу о происхождении хлыстовщины. // Миссионерское обозрение. 1903,11-20

- 65 Высотский Н.Г. Материалы из истории духоборческой секты. Сергиев Посад, 1914
- 66 Высшая администрация России XVIII века и генеральные прокуроры. СПб., 1866.
- 67 Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1951-59.
- 68 Голикова Н.Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII-XVIII вв.// Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.): Сб. ст. к 70-летию Б.Б.Кафенгауза. М., 1964.
- 69 Головачев П. У сибирских староверов и сектантов Тобольск, 1896
- 70 Горчаков М. Монастырский приказ. 1649-1725 гг. СПб., 1868.
- 71 Горчаков М.И. Инквизиция в восточной церкви // Юридическая летопись 1891, 12
- 72 Горчаков М.И. Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896
- 73 Грацианский Д. Что такое секта вообще и «рационалистическая» и «мистическая» – в частности.// Миссионерское обозрение 1904, 6-10
- 74 Грекулов. Е.Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964.
- 75 Громогласов И.М. III-ий всероссийский съезд. Сергиев-Посад, 1898.
- 76 Губин П. Скворцов В. Психологическая точка зрения на причины распространения сектантства и на способы и условия борьбы с ним. // Миссионерское обозрение 1900, 1-3.
- 77 Гурлянд И.Я. Приказ Великих Государевых Тайных Дел. Ярославль, 1902.
- 78 Гурлянд И.Я. Приказ сыскных дел // Сб. ст. по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904.
- 79 Дела Тайного приказа. Кн.1-4 // Русская историческая библиотека т.21-23;38. СПб 1904, 1907, 1908, 1926.
- 80 Добролюбов А. Сочинения. Из книги невидимой. Берклей, 1983
- 81 Добромыслов П. Несколько слов о современной хлыстовщине (по поводу тарусского дела о хлыстах) // Миссионерский сборник. М.,1895
- 82 Добротворский И. Люди Божьи. Казань, 1869.

- 83 Дородишин А. Миссионерство, секты и раскол // Миссионерской обозрение 1899, 1-3.
- 84 Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Харьков, 1994.
- 85 Еп. Иаков Увещевание молокан. М., 1843.
- 86 Ерошкин Н.П. История государственных дореволюционных учреждений России. М., 1983.
- 87 Есипов Г.В. Люди старого века. Рассказы про дело Преображенского приказа и приказа Тайных дел. СПб., 1880.
- 88 Есипов Г.В. Раскольничьи дела в XVIII столетии. т.1-2, СПб., 1861-1863.
- 89 Законы о раскольниках и сектантах. М., 1897.
- 90 Записка поданная духоборами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому М., 1871 год.
- 91 Записка с изложение извлеченных из дел святейшего Синода и канцелярии синодального обер-прокурора за последнее десятилетие сведений о действиях и распоряжениях духовного начальства по отношению к расколу. СПб., 1874 года.
- 92 Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. т.2 СПб., 1861.
- 93 Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970.
- 94 Злотина Т.В. Десакрализация форм общественного сознания России XVIII столетия (взаимосвязь процессов секуляризации и гуманизации) М., 1989.
- 95 Знаменский П.В. История русской церкви М., 1996
- 96 Знаменский И. Приходское духовенство в России в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880.
- 97 Иванов А.П. Соловецкая монастырская тюрьма. Соловки, 1927.
- 98 Иванов В.И. Монастырские хозяйствственные книги. (К методике источниковедческого анализа) // Молодые обществоведы Москвы – Ленинскому юбилею. М., 1982.

- 99 Ивановский Н. Имеет ли наше внутренне противораскольническое и противосектантское миссионерство будущность? // Миссионерское обозрение 1898, 1-5
- 100 Иеромонах Платон Собрание проповедей митрополита Платона. т.8 СПб., 1910
- 101 Из истории миссионерского противораскольничьего братства св. Иоанна Богослова в Калуге // Очерки по истории и культуре Калужского края. Калуга, 1996.
- 102 Износков И.А. Миссионерская деятельность сельского духовенства Казанской епархии. Казань, 1892.
- 103 История российской церкви. Рассмотрение ее быта и деятельности первой половины XVII-н. XVIII столетия. Б.м. 1884.
- 104 К истории русского духоборчества // Образование, 1905, сент.
- 105 Кальнев М. Значение молитвенных песнопений сектантов в деле пропаганды их лжеучений. // Миссионерское обозрение 1904, 11-15.
- 106 Кальнев М. Почему православные отпадают в сектантство // Миссионерское обозрение 1906, 3
- 107 Касьянова. К. О русском национальном характере. М., 1994.
- 108 Кельсиев В.И. Сборник правительственных сведений о расколе. Лондон, 1861 тт.1-3.
- 109 Киевский собор 1884 года. Записки архиепископа Никанора. // Русский архив 1908, 8, 9
- 110 Клеандров М.О чем и как в настоящее время полезнее всего вести борьбу с сектантами. // Миссионерское обозрение 1899, 1-5.
- 111 Клеандрова В.М. Введение к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X-XX вв. в 9-ти томах, М., 1988, т.6.
- 112 Клибанов А.И Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973.
- 113 Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М., 1978.

- 114 Козлов В.Ф. Москва миссионерская. // Московский журнал 1997, 8-9.
- 115 Кокарева Т.В. Монастырские тюрьмы как место заточения старообрядцев и сектантов в XIX веке. М., 2001.
- 116 Колчин М. Ссыльные и заточенные в Соловецком остроге в 16-19 вв. М., 1908.
- 117 Кони А.Ф. На жизненном пути т.1 СПб., 1912 год.
- 118 Коновалов Д.Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев Посад, 1908.
- 119 Косик В.И. Просветительская деятельность православных братств на территории России // Педагогика 1994 №6
- 120 Котович Ал. Духовная цензура в России (1799-1855) СПб., 1909.
- 121 Крывелев И.А История религии. тт.1,2 М.,1976.
- 122 Кузнецова Т.Н. Опыт противосектанской деятельности православной церкви в конце XIX – начале XX века. // Миссионерское обозрение 2000, 10-12.
- 123 Куликовский Д. Секта людей божьих. // Слово 1878, 4.
- 124 Кутепов Секты хлыстов и скопцов Казань 1882.
- 125 Лебедев Анфиан С. Протестантизм и протестанты в России до эпохи преобразований. Историческое исследование Дм. Цветаева. М., 1890. СПб., б.г.
- 126 Лебединцев Ф.Г. Братства, их прежняя и нынешняя судьба и значение. Киев., 1862.
- 127 Левитин А.Е. Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты М., 1996
- 128 Леонид, архимандрит. Изъяснение раскола, именуемого христовщина или хлыстовщина // Чт.ОИДР, 1874, 3
- 129 Ливанов А.А. Рационализм русских сект // Всемирный труд 1868, 2
- 130 Липарди И. Краткое обозрение русских расколов, ересей, сект. // Чт.ОИДР 1870, кн.2

- 131 Майнов В.н. Скопческий ересиарх Кондратий Селиванов: Ссылка его в Спасо-Ефимьев монастырь.//ИВ. 1880. Т.4
- 132 Макаревский М.И Добромыслов П.П. З-ий Всероссийский миссионерский противораскольничий и противосектантский съезд в городе Казани 22.07-06.08.1897 года. Рязань, 1898.
- 133 Макаров Г. Русская церковь в эпоху торгового капитала. М., 1830.
- 134 Максимов С.В Политические и государственные преступники // Собрание сочинений. 4-е изд. СПб.; б.г. Т.3. ч 3.
- 135 Максимов С.В. Сибирь и каторга // Собр. Соч. 4-е изд. СПб., б.г. Т.1. ч.1.
- 136 Мамсик Т.С. Радикальный протестантизм и русский раскол в контексте мировых реформ процессов эпохи великих переселений // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX веках? Общее и особенное. Новосибирск 2001.
- 137 Мариупольский И. Внутренняя миссия в Тамбовской епархии за последнюю четверть истекшего столетия. СПб., 1905.
- 138 Марков В.С. К истории раскола старообрядчества 2-ой половины XIX века. М., 1914
- 139 Материалы для истории православного российского миссионерства. вып. 2,3 М., 1894.
- 140 Мейер А.А. Религиозный смысл мессианства // Вопросы философии, 1992, 7.
- 141 Мельгунов С.П. Религиозно-общественные движения XVII-XVIII веков в России. М., 1922.
- 142 Мельников П.И. Материалы по истории хлыстов и скопцов. Отделение третье, правительственные распоряжения, выписки и записки о скопцах до 1826 года // Чт.ОИДР,1872, кн.3.
- 143 Мельников Павел (Андрей Печерский) На горах. М.,1998.
- 144 Мережковский Д.С. Революция и религия // Русская мысль, 1907, 2,3.

- 145 Мигунова Г.Л. Правосознание церковнослужителей II половины XVIII века//Старообрядчество светское и церковное законодательство XVII-XVIII веков. Арзамас 2001 год.
- 146 Милюков П. Традиционная религия и свободная мысль // Современные записки, 1928, 37.
- 147 Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры т.2, ч.1 1994
- 148 Мировосприятие и самосознание русского общества (XI-XX вв.). М., 1994.
- 149 Миссионерское обозрение 1902, 1-6
- 150 Митрополит Григорий. Практические наставления митрополита Григория пастырям по предмету спасительного действования на раскол. Редакция Аполлона Можаровского. Киев, 1880
- 151 Митрохин Л.Н Была ли реформация в России?//. Российская цивилизация Этнокультурный и духовный аспекты. М., 1998
- 152 Молостова Е.В. Иеговисты. Жизнь и сочинения Н.С. Ильина. Возникновение секты и ее развитие. СПб., 1912.
- 153 Муратов М.В. Духоборцы в Восточной Сибири в I половине XIX века. Иркутск, 1923.
- 154 Муратов М.В. Духоборцы Иркутской губернии. СПб., 1899.
- 155 Муратов М.В. К изучению старообрядчества и сектантства в Сибири. Иркутск, 1923.
- 156 Муратов М.В. песни людей Божьих. М., 1916.
- 157 Надеждин Н.И. Исследование о скопческой ереси. СПб., 1845
- 158 Народное антицерковное движение в России XVII века: Документы Приказа Тайных дел о раскольниках 1665-1667 гг. М., 1986.
- 159 Наставление правильно состязаться с раскольниками. изд. 7-ое, М., 1855.
- 160 Наставления отпавших от церкви в sectу молоканскую. СПб., 1835.
- 161 Наставления священников относительно заблуждающихся от истины веры. СПб., 1834.
- 162 Неволин К. О пространстве царского суда в России. СПб., 1847.

- 163 Недзелинский И. Штундизм, причины появления и разбор учения его. Изд. 2ое СПб., 1899 год.
- 164 Никандрова М. Революционное народничество и сектантство // Наука и религия, 1966, 11.
- 165 Николин А. (свящ.) Церковь и государство (история правовых отношений) М., 1997
- 166 Никольский Н.К. Белозерский монастырь. СПб, 1897. Т. 1.
- 167 Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983.
- 168 Никольский Симеон Отчет ставропольского епархиального противораскольничего миссионера за вторую половину 1896 года. Ставрополь, 1897.
- 169 Никонов А.Б. Критический анализ миссионерской деятельности Русской православной церкви. Л., 1988.
- 170 Новицкий О. О духоборцах. Киев 1832.
- 171 Новицкий О. Духоборы. Их история и вероучение. изд 2ое, Киев, 1882
- 172 О скопцах СПб., 1819.
- 173 О церковном судостроительстве в древней России. СПб., 1874.
- 174 Обряды духоборцев // Живая старина 1905.
- 175 Общество ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае. Вильна 1971 г.
- 176 Остроумов Н.И. Новейшие мистические секты и православная миссия. Рязань, 1910.
- 177 Отечественная духовность: истоки и сущность российского менталитета. СПб., 1994.
- 178 Папков А.А. Упадок православного прихода. М., 1899.
- 179 Пеликан Е. Судебно-медицинские исследования скопчества и исторические сведения о нем. СПб 1872.
- 180 Перевезенцев С.В. Тайны русской веры. От язычества к империи. М., 2001.

- 181 Письма К.П. Победоносцева преосвященному Иллариону архиепископу Полтавскому//Рус архив 1916 год, 1-6
- 182 Переписка К.П. Победоносцева с епископом Никанором. // Русский Архив 1915, 7-8
- 183 Платонов К.К. Психология религии. М., 1967.
- 184 Победоносцев К.П. Материалы для истории приказного делопроизводства в России. М., 1890.
- 185 Подмазов А.А. Церковь без священства. Рига, 1973.
- 186 Подосенов О.П. Законодательство о каторге и ссылке в России XVIII в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири: Сб. ст. Иркутск, 1982.
- 187 Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. т.8 1733-1734 гг. СПб, 1898
- 188 Полунов А.Ю Государство и религиозное инакомыслие в России (1880-1890гг) // Россия и реформы вып. 3 М., 1955.
- 189 Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III М., 1996
- 190 Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России собранные офицерами генерального штаба Калужской губернии. ч.1, СПб., 1864.
- 191 Потоцкий П. Заботы русских пастырей церкви о развитии просвещения и проповедничества среди белого духовенства в эпоху императрицы Екатерины II. Казань, 1909.
- 192 Пругавин А.С. «Братцы» и трезвенники Из области религиозных исканий. М., 1912
- 193 Пругавин А.С. Немоляки. б.м. 1883
- 194 Пругавин А.С. Неприемлющие мира. М., 1918
- 195 Пругавин А.С. Петропавловская крепость. Ростов-на-Дону, 1906

- 196 Пругавин А.С. Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крепости. Ростов-на-Дону, 1904.
- 197 Пругавин А.С. Раскол вверху и внизу. СПб, 1912.
- 198 Пругавин А.С. Религиозные отщепенцы. вып.1-2, СПб., 1904
- 199 Пругавин А.С. Сютаевцы. СПб., 1910.
- 200 Пругавин А.С. В казематах. Очерки и материалы по истории русских тюрем. Шлиссельбург, Сузdalская тюрьма, Петропавловская крепость. СПб., 1909.
- 201 Пругавин А.С. Вредные секты. б.г.б.м.
- 202 Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. М., 1906.
- 203 Пругавин А.С. О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства. М., 1905
- 204 Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века М., 1917.
- 205 Пругавин. А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М.,1905 .
- 206 Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам.
Разработанное центральным статистическим комитетом МВД. СПб., 1901.
- 207 Рейснер М.А. Духовная полиция в России. СПб.-М., б.г.
- 208 Реморов В. Веро-нравоучение и культ хлыстов в центре России //
Миссионерской обозрение 1900, кн. 7-12
- 209 Реутский Н.В. Люди Божие и скопцы. Историческое исследование М.1872
- 210 Рогожкин Николай Михалович. Документы ЦГАДА по истории церкви и патриаршества // 400-х летие учреждения патриаршества в России. Roma: Herder 1991.
- 211 Розанов В. Апокалиптическая секта (хлысты и скопцы). СПб., 1914
- 212 Розыскное дело Квирина Кульмана 1689 года, 26 мая-29 октября //Чт.ОИДР.1883. Кн.3.
- 213 Российское законодательство. М., 1986 Т.2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства; Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма

- 214 Россия. МВД. Департамент общих дел. СПб. 1890.
- 215 Россия. Министерство юстиции. Московский архив. М., 1889, вып.1
- 216 Руднев Н. Рассуждение о ересях и расколах. М., 1838
- 217 Руководственные для православного духовенства указы святейшего Синода 1721-1878 М., 1879.
- 218 Румянцева В.С. Ересь Капитона и православная церковь в 40-80е гг. XVII века // Религии мира. М., 1984.
- 219 Савельев С.Н. Московский централизм и клерикальный этатизм: кризисные явления в православной церкви XVI-XVII вв. // Православие в Древней Руси. Л., 1889.
- 220 Сборник сведений о православных миссионерах и деятельности миссионерского общества. кн.1-2, М., 1871.
- 221 Священник. Георгий Чайкин. Современные искания в русском сектантстве (опыт сектантской идеологии) // Миссионерское обозрение, 1913, 5.
- 222 Синявский А. Иван дурак. М., 2001.
- 223 Смолин И. Современная поволжская хлыстовщина // Миссионерское обозрение 1899, кн.4.
- 224 Снегирев Н.М. Основатели секты «Людей Божьих» лжехристы Суслов и Прокопий Лупкин. // Братское слово 1876, кн.4, 8.
- 225 Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам М., 1886
- 226 Соловьев В.С. О расколе и сектантстве // МО 1900, 7-12.
- 227 Советский энциклопедический словарь. изд.3, М., 1985.
- 228 Списки архиереев Иерархии всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Св. Православного Синода (1721-1895) СПб., 1896.
- 229 Статистические таблицы Российской империи вып 2 Спб 1863
- 230 Старообрядчество. История, традиции, современность. Вып. 1-5 М., 1994

- 231 Старухин И.А. Организация и деятельность противораскольничьего братства св. Дмитрия Ростовского // Алтайский сборник вып. 18 Барнаул 1997.
- 232 Сузdal' и его достопримечательности. Сузdal', 1912.
- 233 Тамбовские хлысты // Миссионерское обозрение 1900, 1-3.
- 234 Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1970.
- 235 Увещевание охладевшим и отступникам. СПб. 1819.
- 236 Уймович-Понамарев П.. Земледельческое братство как обычно-правовой институт сектантов, // Северный вестник, 1886,10.
- 237 Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998.
- 238 Ушаков А.В. Сектантство как форма крестьянского протesta в России в конце XIX- начале XX века // Вопросы отечественной истории. М., 1996
- 239 Фармаковский В. О противогосударственном элементе в расколе – Отечественные записки, 1886, 23
- 240 Фруменко Г.Г. Соловецкий монастырь в XVI-XVIII веках как секретная государственная тюрьма и пограничная военная крепость Русского государства. Архангельск. 1966.
- 241 Христианство и церковь в России феодального периода (Материалы). Новосибирск, 1989.
- 242 Цветаев Д. Памятники к истории протестантизма // Чт.ОИДР 1883 год, кн.3
- 243 Цветаев Дм. Протестантизм и протестанты в России до эпохи преобразований. Историческое исследование Дм. Цветаева. М., 1890.
- 244 Центральный архив древних актов Москва. Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись 1495-1718. М., 1972.
- 245 Чельцов М. Секта хлыстов. Кишинев, 1899.
- 246 Чельцов М., Краткие сведения о старообрядческом расколе и о сектах в русской церкви с изложением действующего о них законодательства. М., 1900.

- 247 Черникова Т.В. «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны // ИСССР. 1889. № 5.
- 248 Черкасов А.Т. Сказания о людях тайги. Красноярск, 1966
- 249 Чистович И.А. Дело о богопротивных сбирающих и действиях. М., 1887.
- 250 Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1878.
- 251 Чулицкий М. Ф. О сибирской девке Ирине Ивановой, имевшей в себе дьявольское наваждение // РС. 1913. Т.155
- 252 Шаляпин С.О. Монастырские ссылки в России 15-18 вв. (по материалам Архангельского севера). Архангельск, 1998.
- 253 Шаляпин С.О. Проблемы истории монастырской ссылки в русской историографии XIX – н. XX века // «Слово о людях и земле Поморской» вып.2. Архангельск 1995.
- 254 Шульгин В.С. Движения оппозиционные официальной церкви в России в 30-60е гг. XVII века. М., 1967.
- 255 Щербич С.Н. История монастырей Тобольской епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Опыт социокультурного исследования. Тюмень, 2001.
- 256 Энгельштейн Лора Скопцы и царство небесное. М., 2002.
- 257 Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998.
- 258 Юнг К. Бог и бессознательное. М., 1998 год.
- 259 Тясевич-Бородаевская В.И. Борьба за веру. СПб., 1912 .

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Эткинд А. Хлыст. Секты, Литература и революция. М., 1998 с.3
- ² Советский энциклопедический словарь. изд.3, М., 1985. С.1184
- ³ ¹ Кузнецова Т.Н. Опыт противосектантской деятельности православной церкви в конце XIX – начале XX века. // Миссионерское обозрение 2000, №№10-12. С.20
- ⁴ Законы о раскольниках и сектантах. М., 1897.; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи т.8 1733-1734 гг. СПб, 1898; Сборник законов о расколе. Чичинадзе 1890; и др.
- ⁵ Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863.
- ⁶ Кони А.Ф. На жизненном пути. Т.1., СПб., 1912;
- ⁷ Бобрищев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902.
- ⁸ Бобрищев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902; Кони А.Ф. На жизненном пути. Т.1., СПб., 1912; Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863; Кельсиев В.И. Сборник правительственные сведений о расколе. Лондон., 1861; и пр.
- ⁹ Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам. Вязники 1888;
- ¹⁰ Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре ведомства православного исповедания с 1720 по 1879 год. СПб., 1870.
- ¹¹ Материалы для статистики Российской Империи Министерства Внутренних Дел. СПб., 1839; Статистические таблицы Российской империи изданные по распоряжению МВД. б.м., 1863.
- ¹² Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. Разработанное центральным статистическим комитетом МВД. СПб., 1901.
- ¹³ Попроцкого М.«Материалы для географии и статистики России собранные офицерами генерального штаба Калужской губернии. ч.1, СПб., 1864.
- ¹⁴ Кельсиев В.И. Сборник правительственные сведений о расколе. Лондон., 1861
- ¹⁵ Пругавин А.С. О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства. М., 1905
- ¹⁶ Виноградов И.Г. К статистике старообрядчества и сект в тверской губернии // Тверское общество любителей истории, археологии и естествознания. вып.1, Тверь, 1903.
- ¹⁷ Макаревский М.И Добромыслов П.П. 3-ий Всероссийский миссионерский противораскольничий и противосектантский съезд в городе Казани 22.07-06.08.1897 года. Рязань, 1898; Громогласов И.М. III-ий Всероссийский миссионерский съезд. Сергиев Посад, 1898 и др.,
- ¹⁸ Сборник сведений о православных миссионерах и деятельности миссионерского общества. кн.1-2, М., 1871; Материалы для истории православного российского миссионерства. вып. 2,3 М., 1894; Мариупольский И. Внутренняя миссия в Тамбовской епархии за последнюю четверть истекшего столетия. СПб., 1905.
- ¹⁹ Айвазов И.Г. Миссионерская полемика изд.2, Харьков, 1907, Головачев П. У сибирских староверов и сектантов Тобольск, 1896; Аргентов А. Из беседы с молоканами. Нижний-Новгород, 1884; Беседы православного христианина с молоканами ч.1. Казань, 1877 и др.
- ²⁰ Никольский Симеон Отчет ставропольского епархиального противораскольничего миссионера за вторую половину 1896 года. Ставрополь, 1897
- ²¹ Айвазов И.Г. Материалы для исследования мистических сект. Христовщина. Тт.1-3 М., 1916.
- ²² Айвазов И.Г. Материалы для исследования мистических сект. Христовщина. Тт.1-3 М., 1916; Надеждин Н. Исследование о скопческой ереси б.м. 1845; Мельников П.И. Материалы по истории хлыстов и скопцов. Отделение третье, правительственные распоряжения, выписки и записки о скопцах до 1826 года // Чт.ОИДР,1872, кн.3. и др.
- ²³ Мельников П.И. Материалы по истории хлыстов и скопцов. Отделение третье, правительственные распоряжения, выписки и записки о скопцах до 1826 года // Чт.ОИДР,1872, кн.3.
- ²⁴ Высотский Н.Г. Материалы из истории духоборческой секты. Сергиев Посад, 1914
- ²⁵ Письма К.П. Победоносцева преосвященному Иллариону архиепископу Полтавскому // Русский архив 1915 № 6-8, 1916 №№1-6
- ²⁶ Ясевич-Бородаевская В.И. Борьба за веру. СПб., 1912 Пругавин А.С в своих многочисленных работах см. список литературы; Панкратов А.С. Ищущие Бога; Молостова Е.В. Иеговисты. Жизнь и сочинения Н.С. Ильина. Возникновение секты и ее развитие. СПб., 1912.
- ²⁷ Кальнев М. Значение молитвенных песнопений сектантов в деле пропаганды их лжеучений// Миссионерское обозрение 1904, 11-15; Бодянский А.М. Духоборцы. Сборник рассказов, писем, документов и статей по религиозным вопросам. вып. 1, Харьков 1907; Бирюков П.И. Духоборцы. Сборник статей, воспоминаний, писем и других документов. М., 1908; Барсов Н.И Духовные стихи (распевы) секты людей Божьих. СПб., 1870; Муратов М.В. песни людей Божьих. М., 1916 и др.
- ²⁸ Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. т.2 СПб., 1861.

- ²⁹ Бонч-Бруевич В.Д. Сведения по исследованию и изучению русского сектантства и раскола вып.1-3 СПб 1908-1911
- ³⁰ Бонч-Бруевич В.Д Животная книга духоборцев. СПб., 1909
- ³¹ Веригин П.В. Письма духоборческого руководителя П.В. Веригина б.м. 1901 г.
- ³² Надеждин Н.И. Исследование о скопческой ереси. СПб., 1845 с.60
- ³³ Надеждин Н. Исследование о скопческой ереси б.м. 1845
- ³⁴ Письма К.П. Победоносцева преосвященному Иллариону архиепископу Полтавскому // Русский архив 1916 №№1-6
- ³⁵ РГАДА. Ф.7, 1431; ЦИАМ ф.131 и пр.
- ³⁶ РГАДА. Ф.7 ед.хр.334 ч.1
- ³⁷ ЦИАМ ф.131 оп.27 д.142
- ³⁸ ЦИАМ ф.131, оп. 9, д. 114
- ³⁹ Айазов И.Г. Материалы для исследования мистических сект. Христовщина. Тт.1-3 М., 1916; Кельсиев В.И. Сборник правительенных сведений о расколе. Лондон., 1861 тт.1-3. и др.
- ⁴⁰ Добротворский И. Люди Божьи. Казань, 1869.
- ⁴¹ Рейтский Н.В. Люди Божие и скопцы. Историческое исследование М.1872
- ⁴² Кельсиев В.И. Сборник правительенных сведений о расколе. Лондон., 1861 тт.1-3.
- ⁴³ Ливанов А.А. Рационализм русских сект // Всемирный труд 1868, 2
- ⁴⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры т.2, ч.1 1994
- ⁴⁵ Барсов Н.И. Существовала ли в России инквизиция? СПб., 1892.
- ⁴⁶ Пеликан Е. Судебно-медицинские исследования скопчества и исторические сведения о нем. СПб 1872.
- ⁴⁷ Надеждин Н.И. Исследование о скопческой ереси. СПб., 1845
- ⁴⁸ Кельсиев В.И. Сборник правительенных сведений о расколе. Лондон., 1861 тт.1-3.
- ⁴⁹ Новицкий О. Духоборы. Их история и вероучение. изд 2ое, Киев, 1882
- ⁵⁰ Айазов И.Г. Миссионерская полемика изд.2, Харьков, 1907.; Еп. Иаков Увещевание молокан. М., 1843.; Износков И.А. Миссионерская деятельность сельского духовенства Казанской епархии. Казань, 1892.; Кудрявцев А.Н. Краткий очерк русской миссионерской деятельности вообще и православного миссионерского общества в особенности. Одесса, 1885.; Мариупольский И. Внутренняя миссия в Тамбовской епархии за последнюю четверть истекшего столетия. СПб., 1905.; Материалы для истории православного российского миссионерства. вып. 2,3 М., 1894.; и др.
- ⁵¹ Веденский А. Борьба с сектантством. Одесса 1914.
- ⁵² Кальнев М. Почему православные отпадают в сектантство // Миссионерское обозрение 1906 №3
- ⁵³ Остроумов Н.И. Новейшие мистические секты и православная миссия. Рязань 1910
- ⁵⁴ там же с.132
- ⁵⁵ Губин П. Скворцов В Психологическая точка зрения на причины распространения сектантства и на способы и условия борьбы с ним. // Миссионерское обозрение 1900, 1-3,
- ⁵⁶ Ивановский Н. Имеет ли наше внутренне противораскольническое и противосектантское миссионерство будущность? // Миссионерское обозрение 1898 №1-5
- ⁵⁷ Клеандров М.О чем и как в настоящее время полезнее всего вести борьбу с сектантами. // Миссионерское обозрение 1899 № 1-5). Извдаемые примеры удачных проповедей (Аргентов А. Из беседы с молоканами. Нижний-Новгород, 1884; Митр Григорий. Практические наставления митрополита Григория пастырям по предмету спасительного действия на раскол. Редакция Аполлона Можаровского. Киев, 1880; Наставление правильно состязаться с раскольниками. изд. 7-ое, М., 1855; Наставления отпавших от церкви в sectу молоканскую. СПб., 1835; Наставления священников относительно заблуждающихся от истины веры. СПб., 1834 и др.
- ⁵⁸ Кони А.Ф. На жизненном пути т.1 СПб., 1912 год.
- ⁵⁹ Были ли когда-нибудь в Соловецком монастыре подземные тюрьмы или погребы для колодников? // Архангельские губернские ведомости. 1872. №55; Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. М., 1906; Колчин М. Ссыльные и заточенные в Соловецком остроге в 16-19 вв. М., 1908
- ⁶⁰ Абрамов А.Я. Статистические экспедиции 1850-х годов. Эпизод из истории раскола. СПб., 1883. Виноградов И.Г. К статистике старообрядцев и сект в Тверской губернии // Тверское общество любителей истории, археологии и естествознания. вып.1 Тверь, 1903.; Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России собранные офицерами генерального штаба Калужской губернии. ч.1, СПб., 1864.; Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. Разработанное центральным статистическим комитетом МВД. СПб., 1901.;
- ⁶¹ Виноградов И.Г. К статистике старообрядцев и сект в Тверской губернии // Тверское общество любителей истории, археологии и естествознания. вып.1 Тверь, 1903
- ⁶² Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России собранные офицерами генерального штаба Калужской губернии. ч.1, СПб., 1864.;
- ⁶³ Мельников Павел (Андрей Печерский) На горах. М.,1998.
- ⁶⁴ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983.

- ⁶⁵ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983. С.269
- ⁶⁶ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М., 1978.
- ⁶⁷ Венедиков Д. Палачи в рясах. М., 1923; Грекулов. Е.Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964; Иванов А.П. Соловецкая монастырская тюрьма. Соловки. 1927; Фруменко Г.Г. Соловецкий монастырь в XVI-XVIII веках как секретная государственная тюрьма и пограничная военная крепость Русского государства. Архангельск. 1966.
- ⁶⁸ Грекулов. Е.Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964;
- ⁶⁹ Иванов А.П. Соловецкая монастырская тюрьма. Соловки. 1927; Фруменко Г.Г. Соловецкий монастырь в XVI-XVIII веках как секретная государственная тюрьма и пограничная военная крепость Русского государства. Архангельск. 1966.
- ⁷⁰ Фруменко Г.Г. Соловецкий монастырь в XVI-XVIII веках как секретная государственная тюрьма и пограничная военная крепость Русского государства. Архангельск. 1966.
- ⁷¹ Барсов Н.И. Существовала ли в России инквизиция? СПб., 1892
- ⁷² Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1951-59;
- ⁷³ Голикова Н.Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII-XVIII вв./ Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.): Сб. ст. к 70-летию Б.Б. Кафенгауза. М., 1964
- ⁷⁴ Подосенов О.П. Законодательство о каторге и ссылке в России XVIII в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири: Сб. ст. Иркутск, 1982
- ⁷⁵ Никандровой М. Революционное народничество и сектантство // Наука и религия, 1966, №11.
- ⁷⁶ А.Ю Полунов Государство и религиозное инакомыслие в России (1880-1890гг) // Россия и реформы вып. 3 М., 1955
- ⁷⁷ Полунов А.Ю Государство и религиозное инакомыслие в России (1880-1890гг) // Россия и реформы вып. 3 М., 1955. С.145
- ⁷⁸ Отечественная духовность: истоки и сущность российского менталитета. СПб., 1994; Перевезенцев С.В. Тайны русской веры. От язычества к империи. М., 2001; Мамсик Т.С. Радикальный протестантизм и русский раскол в контексте мировых реформ процессов эпохи великих переселений // Фронтir в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX веках? Общее и особенное. Новосибирск 2001
- ⁷⁹ Перевезенцев С.В Тайны русской веры. М., 2001
- ⁸⁰ Евреинов Н. История телесных наказаний в России. М., 1994
- ⁸¹ Анисимов Е. Дыба и кнут. М., 1999
- ⁸² Акишина М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.
- ⁸³ Шаляпин С.О. Монастырские ссылки в России 15-18 вв. (по материалам Архангельского севера). Архангельск, 1998; Шаляпин С.О. Проблемы истории монастырской ссылки в русской историографии XIX – н. ХХ века // «Слово о людях и земле Поморской» вып.2. Архангельск 1995
- ⁸⁴ Никонов А.Б. Критический анализ миссионерской деятельности Русской православной церкви. Л., 1988; Старухин И.А. Организация и деятельность противораскольничьего братства св. Дмитрия Ростовского // Алтайский сборник вып. 18 Барнаул 1997
- ⁸⁵ Кузнецова Т.Н. Опыт противосектантской деятельности православной церкви в конце XIX – начале XX века. // Миссионерское обозрение 2000, №№10-12. С.86
- ⁸⁶ Ушаков А.В. Сектантство как форма крестьянского протesta в России в конце XIX- начале XX века // Вопросы отечественной истории. М., 1996 с.45
- ⁸⁷ Энгельштейн Лора Скопцы и царство небесное. М., 2002
- ⁸⁸ Синявский А. Иван дурак. М., 2001 с.388
- ⁸⁹ Головачев П. У сибирских староверов и сектантов Тобольск, 1896 с.15
- ⁹⁰ Макаров Г. Русская церковь в эпоху торгового капитала. М., 1830 сс.118-123
- ⁹¹ Бобрищев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902 год сс.5-10.
- ⁹² Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863. с.457
- ⁹³ Письма К.П. Победоносцева преосвященному Иллариону архиепископу Полтавскому // Русский архив 1916 год №№ 1-6 с.153
- ⁹⁴ Записка с изложением извлеченных из дел святейшего Синода и канцелярии синодального обер-прокурора за последнее десятилетие сведений о действиях и распоряжениях духовного начальства по отношению к расколу. СПб., 1874 года.с.7
- ⁹⁵ Соловьев В.С. О расколе и сектантстве // МО 1900 г. №№ 7-12. С. 684
- ⁹⁶ Миссионерское обозрение (далее МО), 1904 год №1 с.19
- ⁹⁷ там же с. 23
- ⁹⁸ там же с.32
- ⁹⁹ Губин П. Скворцов В. Психологическая точка зрения на причины распространения сектантства и на способы и условия борьбы с ним. // МО 1900, №№1-3с.508
- ¹⁰⁰ Кальнев П. Почему православные отпадают в сектантство //МО 1906 год №3
- ¹⁰¹ Материалы к истории изучения русского сектантства и раскола. Вып 1-5. СПб., 1908 - 1909 с.104

- ¹⁰² Синявский А. Иван дурак. М., 2001
- ¹⁰³ Панкратов А Ищущие Бога, ч. 1, Москва, 1911 г. стр. 7—8.
- ¹⁰⁴ Кельсиев В.И. Сборник правительственныех сведений о расколе. Лондон., 1861 т.2 с.23
- ¹⁰⁵ Кельсиев В.И. Сборник правительственныех сведений о расколе. Лондон., 1861 т.2. с.18
- ¹⁰⁶ МО 1901 год №3 с.12
- ¹⁰⁷ Миссионерский Сборник 1891 год №№1-2 Рязань с.12
- ¹⁰⁸ Недзелинский И. Штундизм, причины появления и разбор учения его. Изд. 2ое СПб., 1899 год с.16
- ¹⁰⁹ Миссионерский Сборник 1891 год №№1-2 Рязань сс.10-11
- ¹¹⁰ Кони А.Ф. На жизненном пути т.1 СПб., 1912 год.с.546
- ¹¹¹ Миссионерский Сборник 1891 год №№1-2 Рязань сс.15
- ¹¹² Кельсиев В.И. Сборник правительственныех сведений о расколе. Лондон., 1861 т.2 с.13
- ¹¹³ Записка с изложение извлеченных из дел святейшего Синода и канцелярии синодального обер-прокурора за последнее десятилетие сведений о действиях и распоряжениях духовного начальства по отношению к расколу. СПб., 1874 года.сс. 255-256
- ¹¹⁴ Записка поданная духоборами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому М., 1871 год.сс.50-51
- ¹¹⁵ Пругавин А Религиозные отщепенцы. Вып. I, стр. 121, СПБ. 1904 г
- ¹¹⁶ там же
- ¹¹⁷ там же
- ¹¹⁸ ОР РГБ Ф.135/III к.32 ед.37 В.Г. Короленко «Сектантство» л.27
- ¹¹⁹ Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863. С.431
- ¹²⁰ Грацианский Д. Что такое секта вообще и «рационалистическая» и «мистическая» – в частности.// Миссионерское обозрение 1904, 6-10 с.973
- ¹²¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры т.2, ч.1 1994 с.103
- ¹²² Бонч-Бруевич В.Д Избранные сочинения т.1 М., 1959 сс.102-103
- ¹²³ Буткевич Т.И Обзор русских сект и их толков. СПб 1915. с.10
- ¹²⁴ Кутепов К. Секты хлыстов и скопцов Казань 1882. С. 283
- ¹²⁵ Крывелев И.А История религии. тт.1,2 М.,1976. С.51
- ¹²⁶ Буткевич Т.И Секта хлыстов // Миссионерское обозрение 1901, №№11-12 с.29
- ¹²⁷ Бонч-Бруевич В.Д Избранные сочинения т.1 М.,1959 с.28
- ¹²⁸ Кальнев М. Значение молитвенных песнопений сектантов в деле пропаганды их лжеучений.// Миссионерское обозрение 1904, 11-15 с.372
- ¹²⁹ там же с.373
- ¹³⁰ Мельников П.И. Материалы по истории хлыстов и скопцов. Отделение третье, правительственные распоряжения, выписки и записки о скопцах до 1826 года // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских 1872, кн.3. с.34-35
- ¹³¹ Андерсон В. Старообрядчество и сектантство СПб., б/д с.326
- ¹³² Кельсиев В.И. Сборник правительственныех сведений о расколе. Лондон., 1861 вып.3 с.177-178
- ¹³³ ЦИАМ Ф.131.он.8 д.131 Переписка прокурора Московской судебной палаты о сектантстве. 1898 год л.11
- ¹³⁴ там же л.11
- ¹³⁵ там же л.11
- ¹³⁶ там же л.20
- ¹³⁷ там же л.20
- ¹³⁸ Буткевич Т.И Секта хлыстов//МО. 1901 год №№ 11-12 с.573
- ¹³⁹ Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863 с.340
- ¹⁴⁰ Кельсиев В.И. Сборник правительственныех сведений о расколе. Лондон., 1861 т.3. С. 180
- ¹⁴¹ Новицкий О. Духоборы. Их история и вероучение. изд 2ое, Киев, 1882
- ¹⁴² Бонч-Бруевич В Животная книга духоборцев СПб 1909 год с.XXIII
- ¹⁴³ Записка поданная духоборами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому М., 1871 год с.48-50
- ¹⁴⁴ Бонч-Бруевич В Животная книга духоборцев СПб 1909 год с.XXXIV
- ¹⁴⁵ там же с.XXXVI
- ¹⁴⁶ Вероисповедание духовных христиан обыкновенно называемых молоканами. Женева 1868од. С. IX.
- ¹⁴⁷ Никольский Н.М. с.189
- ¹⁴⁸ Российское законодательство X-XX веков. М., 1986. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма с.161
- ¹⁴⁹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ) т.VI № 4036
- ¹⁵⁰ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983 с.191
- ¹⁵¹ там же с.220
- ¹⁵² Папков А.А. Упадок православного прихода. М., 1899 с.13

- ¹⁵³ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983 с.223
- ¹⁵⁴ Полное собрание постановлений по ведомству православного исповедания Российской империи т.8 1733-1734 гг. СПб, 1898 с III
- ¹⁵⁵ там же с.255
- ¹⁵⁶ Иеромонах Платон Собрание проповедей митрополита Платона. Т.8 СПб., 1910
- ¹⁵⁷ Церковный Вестник 1892 год №14 с.438
- ¹⁵⁸ ПСЗ собрание 1 т. 26 №19836 СПб 1804
- ¹⁵⁹ Степлецкий Н. Князь А.И. Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев 1901 год
- ¹⁶⁰ Смолич И.Ж. Историк Русской Церкви 1700-1917. Книга 8, часть 1. М., 1996. С.105с.321
- ¹⁶¹ Смолич И.Ж. Историк Русской Церкви 1700-1917. Книга 8, часть 1. М., 1996. С.105
- ¹⁶² Николин Алексей иерей. Церковь и государство. М., 1997.
- ¹⁶³ Римский С.В. Церковные реформы Александра II/Вопросы истории 1996 №4 с.34
- ¹⁶⁴ Алексеева С.И. Институт синодальной обер-прокуратуры и обер-прокуроры св. Синода в 1856-1904 годах // Нестор 2000 №1 с.292
- ¹⁶⁵ Либрович С.Ф. на книжном посту. Воспоминания, записки, документы. Пг М 1916 Репр Таллин М 1993
- ¹⁶⁶ Ветхий завет Тита III 10-11
- ¹⁶⁷ Барсов Н.И. Существовала ли в России инквизиция? СПб., 1892. сс.7-8
- ¹⁶⁸ Высотский Н.Г. Материалы из истории духоборческой секты. Сергиев Посад, 1914 с.7
- ¹⁶⁹ Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863. см ксерокс
- ¹⁷⁰ РГАДА. Ф.7 ед. хр.334 ч.1-3
- ¹⁷¹ Леонид, архимандрит. Изъяснение раскола, имянумого христовщина или хлыстовщина // Чт.ОИДР, 1874, 3 с.66
- ¹⁷² там же с .76
- ¹⁷³ Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863.
- ¹⁷⁴ там же с.VI
- ¹⁷⁵ там жес.563
- ¹⁷⁶ Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863. с.48
- ¹⁷⁷ Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863. с.64
- ¹⁷⁸ там же с.130
- ¹⁷⁹ там же с.131
- ¹⁸⁰ там же с.69
- ¹⁸¹ Кельсиев В.И. Сборник правительственныех сведений о расколе. Лондон., 1861 вып. 3 с.44
- ¹⁸² там же с.48
- ¹⁸³ там же
- ¹⁸⁴ Энгельштейн Л. Скопцы и царство небесное. М., 2002 год с. 69
- ¹⁸⁵ Собрание постановлений по части раскола СПб 1860 год с.168-170
- ¹⁸⁶ Собрание постановлений по части раскола 1858 года с.170-173 и Собрание мнений и отзывов т.2 с.364-369
- ¹⁸⁷ Зыков А. Деятельность митрополита Филарета в борьбе с расколом М., 1893 с.2
- ¹⁸⁸ Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам М., 1886 т.4. с.297
- ¹⁸⁹ там же т. доп. с.463,465
- ¹⁹⁰ там же т.4. с.514
- ¹⁹¹ там же т.2 с.444
- ¹⁹² там же т.доп. с. 229
- ¹⁹³ там же т.4 с.300
- ¹⁹⁴ Надеждин Н.И. Исследование о скопческой ереси. Спб., 1845
- ¹⁹⁵ Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863. с.411
- ¹⁹⁶ Марков В.С. К истории раскола старообрядчества второй половины XIX века М., 1914 года с.38
- ¹⁹⁷ Российское законодательство X-XX веков. М., 1987. Т.6 с. 220
- ¹⁹⁸ там же
- ¹⁹⁹ там же
- ²⁰⁰ Там же с 230
- ²⁰¹ там же с. 231
- ²⁰² Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858. С. 49
- ²⁰³ там же
- ²⁰⁴ там же с. 623
- ²⁰⁵ ЦИАМ Ф.131 оп.27 д.142 Переписка прокурора московской судебной палаты о лицах принадлежащих к сектам хлыстов, скакунов и шелапутов. 1870 год. Лл.3,4
- ²⁰⁶ Липарди И. Краткое обозрение русских расколов, ересей, сект. // Чт.ОИДР 1870, кн.2 с.189

- ²⁰⁷ Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам М., 1886 Т.5. с.599-600, Собрание постановлений по части раскола М., 1860 год с.830-835
- ²⁰⁸ Митрохин Л.Н Была ли реформация в России?//. Российская цивилизация Этнокультурный и духовный аспекты. М., 1998 с.138
- ²⁰⁹ ПСЗ собр. 3 №1515 СПб 1884
- ²¹⁰ там же
- ²¹¹ Кони А.Ф. На жизненном пути т.1 СПб., 1912 год. с.540
- ²¹² там же с.539
- ²¹³ ОР РГБ ф.135/III к.14 ед.35 В.Г. Короленко Неплательщики. л.6.
- ²¹⁴ там же Молокане л.38
- ²¹⁵ ОР РГБ Ф.369 В.Д. Бонч-Бруевич к.44 ед.1 Движение среди русских крестьян так называемых духоборцев сосланных царским правительством в Закавказье с 1886 по 1902 год. л.60
- ²¹⁶ Введенский А. Борьба с сектантством. Одесса, 1914. Сс.91-92,
- ²¹⁷ Церковный вестник 1892 №36 с.33.
- ²¹⁸ Бобрищев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902 год с.119
- ²¹⁹ там же с.128
- ²²⁰ там же
- ²²¹ Киевский собор 1884 года. Записки архиепископа Никанора. // Русский архив 1908 №№8,9 с.92
- ²²² Кони А.Ф. На жизненном пути т.1 СПб., 1912 год.
- ²²³ ОР РГБ Ф.135/III к.32 ед.37 В.Г. Короленко Сектантство л.9
- ²²⁴ Кони А.Ф. На жизненном пути т.1 СПб., 1912 год. С.558.
- ²²⁵ Бобрищев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902 год с. 120
- ²²⁶ Кони А.Ф. На жизненном пути т.1 СПб., 1912 год. с.565
- ²²⁷ МО 1900;1-6 с.390
- ²²⁸ Киевский собор 1884 года. Записки архиепископа Никанора. // Русский архив 1908 №№8,9 с.135
- ²²⁹ там же с.103
- ²³⁰ там же сс.58-59
- ²³¹ Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам М., 1886
- ²³² Потоцкий П. Заботы русских пастырей церкви о развитии просвещения и проповедничества среди белого духовенства в эпоху императрицы Екатерины II. Казань, 1909. сс.28-29
- ²³³ Архангелов С.А. Среди расколов и сект Поволжья. Историко-бытовые очерки раскола и сектантства СПб 1899 год с.3
- ²³⁴ Недзелинский И. Штундизм, причины появления и разбор учения его. Изд. 2ое СПб., 1899 год с.21
- ²³⁵ Переписка К.П. Победоносцева с епископом Никанором.//Русский архив 1915 №№7-8с.347с.97
- ²³⁶ Папков А.А. Упадок православного прихода. М., 1899 с.99
- ²³⁷ Киевский собор 1884 года. Записки архиепископа Никанора. // Русский архив 1908 №№8,9 с.342
- ²³⁸ Пругавин А.: „Религиозные отшепенцы”. Вып. I, стр. 121, СПБ. 1904 г
- ²³⁹ там же с.15
- ²⁴⁰ Кельсиев В.И. Сборник правительенных сведений о расколе. Лондон., 1861 т.2 с.23
- ²⁴¹ Папков А.А. Упадок православного прихода. М., 1899 с.47
- ²⁴² Церковный Вестник 1892 год №14 с.438
- ²⁴³ Папков А.А. Упадок православного прихода. М., 1899 с.69
- ²⁴⁴ ПСЗ собрание 1 т. 26 №19995 СПб 1804
- ²⁴⁵ ПСЗ собрание 1 т. 30 №23122-23124 СПб 1804
- ²⁴⁶ ПСЗ собрание 1 т.28 №21720 СПб 1809
- ²⁴⁷ Римский С.В. Церковная реформа Александра II//Вопросы истории 1996 год №4 с.44 с.38
- ²⁴⁸ Римский С.В. Церковная реформа Александра II//Вопросы истории 1996 год №4 с.44
- ²⁴⁹ Полунов А.Ю. «Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III М., 1996 с. 30
- ²⁵⁰ Варадинов Н. История МВД. Кн.8 СПб., 1863. С.64
- ²⁵¹ Папков А.А. Упадок православного прихода. М., 1899 с.200
- ²⁵² Собрание постановлений по части раскола кн 2 СПб 1858 год. Сс. 168-169
- ²⁵³ там же с.298
- ²⁵⁴ там же с.528
- ²⁵⁵ Беликов В. Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу Казань 1895 год. с.78
- ²⁵⁶ МО 1900 №№1-6, с 343
- ²⁵⁷ Кельсиев В.И. Сборник правительенных сведений о расколе. Лондон., 1861 т.2 с.342
- ²⁵⁸ Переписка К.П. Победоносцева с епископом Никанором.//Русский архив 1915 №№7-8с.347
- ²⁵⁹ там же с.220

- ²⁶⁰ Папков А.А. Упадок православного прихода. М., 1899. с. 54
- ²⁶¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Царствование императора Павла I Петроград 1915 с.35
- ²⁶² там же с.547
- ²⁶³ там же сс.54-55
- ²⁶⁴ Потоцкий П. Заботы русских пастырей церкви о развитии просвещения и проповедничества среди белого духовенства в эпоху императрицы Екатерины II. Казань, 1909 с 14
- ²⁶⁵ Потоцкий П. Заботы русских пастырей церкви о развитии просвещения и проповедничества среди белого духовенства в эпоху императрицы Екатерины II. Казань, 1909 с.5.
- ²⁶⁶ Потоцкий П. Заботы русских пастырей церкви о развитии просвещения и проповедничества среди белого духовенства в эпоху императрицы Екатерины II. Казань, 1909с.8
- ²⁶⁷ Свод законов рос империи (см. тетрадку)
- ²⁶⁸ Кальнев М. Почему православные отпадают в сектантство // Миссионерское обозрение 1906 №3с. 63
- ²⁶⁹ Веденский А. Борьба с сектантством. Одесса, 1914 с.251
- ²⁷⁰ Потоцкий П. Заботы русских пастырей церкви о развитии просвещения и проповедничества среди белого духовенства в эпоху императрицы Екатерины II. Казань, 1909. С.25
- ²⁷¹ там же с 27
- ²⁷² Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863.с.50
- ²⁷³ Добромуслов П. Несколько слов о современной хлыстовщине (по поводу тарусского дела о хлыстах) // Миссионерский сборник. М.,1895с.106.
- ²⁷⁴ Духовные меры против раскола. б.г. С.134
- ²⁷⁵ там же
- ²⁷⁶ Собрание постановлений по части раскола кн 2 СПб 1858 год. с.270
- ²⁷⁷ Церковный общественный вестник 1880 год №128 с.5
- ²⁷⁸ там же с.350
- ²⁷⁹ там же с.374, 350
- ²⁸⁰ Собрание постановлений по части раскола кн. 2 СПб., 1858.с.548-550
- ²⁸¹ там же с..278
- ²⁸² Беликов В. Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу Казань 1895 год. с.97
- ²⁸³ там же с.92
- ²⁸⁴ Осипов В.И. Миссионерское противораскольничье братство Ал. Невского М., 1994 с.33
- ²⁸⁵ Собрание постановлений по части раскола кн.II с.534-540
- ²⁸⁶ ЦИАМ Ф.229 оп.2. д.1086
- ²⁸⁷ Ивановский Н. Имеет ли наше внутренне противораскольническое и противосектантское миссионерство будущность? // Миссионерское обозрение 1898 №1-5 с.578
- ²⁸⁸ Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к сектантам. Вязники, 1888.
- ²⁸⁹ Миссионерский сборник 1891 №№1-2 с.262
- ²⁹⁰ Громогласов И.М. III-ий всероссийский съезд. Сергиев-Посад, 1898.с.15
- ²⁹¹ Материалы для истории православного российского миссионерства. вып. 2,3 М., 1894.с.16
- ²⁹² там же с.18
- ²⁹³ Веденский А. Борьба с сектантством. Одесса, 1914 с.120
- ²⁹⁴ МО 1899, №1-5 с.534
- ²⁹⁵ Веденский А. Борьба с сектантством. Одесса, 1914.261
- ²⁹⁶ Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к сектантам. Вязники, 1888 с.6
- ²⁹⁷ Громогласов И.М. III-ий всероссийский съезд. Сергиев-Посад, 1898.с.20
- ²⁹⁸ Остроумов Н.И. Новейшие мистические секты и православная миссия. Рязань, 1910.с.21
- ²⁹⁹ Веденский А. Борьба с сектантством. Одесса, 1914 с.18
- ³⁰⁰ там же с.21
- ³⁰¹ ОР РГБ Ф.135/III к.32 ед.37 В.Г. Короленко Сектантство л.1
- ³⁰² Материалы для истории православного российского миссионерства. вып. 2,3 М., 1894. С.18
- ³⁰³ Веденский А. Борьба с сектантством. Одесса, 1914 с.27
- ³⁰⁴ Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к сектантам. Вязники, 1888 с.6
- ³⁰⁵ Бобрищев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902 год с.68
- ³⁰⁶ Вера и разум 1886 стр.414
- ³⁰⁷ Миссионерский сборник 1891 год 01-02 с. 228-230
- ³⁰⁸ Бобрищев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902 год с.126
- ³⁰⁹ Церковный Вестник №14 1892 с.220

- ³¹⁰ Бобрищев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902 год с.71
- ³¹¹ Сборник сведений о православных миссиях и деятельности православного миссионерского общества кн I М., 1888, с. 45
- ³¹² Остроумов Н.И. Новейшие мистические секты и православная миссия. Рязань, 1910.с.19
- ³¹³ Громогласов И.М. III-ий всероссийский съезд. Сергиев-Посад, 1898.
- ³¹⁴ Бобрищев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902 год с. 113
- ³¹⁵ МО 1900; №№ 1-6 с.210
- ³¹⁶ Ивановский Н. Имеет ли наше внутренне противораскольническое и противосектантское миссионерство будущность? // Миссионерское обозрение 1898 №1-5 с.578
- ³¹⁷ Законы о раскольниках и сектантах. М., 1897 год.
- ³¹⁸ там же
- ³¹⁹ ЦИАМ Ф.131. оп.26. д.39
- ³²⁰ ЦИАМ Ф.131 оп.9 д.114 Переписка прокурора московской судебной палаты по делу о распространении скопческой ереси. 1886 год.
- ³²¹ там же л.1
- ³²² там же л.58
- ³²³ ОР РГБ Ф.135/III к.32 ед.37 В.Г. Короленко Сектантство л.7
- ³²⁴ там же л.18
- ³²⁵ там же
- ³²⁶ ОР РГБ ф..369 В.Д. Бонч-Бруевич к.44 ед.1 Движение среди русских крестьян так называемых духоборцев сосланных царским правительством в Закавказье с 1886 по 1902 год.
- ³²⁷ там же ст.61 1885 год
- ³²⁸ Законы о раскольниках и сектантах. М., 1897 год
- ³²⁹ Кони А.Ф. На жизненном пути т.1 СПб., 1912 год с. 559
- ³³⁰ ОР РГБ Ф.135/III к.32 ед.37 В.Г. Короленко Сектантство
- ³³¹ Бобрищев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902 год сс.139-140
- ³³² ЦИАМ Ф.131 оп.9 д.114 Переписка прокурора московской судебной палаты по делу о распространении скопческой ереси. 1886 год. л.42
- ³³³ там же л.5
- ³³⁴ там же лл.49-50
- ³³⁵ там же л.52
- ³³⁶ там же л.53
- ³³⁷ там же л. 69
- ³³⁸ там же л. 72
- ³³⁹ там же лл. 77-78
- ³⁴⁰ там же л.120
- ³⁴¹ там же
- ³⁴² там же л 124
- ³⁴³ Законы о раскольниках и сектантах. М., 1897 год
- ³⁴⁴ Голикова Н.Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII-XVIII вв./// Абсолютизм в России (XVII-XVIIIвв.): Сб. ст. к 70-летию Б.Б.Кафенгауза. М., 1964 с.450)
- ³⁴⁵ там же с.27
- ³⁴⁶ там же с. 31
- ³⁴⁷ Собрание постановлений по части раскола СПб., 1858.с.479
- ³⁴⁸ Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998 с.14
- ³⁴⁹ там же с. 41
- ³⁵⁰ там же
- ³⁵¹ Колчин М. Ссыльные и заточенные в Соловецком остроге в 16-19 вв. М., 1908.с.34
- ³⁵² там же с.48
- ³⁵³ РГАДА ф.308 № 18 л.4
- ³⁵⁴ Кокорева Т.В. Сузdalский Спасо-Евфимьевский монастырь как место заточения раскольников в XIX веке//Вестник МГУ с.110
- ³⁵⁵ РГАДА ф.1203 Вяз.309 №33
- ³⁵⁶ Мельников П.И. Полное собрание сочинений т.3 Спб., 1909 с. 382, 392-396
- ³⁵⁷ Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863 с.38
- ³⁵⁸ Баженов Н.В. Историческая записка о скопческой секте в России в 1843-1870 гг//МО 1905 №1 с.90
- ³⁵⁹ там же с. 884
- ³⁶⁰ Кельсиев В.И. Сборник правительенных сведений о расколе. Лондон., 1861 вып. 3
- ³⁶¹ Кельсиев В.И. Сборник правительенных сведений о расколе. Лондон., 1861 вып. 2 с.1
- ³⁶² там же

-
- ³⁶³ Кельсиев В.И. Сборник правительственныех сведений о расколе. Лондон., 1861 вып. 2
- ³⁶⁴ Кельсиев В.И. Сборник правительственныех сведений о расколе. Лондон., 1861 вып. 2 с.17
- ³⁶⁵ там же с208
- ³⁶⁶ там же
- ³⁶⁷ Сын отечества 9.01с 1899.46
- ³⁶⁸ Статистические таблицы Российской империи изданные по распоряжению МВД. б.м., 1863. С.237
- ³⁶⁹ ЦИАМ Ф.131 оп.9 д.114 л.1
- ³⁷⁰ там же л.8
- ³⁷¹ там же с58
- ³⁷² Статистические таблицы Российской империи изданные по распоряжению МВД. б.м., 1863.с.212
- ³⁷³ там же 234
- ³⁷⁴ там же 234-235
- ³⁷⁵ Бонч-Бруевич В.Д Избранные сочинения т.1 М., 1959
- ³⁷⁶ Пругавин А.С. О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства. М., 1905 сс.8-9
- ³⁷⁷ Надеждин Н. Исследование о скопческой ереси. СПб., 1844
- ³⁷⁸ Шестаков В.П. Эсхатология и утопия М., 1995 с.110
- ³⁷⁹ по данным приведенным в исследовании Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863
- ³⁸⁰ Варадинов Н. История министерства внутренних дел Н. Варадинова. Кн.8 СПб 1863
- ³⁸¹ Баженов Н.В. Историческая записка о скопческой секте в России в 1843-1870 гг// МО 1905 №1
- ³⁸² Составлена на основе сравнения данных приведенных в Извлечение из отчета обер-прокурора Синода за 1837 год Спб 1838 и в
- ³⁸³ Статистические таблицы Российской империи вып 2 Спб 1863
- ³⁸⁴ Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. Разработанное центральным статистическим комитетом МВД. СПб., 1901.
- ³⁸⁵ Сравнительная таблица данных приведенных в след. источниках: Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. Разработанное центральным статистическим комитетом МВД. СПб., 1901 и Статистические таблицы Российской империи вып 2 Спб 1863
- ³⁸⁶ Кокорева Т.В. Сузdalский Спасо-Евфимьевский монастырь как место заточения раскольников в XIX веке//Вестник МГУ
- ³⁸⁷ Извлечение из отчета обер-прокурора Синода за 1837 год Спб 1838
- ³⁸⁸ Материалы для статистики Российской Империи Министерства Внутренних Дел. СПб., 1839